

Виктор Мишин

СОЛДАТ

Солдат

Превратности судьбы

Возвращение

Военная фантастика
коллекция

Виктор Михайлович Мишин
Солдат : Солдат. Превратности
судьбы. Возвращение
Серия «Коллекция. Военная
фантастика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51657414

Солдат : Солдат. Превратности судьбы. Возвращение: сборник /

Виктор Мишин: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-121504-0

Аннотация

Александр Иванов приходит в себя в медицинском обозе. Вокруг множество раненых в старой форме Красной Армии. Вопросы: что, где и когда – сразу отпадают.

Да, это СССР образца сорок второго года. Решение Александра простое – он хочет воевать против гитлеровской Германии как обычный солдат, вместе с предками.

После первых и жестоких боев в самой значительной битве Великой Отечественной войны Александр Иванов заканчивает восстановление в госпитале. Судьба дала ему шанс, и он не погиб в страшном водовороте событий, но на фронт возвращается несколько иной человек.

Пытаясь найти себя, герой попадает в новые передраги на полях сражений. После одной из которых его судьба вновь переворачивает все с ног на голову. И вот Александр уже там, где на первый взгляд войны вроде как и нет, но солдат, он везде – СОЛДАТ.

Содержание

Солдат

5

Конец ознакомительного фрагмента.

268

Виктор Мишин

Солдат: Солдат.

Превратности

судьбы. Возвращение

Солдат

«А-а-а! Вашу в транспорт. Какого хрена. Что со мной, а-а, сейчас сдохну. Блин, башка, наверное, лопнет сейчас. Что так гремит-то? Кто орет?»

– Синицын, чего с ним?

– Так танк взорвался рядом, товарищ лейтенант. Он рядом с той копной лежал, где Федоренко спрятался. Как его осколками не посекло, вообще непонятно. Там куда чего летело, в него ни хрена не попало.

– Отставить словоблудие, тащите его к санитарам. Пусть глянут, у нас бойцов почти не осталось, а он вроде не раненый, пусть посмотрят – живой или нет?

– Ясно, товарищ командир.

Какие в дупу командиры, товарищи? И блин, зачем они так орут? – я сжался в комок, но распрямылся почти сразу и резко. Рвало меня, наверное, целую вечность.

«Кто я?» «Где я?» «На хрена я?»»

Сколько прошло времени, не знаю. Меня постоянно куда-то волокли, лишь вздохнул свободно, когда ночью на что-то положили, после этого была лишь легкая тряска. Вот же ж какая засада, что же со мной все-таки? Ехал вроде на машине, куда... нет, не помню, очнулся – грохот и боль в голове. Люди какие-то странные вокруг. Кричат, ругаются, немцев матом кроют... так, стоп, походу, приехали. Точнее, я и приехал. Маму вашу в транспорт, в общественный. Я что, гребаным попаданцем заделался? Ё!.. Так, что-то тот, которого называли Синицыным, говорил про взрыв. Танк рядом со мной подбили, а меня не задело, голова раскалывается, наверное, контузия. Черт, а болит и правда очень сильно. Значит, буду считать, что я именно «попал». Причем туда, куда давно мечтал, не, ну а что?

Зовут меня Александром, фамилия моя, ага, самая что ни на есть русская, Иванов я. Мне двадцать восемь лет, в прошлой теперь уже жизни просто жил, не выделяясь и не мешая другим.

Сколько в той жизни сталкивался с людьми, мечтающими об Отечественной войне? Да очень часто. В том мире, мире без войны и особых проблем, люди жаждали приключений. По телевизору, в Интернете, одна сплошная фигня, прошу прощения – толерантность. Смартфоны-покемоны, Дом-2 или 5, не знаю, как правильно, какой по счету. Филь-

мов хороших нет, музыки нет, работы тоже почти нет, зато есть санкции и кризис. Последнее вообще штука заразная оказалась. На работе делаем то же, что и раньше, в тех же объемах, почти с неизменными ценами, а зарплата каждый месяц все меньше. Начальство в ответ на вопрос отвечает просто – а чего ж вы хотите-то, кризис в стране. Хоть смеяться, хоть плачь.

Опять где-то что-то рвануло, значит, все-таки война. Велеслуха, конечно, сомнительная, но что-то мне подсказывает, что мое место именно тут. Столько раз задумывался, а смог бы жить в эпоху Сталина, Берии и других членов группировки КПСС? А вот и посмотрим, если не грохнут, пока не встану на ноги, потом уж я постараюсь выжить. Что делать, пока не знаю, но здесь я задержусь. Я обычный русский мужик из средней полосы России. Никаких особых знаний или умений. Есть, правда, одно «но», читать люблю и делаю это с удовольствием. Работал на производстве, во время работы восемь часов в наушниках слушаю аудиокниги, вечером и в выходные читаю с экрана. Слышал частенько, как люди выделяются: читаю только на бумаге, настоящая книга только в бумаге. Ну а я попроще, читаю со смарта, с планшета, с ноута, да по хрену с чего, была бы книга интересной. Так вот, увлекся слегка, благодаря чтению имею неслабый багаж знаний, да, теория, но практика штука наживная. Знания, конечно, далеко не профессорские, но и не детский сад. Знаю многое, не раз друзья и знакомые удивлялись: откуда

ты столько знаешь? Часто приходили за советом. Хотя, если честно, советы давать не люблю, считаю, что спрашивают совета для того, чтобы ему не следовать.

Двое суток мы едем куда-то на восток, определяю по встающему утром солнцу. Везут меня и еще четверых на телеге. Пробовал скосить глаза, разглядел только соседей справа и слева, те в кровище лежат, хоть и замотанные, как мумии, даже как-то стыдно. У меня уже и руки стали работать, но как будто не мои. Пытаюсь сжать кулак, а пальцы лишь скрючиваются, как у калеки. Ноги просто гудят, вставать не пробовал, да и никак. В повозке встанешь, тут и свалишься. Постоянно люблюсь только на конский хвост и на то, что периодически из-под этого хвоста валится, а вонища-то какая! Да, изнежен чересчур человечек из двадцать первого века. Что мы знаем там об этой войне? Как драпали сначала, потом «научились» наконец воевать, и айда, в Гейропу. Страшный сон бесноватого воплощать в реальность, баба рулит Германией, а коренных немцев в три раза меньше, чем турок! А война она вон какая, грязища, звиздец, не представляю, как тут вообще передвигаться можно. Бойцы, что идут вокруг нескольких телег с ранеными, просто тонут в грязи. Постоянно вижу и слышу, как, чертыхаясь, падает то один, то другой. Дождь только кончился, пару часов всего прошло, тучи не расходятся, может полить в любой момент. Лесов здесь нет, сплошные поля, не ровные, чувствую, как

телега то вверх идет в гору, то чуть ускоряется, на спуске. По разговорам улавливаю суть, мы опять отступаем. Дали нам транды по-хорошему, вот и драпаем, узнать бы хоть, какой год-то сейчас.

Откуда-то появился нарастающий гул, непонятно на что похожий, но все как-то засуетились. Слух вроде приходит в норму, разговоры над головой не воспринимаются ором, поэтому прислушиваюсь.

– Воздух! – Как призывно-то, какой воздух?

Вокруг слышалась возня и редкие команды. Чуть поднимаю голову и вижу, как вся толпа, что шла с обозом, приснула в разные стороны. Возница подстегивает старую клячу, что тянет нашу телегу, кнутом, и тут раздался он... Вой с неба был настолько громким и противным, что шея невольно втянулась в плечи. Так вот что такое «лаптежник», заходящий на бомбометание, бляха, страшно-то как... Перевалился через борт телеги прямо на ходу. Больно ударившись о землю, загребая руками и ногами, отползаю в сторону. В нескольких метрах виднелась расщелина, может овражек небольшой, туда я и двинул. От разрыва первой бомбы меня подкинуло на полметра. Грохнувшись, попытался оглядеться, но боясь не успеть доползти, бросил это занятие. Вот она, спасительная расщелина. Утрамбовался так, что не вижу ни хрена вокруг, в глазах песок, во рту грязь. Тьфу ты, хрен отплюешься теперь. Между тем грохот и взрывы продолжались, землю трясло так, что та передавала часть

энергии взрывов на меня. Боль не такая, что не вынести, но приятного мало. Земля, казалось, летела отовсюду, даже горизонтально. Когда вокруг стихло, я не заметил, видимо опять отключался. Выполз из ямы, когда уже смеркалось. Вокруг была небольшая суета, соскребали убитых, перевязывали недобитых. С грустью отметил, что телег у нас больше нет. Разглядев бывшего возницу с «моей» телеги, поковылял к нему.

– Бать, есть закурить, – спросил первое, что пришло в голову.

– Держи, только спичек нет, – не поднимая головы, ответил водитель кобылы. Взяв у него кисет, развязал тесемку и заглянул внутрь. Хорошо, даже бумага заготовлена. Свернул «ножку» и закурил. Спички я давно в кармане нашел, а вот кисета не было, жить – хорошо!

– Дай «добью», – обратился возница. Я протянул ему с начала его же кисет, сделав пару затяжек, передал и самокрутку. Боец глубоко затянулся и крякнул от удовольствия.

– Хорошо пошла, – констатировал он.

– Точно. Куда идем-то, известно? – решил забросить удочку я.

– Теперь уж и не знаю, куда пойдем. Убило при бомбежке и командира, и старшину. Шли на восток.

– Понятно, что не на запад. Где мы хоть примерно-то, ни хрена не помню, что случилось. Очухался у тебя в повозке.

– Так Дон где-то недалеко на северо-восток. А приложило

тебя еще под Лозовой. – Черт, ни фига не ясно, может, как сорок первый быть, так и сорок второй.

– Дед, а бумаги нет? А то неудобно курево у тебя «стрелять» постоянно, так хоть бумага своя будет. Разбогатею – отдам.

– Вон полстранички от газеты осталось, бери, табаку-то отсыпать?

– Спасибо. И так как попрошайка. Табак-то, может, у кого найду, а вот с бумагой труднее.

– Это точно, – кивнул возница и отдал мне газету. Меня интересовала только дата вверху. 21 мая 1942 года, вот так, значит, вышли из котла под Барвенково, ну хоть что-то теперь знаю. Неизвестно, сколько мы тут болтаемся, но думаю, что сейчас июнь, а может и июль, жарко уж больно.

Если и правда уже второй месяц лета, то фрицы сейчас будут жать нас за Дон и сразу двинут к Волге. Если раньше не хлопнут, значит, могу встретить своего деда в городе на Волге. Шучу, конечно, где я тут его встречу. Да и в госпиталь он попадет скоро, с первым ранением. А меня, наверное, с остатками роты, в которую я «попал», отправят на переформирование. Ну, это в идеале, конечно, скорее просто волюют в какую-нибудь часть, да и все. Возница сказал, что от роты осталось двенадцать человек. Теперь вот еще и оставшихся командиров выбило.

Так, рассуждая, я бродил среди убитых под бомбежкой. Пару раз рвало, даже не знаю и чем, ел-то последний раз, не

знаю и когда. Блевал от вида растерзанных тел. После бомбежки вокруг одни фрагменты. От лейтехи вон одну изуродованную голову опознали с частью груди и левой рукой, где остальное – фиг его знает. Старшине вот повезло, целым похоронили, осколок в грудь, как санитар сказал: «Прямо в сердце, умер сразу».

Погибших похоронили по-человечески, в сторонке от полевой дороги. Разве что без гробов и сапогов. Отступали мы сборной солянкой, из трех разных частей были бойцы. Всего от бомбежки погибло восемнадцать человек, раненых куча, а таких как я, целых, всего трое. Нашел себе винтовку, патроны. Патроны были в подсумках на ремне, а сам ремень валялся просто на земле, чей он – неизвестно. Нашел сидор, в нем портянки, дойдем до воды, надо простирнуть. Фляжку ранее взял из кучи, что набралась после похорон павших. В сидоре был кисет, и в нем даже осталось немного табака. Каску взял, нашел неплохой перочинный ножик, вот в принципе и всё. Хотел еще наган взять, видно от лейтехи остался, так он с поврежденным стволом оказался. Вообще, такое впечатление было, что бомба прямо в командира попала, надо же так разорвать...

Ужас и страх царил в глазах этих голодных людей, что пережили сначала разгром на позициях, а теперь вынужденыдохнуть под бомбами. Брошены, именно брошены на произвол судьбы. Не пойдешь – дезертиром обзовут, придешь – трусом. Разговоры вокруг разные, я больше отмалчиваюсь,

не больно хочется выдавать свое незнание реалий. Про людей говорю, а у самого наверняка такой же видок. Да, страшно, очень страшно, никогда не забуду ни трупы бойцов, ни звуки бомбежки. Не передать словами весь тот ужас, что царил вокруг. Понимаю, что скорее всего я еще нагляжусь на такое, а может, и похлеще что будет. Это еще хорошо, что сам-то целый, хоть и пришибленный.

Последний дождь был позавчера, а по полю мимо нас ветерок уже гонял пыльные шары. Ну, хоть грязища просохла, уже плюс. Пыль клубится под ногами, скрипит на зубах, голова чешется, да вообще все тело зудит. Да знаю я, что такое вши, знаю. Просто из двадцать первого века в эту грязь и антисанитарию, понятно, что война и все такое, естественно, привыкну, куда деваться-то. Но пока еще с трудом преодолеваю себя, заставляя вживаться в образ.

Портянки в стоптанных сапогах постоянно сбиваются, после трех остановок на перемотку, уже лень снова останавливаться, а все-таки надо, а то собью ноги, будет вообще жопа, идти-то еще хрен знает сколько.

Интересно было, когда при осмотре «своего» тела обнаружил, что оно здорово похоже на мое собственное, из той жизни. Глянул в красноармейскую книжку, увидел, что возраст почти совпадает, двадцать пять мне нынешнему. Нет только моих шрамов, ну и там, ниже пояса, но выше колен, немного другое. Памяти того, чье тело я занял, не обнаружил, будет еще с этим проблемы. В реалиях этого времени я

ни бум-бум. Одно дело читать про эти времена, совсем другое здесь находиться. У местных в подкорку вбита приверженность курсу партии, а у меня что? Ладно, фиг с ним, надоело «гонять», будем жить, а как, это второй вопрос.

Идти надоело до жути. По пути попадаются еще не опустевшие деревеньки, но жратвы нигде нет, люди сами последнюю брюкву доедают. Бредем как бараны, куда, сколько еще и зачем, неизвестно. Конечно, цель-то одна, немец к Волге идет, тормозить пора, но нас тут всего взвод. Да, а сколько сейчас таких взводов так же, как и мы, пробираются на соединение? Многие побросали свою амуницию, кто-то даже винтовки выбросил, я не влезал до поры, но когда началась первая истерика, пришлось зубы показать. Особо выделяться не стали, винтовка у меня у одного заряжена, как бы ни тяжело было, но я ее упорно тащу, чую, хлебнут лиха те, кто бросил оружие.

Подобранная мной после бомбежки винтовка оказалась вполне исправной. Ложе чуть покоцано было, но я ножом затер, даже гладкое стало. Хрен ее знает, как она пристреляна, но по назначению ей пользовались давно. Нагар и налет ржавчины счищал долго, но теперь ствол изнутри аж блестит. патронов всего десяток был, но мне, наверное, стрелять не скоро придется. К своим выйдем, наверняка ствол отнимут в пользу тех, кто будет умирать на передовую, а пока нас к кому-нибудь будут присоединять, оружие будет не нужно.

Через два дня, усталые как шахтеры после недельного за-
боя, наша пестрая компания выползла к реке. Дону радова-
лись недолго, появившийся очень оперативно какой-то пав-
лин в расшитой узорами гимнастерке и синих галифе быст-
ро дал понять, что мы не солдаты, а по меньшей мере тру-
сы поголовно, ладно хоть сразу во враги народа не списа-
ли. Мне, как одному из немногих, что сохранил винтовку,
попало на удивление даже больше других. Те, кто потерял
оружие, поголовно утверждали, что оружие пришло в негод-
ность во время боя, и им верили! А мне и еще шестерым бой-
цам «не повезло». Оружие исправно, у меня еще и вычище-
но, заряжено и есть патроны, кто мы, как не трусы? Конечно,
никто никого не сдавал. Мужики, что без оружия, смотрели в
землю и молчали, ну и мы не стали докладывать, что оружие
было просто выброшено. Зачем, кому мы сделаем легче? И
так солдат нет, а еще и сами себе гадить будем? Политрук, а
это был типичный представитель этого сословия, ну какими
их рисовали в моем времени, орал в принципе недолго. Не
дав людям даже помыться и постирать превратившуюся от
пота и пыли в состояние древесной коры форму, быстрень-
ко построил и отправил к переправе. Оружие мы не сдали,
хоть политрук и пыхтел, все семеро, словно сговорившись,
решительно отказались от сдачи. Так как группы поддержки
у политработника не было, то сильно настаивать тот не смог.
Мы объявили ему, что переправимся на тот берег, найдем
старших командиров и сдадим, если прикажут, а так как, по

сути, предъявить нам было нечего, тот, еще поорав, ушел, но хоть сказал, какой сейчас день. Третье июля, ни хрена себе мы погуляли по родным просторам... Дружно выдохнули и решили все же не стираться, вдруг там такие же упыри попадутся, пусть лучше наш внешний вид наглядно покажет, через что мы прошли. Оказалось все с точностью до наоборот. Первый же старший командир с четырьмя шпалами на петлицах, к которому мы подошли доложить о прибытии, отчитал нас за внешний вид.

– Что это за оборванцы? – обратился он к ординарцу, с которым они вместе подъехали на машине к переправе. Ординарец обвел нас взглядом и спросил у того, кто стоял к нему ближе:

– Кто такие, почему в таком виде? – Лейтеха в ординарцах ходит, а на передке командовать некому, пролетело у меня в голове.

– Сто шестьдесят девятая стрелковая дивизия, точнее то, что уцелело. Может, где-то еще кто пробрался, отходили разными группами. По пути вели бои, кто-то оставался, кто-то прорывался. Мы еще в мае в районе Славянска из кольца вышли, командиры так говорили, два месяца почти пробираемся, – ответил один боец.

– А что, трудно было в порядок себя привести? – это опять этот, у которого железная дорога на петлицах.

– Мы не ели ничего уже три дня, товарищ командир, сил нет совсем. Людям дух перевести некогда было. Если разре-

шите к реке дойти и привести себя в порядок, сейчас же выполним, – это я вылепил. Не удержался, накипело, а полкан вдруг изменил выражение лица и сменил гнев на милость.

– Сейчас направляетесь вон к тем домикам, что виднеются в километре отсюда. Там стоят кухни, я распоряджусь сейчас, вас покормят. Как отдохнете – приведете себя в порядок. Через три часа быть всем у третьего дома справа. Я пока доложу о вас, надо решить, что с вами делать. Только утром две группы такие же отправили.

– Разрешите вопрос, товарищ командир? – неуверенно спросил я. Полкан удивленно поднял брови, но спокойно кивнул.

– Оружие кому сдавать?

– Не понял? – искренне удивился командир.

– Да нам на том берегу политрук сказал все сдать.

– Ясно, – полковник взглянул на ординарца, – врага сподручней все-таки из винтовки бить, чем голой задницей. Все, приказ ясен?

– Да, разрешите выполнять? – рявкнул я.

– Вольно, – усмехнулся полкан и добавил: – Идите уже.

Козырнув, мы медленно направились в указанную сторону, а полкан с ординарцем прыгнули в машину и, обогнав нас, быстро умчались.

– Слышь, Счастливчик, чего думаешь, пронесло? – это меня так окрестили после бомбежки. Сказали, что меня ни танки, ни бомбы не берут.

– Да хрен его знает. Если правда пожрать и постираться дадут, то вряд ли будут трусость шить. Скорее сунут в какую-нибудь часть да отправят побыстрее на передок, да и ба-ста.

– Думаешь, перестроения не будет? Отдохнуть не получится?

– В запасных сейчас не кормят почти, слышал, люди говорили. Да и чего там делать? – к нашему разговору присоединился еще боец.

– А ты, Счастливчик, куда хочешь? – взоры обратились ко мне.

– Так ведь не на гражданке, чтобы хотеть. Куды пошлют, туды и потопаем. А вообще, жрать охота да поспать бы чуток.

Я выразил общее желание. Мы уже реально падали от голода, даже внешне скоро на пленников из Бухенвальда станем похожи. Через полчаса, громыхая ложками, выскабливали из котелков перловку. Каша казалась шедевром кулинарии, жрали-то последние дни вообще траву, а то и вовсе ничего, а тут даже жирок какой-то присутствовал. Успев облизать ложку, уснул прямо, где сидел. Проснулся, когда ложка из руки выпала, оказалось, меня подтолкнули.

Ругаться и махать руками не стал, просто убрал ложку в сапог, поднял глаза. Над нашей сонной компанией стоял командир. Блин, аж цельных два кубаря в петлицы воткнули. Молодо-ой, словно пацан еще.

– Здравия желаем, товарищ командир, – бойцы медленно

поднимались и сонно водили головами из стороны в сторону.

– Это вы сегодня в расположение вышли? Сто шестьдесят девятая стрелковая? Какой полк?

– Мы и есть пятьсот пятьдесят шестой стрелковый, а вы наш новый командир? – всю беседу у нас вел один из бойцов, что был пошустрее.

– Пока я. Лейтенант Нечаев. Мне приказано вас осмотреть и привести в порядок, пополнить по возможности боезапас и оружие и выдвигаться в указанное место на соединение с батальоном. Так как вас тут на взвод едва хватает, по пути приказано еще группу взять, соберем роту, отправят в батальон, ну и так далее. Ваша дивизия до сих пор частями выходит.

– Не секрет – куда? – спросил тот же шустрик.

– Могу только указать общее направление – юго-восток.

– Понятно, ближе к Сталинграду.

– Да, этот город действительно в том направлении. Но к нему ли мы пойдём – не известно.

Известно стало через шесть суток, когда мы, уставшие до охренения, остановились. Как, скажите на милость, эти люди смогли Там столько протопать по просторам Родины да еще и победить потом? В голове не укладывается. Приходилось раньше слышать рассказы фронтовиков, так ни один такое и не вспоминал почему-то, а ведь такое разве забудешь?

Переправились в районе Камышина через Волгу на левый берег, там и было расположение одного из полков нашей бу-

душей дивизии. Как лейтенант объяснил, сейчас такая неразбериха, что никто не будет искать наш полк или дивизию, да и вообще неизвестно, осталось ли хоть что-то от той дивизии.

Практически не отдыхая, нас день за днем гоняли, как школьников на физкультуре. Людей набралось очень много, по моим меркам, в основном все были такие же, как и мы. Усталые, с той грустинкой в глазах, какая бывает у людей обреченных, мы учились воевать в запасном полку на переформировании.

На дворе уже был сентябрь, когда закончилось укомплектование дивизии. И нас погнали куда-то на север. Располагались мы буквально в километре от Волги, к этому времени я числился уже в составе батальона, пофигу, что в батальоне было сто двадцать семь человек, сказали батальон, значит, батальон. Тот лейтеха, что нас привел, стал командиром взвода, который собрали из тех, кто вышел со мной тогда к Дону. Оружие и боеприпасы и правда дали, десяток патронов к винтарю и две бутылки КС. Вот на фига это стекло нам здесь дали? Чтобы не дай бог кто-нибудь вспыхнул, разбив случайно этот фуфырик?

А вот еды у нас почти нет. Полмешка сухарей на взвод из двадцати человек и по банке тушенки. Это все, что дали за трое суток. Негусто. В поселке, в котором нас притормозили, была куча народа. Здесь формировались части для пере-

броски на правый берег, тут были все, даже санбат и саперы с радистами. Вообще, как удалось узнать из разговоров с окружающими, такие пункты сбора и дислокации располагались чуть ли не от Куйбышева и до самого Сталинграда. Наш пункт располагался на левом берегу Волги километрах в шестидесяти от Камышина. Люди уже говорили, что нас скоро переправят на правый берег, дескать, оттуда и двинем пехом под Сталинград. Мне, если честно, было все равно. После попадания сюда я вообще малость охренел и выглядел несколько отстраненным. Ко мне давно уже никто не подходил с вопросами, как я, что думаю и вообще. Я просто плыл по течению. Сдаваться в руки НКВД с криками, что все знаю, даже не собирался. Да, возможно, так было бы лучше и для страны, да и для меня может быть. Но вот как-то после переноса, после того как я осознал, что – все, нет больше ни семьи, ни той жизни, к которой привык, я как-то замкнулся и потерял смысл что-либо делать. Да и что тут делать-то еще можно. Нужно воевать, поэтому буду воевать. Долго ли, лучше или хуже других, не знаю, но вот в том, что отдам жизнь за то, чтобы мои родные вообще появились на свет, я не сомневаюсь. Да и знания кое-какие есть, смогу с людьми поделиться.

А вот то, что попал я в знаменитую Родимцевскую дивизию, меня здорово порадовало. Даже несмотря на то, что предстоит делать этой дивизии, я ведь помню немного историю Битвы на Волге. Если я сейчас там, где я думаю, то не

удивлюсь, если наша рота и отправится за Волгу, отбивать центр, а точнее вокзал, принимая во внимание свою «удачливость». Это в будущем даже в компьютерных играх было.

В районе Камышина мы опять доукомплектовывались, людей все прибывало, а вот оружия и продовольствия, казалось, становилось все меньше.

Через три или четыре дня, если честно, со счета сбился, пребывания на этой стороне Волги, нас, наконец, построили и объявили, что ночью будем переправляться обратно на восточный берег. Ночью, под отборный мат людей, осуществляющих перевозку, мы вновь оказались на левом берегу. Да, испокон веков, видимо, у нас в стране проблема с организацией. Как любят говорить, что в России две беды, но на самом деле лишь одна, первая. Не будь у нас дураков, и дороги бы появились.

Только успев собраться после переправы, нас, О ЧУДО, повезли на юг на машинах. Как же задолбался я уже пешком ходить, хоть какое-то разнообразие. Полуторки, казалось, были специально придуманы, чтобы лишить Красную Армию боеспособности. Ладно тряска, но ведь эти рыдваны ломаются просто каждые десять минут, или это просто нам, таким «везучим», попались именно эти дохлятины? Чуть не через каждый километр пути остановка. То в одной машине движок вскипел, то в другой бензошланг прохудился, то еще что-то, я только глаза к небу поднимал, чтобы не начать злиться.

Лейтеха вроде ничего, молодой, но довольно толковый командир. Лозунгами не бросается, говорит по делу. Даже опросил всех, когда прибыли в Ахтубу, узнал, кто какие воинские специальности имеет. Оказалось, что водить машину в этом времени считается чем-то значимым. Когда очередь дошла до меня и последовал вопрос, об управлении автомашиной, спокойно сказал, что да, вожу, на вопрос какую? – ответил, что без разницы, лишь бы ехать могла. Лейтенант, кстати, этому не обрадовался вообще. Это другие бойцы на меня смотрели открыв рты, а вот он расстроился. Позже он пояснил и попросил не афишировать.

– Понимаешь, там, – командир указал на город за Волгой, – твои умения не пригодятся и тебя оставят где-нибудь здесь. А мне еще один опытный, побывавший в боях солдат очень нужен. Ведь все остальные, кроме вашей компании, вышедшей из окружения, еще пороху не нюхали. Я сейчас разобью вас на отделения, чтобы в каждом были и новички, и бывалые. Пойми меня правильно, боец.

– Да и не собирался я, товарищ командир, никуда от вас уходить, вместе пойдем в Сталинград.

– Вот и хорошо, – сразу приободрился лейтеха. – Как тебя по батюшке, Саша?

– Сергеевич я.

– Как Пушкина! Так вот, Александр Сергеевич, возьмешь первое отделение на себя. Отберу людей тебе я сам, ну а ты уж дальше без меня. Там есть двое, что и стрелять-то не уме-

ют, возьмешься научить?

– Да когда уж тут учить, разве что покажу и расскажу, как не надо делать.

– И то дело. Короче, я на тебя рассчитываю.

Начал «обучение». Ребята были хоть и неопытными в плане войны, восемнадцать лет всем, но довольно толковыми. Нам, наконец, выдали оружие и патроны, сухпай, гранаты. Значит, вот-вот пойдем в бой. Насторожило то, что многим выдали автоматы взамен винтовок, точно к вокзалу пойдем, на берегу не отсидимся.

– Не торопитесь, умереть просто. Спокойней патрон пи-хай, винтовку крепче держи, это ж не метла, – парни все понимали с полуслова.

– Товарищ Счастливый, а правда, что рядом с вами немецкий танк взорвался, а у вас ни царапины. – Вот и эти черти уже Счастливым прозвали, и ведь знают заразы, что фамилия у меня – Иванов.

– Ага, и «лаптежник» рядом упал, а я его за хвост и об землю, чтобы не улетел, – кивнул я. Парни заржали, а тот боец что спрашивал, смутился.

– Ребят, не слушайте вы эти байки. Лучше оружие почистите.

– Так мы же не стреляли, зачем его чистить?

– Как тебя зовут, боец?

– Рядовой Мироненко, – насупился еще один «молодой».

– Оружие, как женщина, любит ласку и... смазку! – Эти

вчерашние школьники покраснели, а затем попадали от смеха.

– Развлекаетесь? – громко поинтересовался кто-то у меня за спиной.

Обернувшись, я уставился на подошедшего. Что-то в его одежде было знакомо, причем неприятно знакомо. Точно, политрук на берегу Дона так одет был.

– Я военный корреспондент, фамилия моя Шлыков.

– Здравия желаем, товарищ корреспондент. О чем пишите? Хотя что это я? Чем можем помочь? – я в своем времени много слышал о военкорах. Большая часть из них были очень правдивы и отчаянно смелы. Вот меня и пробило на угодливость.

– Вы когда отправляетесь на тот берег, товарищи красноармейцы?

– Говорят, ночью, а что?

– С вами пойду, мне надо написать о том, как идут переправы, ну и на наших доблестных защитников города, носящего имя Вождя, посмотреть. Вы не против, если я с вами тут посижу. Послушаю, как вы готовитесь. Ведь вам уже завтра, а возможно, и прямо с переправы в бой.

– Да сидите на здоровье. Бойцы, продолжим, кто там у нас следующий...

Корреспондентом оказался довольно известный для людей этого времени человек. Мне его фамилия ничего не сказала, а вот кто-то из парней сказал, что приходилось читать

его заметки.

Потратив на занятия с новобранцами четыре часа, решил прикорнуть ненадолго. Черт его знает, когда еще придется. Делая вид, что отошел по нужде, приглядел сарайчик, больше похожий на огромное сито, весь в дырах и прилично скособочен. Зайдя внутрь, усмехнулся: хорошо кто-то устроился, не я один такой уставший. Осмотрел дальний угол сарая и, раскинув шинель, лег и уже через десять секунд спал как убитый.

– Это что такое, встать, смирно! – из сна меня выдернули, ну хоть не пинками. Артачиться не стал, просто вытянулся.

– Виноват, – козырнул я, надев пилотку.

– Разве была команда спать?

– Нет, товарищ командир. Устал просто.

– Все устали и еще устанут. Ты занятия провел?

– Да.

– Тогда давай строй своих, через час погрузка на баржу, первыми идем.

– Ясно, – нехило я поспал, часов шесть придавил. Раз скоро погрузка, значит, уже вечер поздний. Выйдя из сарая вслед за лейтехой, подошел к колодцу возле рядом стоящего дома и, обнаружив на месте ведро с уже набранной водой, умылся. Фляга у меня была полная, но я вылил старую теплую воду и набрал свежей. Еще бы одну замутить, а то мало одной.

Строились недолго. Все давно всё понимают, шевелений

не было. Проверил у «своих» снарягу и встал во главе отделения. Хотя какое отделение, шесть человек. Это только в штабах на бумаге: батальоны, роты, взвода. На деле половинный состав в лучшем случае. А помню, у нас все говорили некоторые, дескать, мы немца трупами закидали. Где их взять-то? У немчуры дивизия по численности в два, а то и в три раза больше. Я уж молчу про оснащение этой дивизии. У нас на весь батальон один «дегтярь» полуживой, пулеметчик бедный его целый день от нагара и ржавчины шкурил, когда получил сие чудо. Будем надеяться, что может там, в городе, что-то дадут, а то...

– Товарищи красноармейцы, нам предстоит трудная задача. Сейчас нас переправят на ту сторону Волги, и мы сразу войдем в бой. Фашисты очень близко, местами даже вышли на берег. Наша задача отбросить их на этом участке, чтобы смогли переправиться основные силы дивизии. Во время переправы голов не поднимать, как достигнем берега, всем покинуть баржу и залечь. Ребята, враг очень силен, но мы должны отстоять город, носящий имя нашего вождя, товарища Сталина. Враг будет разбит, победа будет за нами!

По окончании политинформации нас повели к переправе. К грохоту взрывов новобранцы были непривычны, поэтому вздрагивали ежесекундно. Впереди, поднимая тучи брызг, вставляли водяные фонтаны, немцы обстреливали переправу из всего, что только у них было. Лично я уже как-то спокойно

ко всему отношусь. За недели странствий, выходя из окружения, привык ко многому. Естественно, привыкнуть к войне тяжело, но если ты знаешь, что это надолго, знаешь всю полноту катастрофы, справиться с собой легче. Это вот им тяжело, тем парням, что считали Красную Армию непобедимой, они не могли представить себе даже примерных масштабов войны. А я вот постоянно думаю о том, как все-таки, наверное, хорошо, не знать так много, как я, ну, по сравнению с местными. Они ведь не знают, что снабжение будет ужасным, что пополнение идет очень медленно. А самое главное, если именно мы пойдем к вокзалу, то в живых нас останется очень мало. Ребята видят только то, что находится перед глазами, а ведь так по всему фронту. Люди везде гибнут одинаково. Везде тяжело с питанием и боеприпасами. Да, уже зимой армия, наконец, начнет побеждать, но какой ценой мы купим эти победы, а?

Город поражал. Высокие, когда-то наверняка красивые высотные дома, сейчас были разрушены. Окон вообще нигде нет, черные провалы, из которых местами выбиваются языки огня, смотрят на нас тоскливо. Даже отсюда, с левого берега вижу почти полное отсутствие крыш на домах. На зданиях не хватает не только крыш, но и стен. Кособокие, порой непонятно как еще стоящие руины, вот что это было, а не город.

Прямо на наших глазах катер, плюхавший с той стороны, перевернулся от близкого разрыва бомбы. Мы поглядели вверх, туда, где под остывающим сентябрьским солнышком

резвились асы Геринга. Гады пернатые, мало того что «штуки» бомбы швыряют, так еще и «мессеры» после них проходят, как будто бомбёжки недостаточно.

Буксир тяжело плюхал по реке, толкая баржу, нагруженную бойцами. Баржей я назвал это корыто просто для порядка. Одновременно с нами переправлялись еще шесть таких же барж и несколько бронекатеров. Примерно тысяча человек шла в бой. Как лейтенант сказал, аж три батальона. На всех имелось два орудия 45 мм, пять ружей ПТР, ну и гранат дали немного. Когда выдавали, вышло каждому по две штуки. Мы даже приободрились, увидев «феньки». А то КС не станешь в дверные проемы кидать, пока она еще прогорит. А нам с ходу нужно ближний дом захватить и зачистить, от подвала до четвертого этажа.

Примерно на середине Волги началось. Мы ожидали налета «лаптежников», ну или «худых», а тут только свист и... Бульк, впереди по курсу судна встал водяной столб. Прямо гейзер, всего метрах в пятидесяти. Через несколько секунд вновь свист и справа метрах в двадцати – плюх, еще один гейзер. Вдруг нас всех повело влево, посмотрев на тот берег, понял, что капитан дал резко вправо. Сомневаюсь, что это нас спасет, и протискиваюсь ближе к борту. И ведь спасло! Кэп этого буксира настоящий ас в рулежке. Следующий снаряд, а то, что стреляет орудие, уже никто не сомневался, упал слева и, лопнув под водой, окатил всю баржу волной. Кого-то выкинуло буквально рядом со мной, свесившись, подтянул

какого-то паренька и затащил обратно. Взрыв был буквально в десятке метров, было действительно страшно. Не изменил капитан курс, нам прилетело бы точно в центр баржи. Перекрестился даже корреспондент. Ага, на носу стоял и щелкал «лейкой». До берега оставалось уже немного, видимо, для немецких орудий стрельба была затруднена и по нам с высокого берега заработали пулеметы. Сколько, я не стал считать, решив спрятать башку за борт. Толщина бортов баржи давала надежду на спасение, и все чуть ли не распластались по палубе. Так как вперед не глядел, удар корпуса баржи о дно у берега пропустил. По инерции чуть подался вперед и навалился на кого-то из бойцов. Получив в ответ тычок куда-то в пузо, быстро встал. Подо мной оказался здоровенный парень из моего отделения. Я на него обратил внимание, когда показывал бойцам обращение с винтовкой Мосина. Обратил потому, что винтовка в руках этого бугая смотрелась как трость.

– Э, полегче, всех шатает, – беззлобно гаркнул я и, вскочив, бросился за борт. Приземлился удачно, воды было чуть выше колен, и я быстренько стал передвигать ноги к берегу. Вокруг кто-то кричал, падал. Но никто не открыл ответного огня. Только выбравшись на берег и укрывшись за кучей земли, о, да это небольшая воронка, я осмотрел реку и берег. Оказалось, из шести барж дошло только четыре. Остальные, наверное, на дне, вместе с буксирами. На воде виднелось множество точек, люди, кто не погиб, пытались выплыть. Ря-

дом со мной приземлился лейтеха.

– Ты живой, Счастливый?

– Товарищ лейтенант, вы же знаете мою фамилию, на фига мне эту «погремуху» приклеили?

– Ты сейчас с кем разговаривал? – натурально так удивился командир, даже по сторонам поглядел.

– А, не берите в голову.

– Так, Счастливчик ты или Иванов, да хотя бы и Пушкин, собирай отделение и на правый фланг, по зеленой ракете атакуем. Советую воду вылить из сапог.

Скинув сапоги и отжав портянки, принялся оглядывать бойцов. Да ни хрена тут не разглядишь толком. Немцы сюда не стреляют, никак не попасть, сосредоточили огонь на тех, кто еще оставался в воде. Но все как один мои хлопцы лежали ничком, уткнувшись в землю.

– Э, бойцы, вы чего там спать легли, что ли? – рявкнул я. Одна за другой стали подниматься головы.

– Давайте ближе ко мне. Привести себя в порядок не получится, но воду из сапог выливайте и проверьте оружие. Сейчас будет сигнал, кто не успеет... Ну, вы не дети, сами понимаете.

Дом оказался почти целым, отсутствовали только крыша и часть верхнего этажа. Конечно, не было ни окон, ни дверей. Одни темные проемы внизу, да подсвеченные огнем на верхних этажах. Ну и конечно, выделялись те, из которых долбили пулеметы противника. Трассеры, пересекая корот-

кое расстояние от домов до реки, утыкались в воде. Черт, на самых подступах к дому мы будем как на ладони, но темнота поможет. Думай, голова, шапку куплю. Хотя выдали шапку-то, вон в сидоре лежит. На голове каска, под ней пилотка.

– Так, слушайте сюда, – начал я, обращаясь к своим. – Здесь внизу огня нет, просматриваются подступы неважно, так что дуриком не лезть. Броском вперед, два-три шага и залечь, все ясно. Когда падаете, сразу перекатываетесь в сторону. Будете слушаться, поживете, все ясно?

– Товарищ Счастливый...

– Ну что вы как дети, хватит уже. Как тебя зовут, боец? – я обратился к тому, что опять меня по кличке позвал.

– Боец Никифоров, – парень чуть не подпрыгнул, вытянуться хотел.

– Замри уже, здесь устав не нужно соблюдать дословно. Имя у тебя есть?

– Матвей.

– Так вот, Мат, чего вылупились, так короче, а значит, больше по делу скажешь. Ко мне обращаться просто по имени, Саня я. Еще в бою можно Сергеичем. Все ясно?

– Да. А как остальных звать?

– Ну, так сами и назовитесь, вы же знаете, как друг друга звать, можете сокращать, если хотите. Ты, кстати, не возражаешь насчет «Мата»? – всегда стараюсь узнать настроение человека, делающего со мной одно дело. А то положишься на него, а он на что-нибудь злой, и не захочет, но может под-

вести в любой момент.

– Все нормально, товарищ командир, – с улыбкой отозвался Матвей.

– Ну, я пока просто старший в нашем отделении, а уж буду ли командиром или нет, будем посмотреть.

Этот дом, из которого был довольно приличный обзор, мы, в общем-то, взяли довольно легко, немцев здесь было мало и они предпочли свалить. Закрепившись и дождавшись подкрепления в виде еще одного взвода, расставил своих по местам и присел под стеной отдохнуть.

Блин, вот помню истину, что пуля, которую слышно, не твоя, но как же все-таки страшно, когда они свистят над головой. А еще противнее, когда слышишь последующий за свистом чавкающий, хлюпающий, чмокающий звук, понимая, что кто-то эту пулю не слышал. Обойдя с прибывшим лейтенантом позиции взвода, замечаем, что нас уже стало меньше. Для кого-то из бойцов все уже кончилось, возможно, им в каком-то смысле было легче, чем будет нам.

Позади, на насыпи, когда мы поднимались под ураганным пулеметным и минометным огнем, все было как в кино, только смерть вокруг не давала расслабиться. То один, до другой боец падает, спотыкаясь от попавшего осколка или пули, иногда прямо с поднятой ногой, не успев завершить очередной шаг, умирает. В двух сотнях метров от нас третья рота штурмует здание Госбанка. Этакая громадина, возвышаясь над правым берегом реки, дает немцам возможность спо-

койно обстреливать и берег, и переправу. Нам выпало идти чуть в стороне, на расположенные поблизости от Госбанка высотные дома. Вот уж полностью ощутил, что называется, бой за каждый дом. Какой там батальон или полк, каждый взвод воевал практически сам по себе. Стрельба идет просто со всех сторон, ты двигаешься, а не знаешь, кто и где вообще. Говоря, что наша рота заняла тот или другой дом, имею в виду то, что я и те, кто со мной на данный момент здесь, а где вся остальная рота, понятия не имею. Те высотки, что пришлось атаковать нам рядом с Госбанком, представляли собой напичканные противником огневые точки. В них укрепились пулеметчики и корректировщики артиллерийского огня. «Мое» отделение, которое мне поручили, чудом смогло дойти до стен без потерь, одного бойца только легко ранило. Немчура хоть и обучена воевать, но когда атака идет уже вплотную, нос к носу, то и у них начинаются перебои с их «орднунгом». Издалека пулеметы стегают методично, перезаряжаясь по очереди, не давая голову поднять, а когда подошли ближе, немчики стали нервничать. Вот я и вел свое отделение в моменты перезарядки, или когда замечал, что огонь перенесён в сторону, так и дошли.

В десятый раз проверил ППШ и заставил всех проделать то же самое. Мне по великому «счастью» попались аж два сменных диска, которые подходили к автомату, а с этим реально была беда. Те ребята, кому повезло, получили ППШ с коробчатыми магазинами, только плачутся, что патронов в

магазине мало, но меняться засранцы не хотят, хотя я просил уже. То еще «счастье» ПТРС. Весит, блин, это «ружье» больше пулемета. Где из него тут стрелять, ума не приложу, хотя, когда на танки выйдем, или те на нас, то, наверное, я буду только рад наличию этих «весел» у нас в роте.

Нашу дивизию бросили в бой с ходу. Задача – уничтожить противника в центре города. Нам предстоит зачищать каждый дом, каждую квартиру и комнату. Лейтенант требует с рассветом атаковать и зачистить ближайший к нам четырехэтажный дом, это необходимо для нашей же безопасности, а то фрицы могут в гости прийти прямо через тот дом, а мы и не заметим. Три этажа вполне себе целые, только окон нет, а вот у четвертого и крыши нет вовсе, хотя тут все дома такие сейчас. От некоторых вообще стоят одни лестничные пролеты, там, видимо, стены потолще были, а все перекрытия квартир рухнули и лежат, возвышаясь словно горы. До рассвета остается пара часов, всячески уговариваю командира дать разрешение на атаку прямо сейчас, но тому ясно приказали с утра, так как поддержки ночью не будет. Я понимаю, что здравый смысл «наверху и внизу» разный, но пытаюсь уломать командира. Вот блин, ну кто меня за язык-то тянет?

– Иванов, у меня приказ, атаковать утром, сейчас рядом могут быть наши, перестреляем еще друг друга, – уже устав ругаться, лейтеха пытается объяснить.

– Я понимаю тебя, командир, но включи голову. Тебе надо нас положить или дом занять? С утра мы все ляжем тут

между домами, кому от этого лучше будет? Да и кто тебе запретит? Займем дом, доложишь, что в результате инициативы бойцов заняли заодно и второй дом.

– Конечно, дом занять, но наша атака с утра позволит отвлечь немцев от переправы, да и вообще заставит противника распылять свои силы.

– Я сейчас один схожу, посмотрю и послушаю, если там немчура, атакуем и баста! В любом случае внимание от переправы мы отвлечем.

– Вместе пойдем, а то меня ротный на завтрак съест и не подавится. – Я все больше и больше начинаю уважать этого пацана-лейтенанта. – А у нас тут ведь легче вышло, на высоте парням из соседнего полка потяжелее будет, – задумчиво добавил командир.

– Не каркай, лейтенант, могу обещать, что завтра ты уже так думать не будешь, – ответил я.

Соседям и правда тяжело, но и нам ничуть не легче. Соседний полк пытается закрепиться на высоте 102, которую еще называют Мамаев курган, жарко там, но у нас тут у самих не северный полюс.

Мы вышли вдвоем с командиром взвода. Парень не лез вперед, слушал меня, а я иду впереди и думаю: «Твою в бога душу мать, куда я лезу-то, чего, самый, блин, Терминатор, что ли? Пошли бы завтра, легли тут спокойно себе и всё, нет, надо в герои лезть!»

Пробрались вполне спокойно, сентябрьские ночи очень

темные, да и развалины помогают в скрытности. Замерли под стеной, пытаюсь услышать хоть что-нибудь в грохоте стрельбы и взрывов, что раздавались неподалеку. Наш первый дом, из которого немцы бежали, даже не обстреляли, когда мы его заняли. Со вторым наверняка будет сложнее. Этот и больше, и целее на вид, блин, а если там рота солдат противника сидит, тогда что?

Показав лейтенанту знак ждать, пролез в подвальное окно и, осмотревшись внутри, позвал командира.

– Давай, только тихо, что-то слышу, – прошептал я спустившемуся лейтехе.

Пробираясь вдоль стены, старался ступать осторожно, чтобы не грохнуть. Какой урод догадался здесь бутылок накидать, не знаю, но я чудом не влетел в кучу поставленной тары из-под разного алкоголя.

– Не наши, – показав мне этикетку и подсветив фонарем с синим стеклом, произнес командир.

– Тише ты, базарят наверху, – я указал на лестницу, к которой мы уже подошли, и, присев, высунул голову. Подвальная дверь была приоткрыта, а за ней виднелся свет от «летучей мыши», а может, немцы тоже из гильз коптилки делают, не знаю. Отступив на пару шагов назад, налетел на лейтеху, тот зашипел.

– Блин, командир, ты чего ко мне приклеился? – прошипел я в ответ.

– Извини, – как-то смущенно ответил лейтенант. – Я ведь

первый день на передовой, – зачем-то добавил парень.

– Ладно, все будет в порядке, – я потряс его за плечо, парень просто боится, раньше просто виду не подавал, а кому не страшно? У меня у самого поджилки трясутся, а что делать? Привыкнем, наверное. Я вон думал, мне стрелять страшно будет, ну, все так говорили в будущем, что убивать это очень тяжело и страшно. Да ни фига не тяжело оказалось. Мы когда в первый дом входили, немец попался прямо мне под выстрел, срезал его одной длинной очередью и переживал только о том, что дурень, патронов много истратил.

– Я попробую подняться и посмотреть, сколько их, а ты возвращайся и веди людей. Возьми человек десять, больше только мешаться будем друг другу. Гранаты все собери у тех, кто не пойдет, они нам нужнее будут, а когда закончим, у фрицев трофеев наберем, у них явно всего побольше будет. У тебя ракетница есть?

– Да, – кивнул лейтенант.

– Пусть еще десяток бойцов ждут сигнала и выдвигаются к нам, но только по ракете, давай, лейтенант, жду.

Лейтеха убежал назад за людьми, а я, оперев приклад ППШ в плечо, двинул наверх. Возле самой двери остановился и медленно убрал автомат за спину, сквозь приоткрытую дверь мне был виден фриц, сидящий... на стуле. Перед ним на мешках с песком стоял пулемет, немчик контролировал вход в подъезд. Что тут за планировка такая, не подъезд, а целый холл. Вытащив из немецких ножен штык-нож от немец-

кого же карабина, я прислушался, нет, пулеметчик не может быть один, если только... Дверь не издала ни звука, просто открывал я ее ну очень медленно и, кажется, даже дышать забыл. Когда проем стал достаточен для того, чтобы я смог пройти, высунул голову и тут же убрал назад. Второй номер пулеметного расчета нагло дрых на полу, подложив под себя притащенный откуда-то матрас. Спите, суки, ну спите, спите. Пулеметчик сидел ко мне боком и незаметно мне не подойти, надо его отвлечь. Вытянув из кармана патрон от винтовки Мосина, остался со времен владения этой винтовкой, я поднял руку и одной кистью, без замаха, бросил патрон за спиной немца так, чтобы пулеметчик повернулся ко мне тылом. Слева от врага была стена с почтовыми ящиками, звук вышел довольно громким, блин, второй бы не проснулся, а то не успею, между солдатами метра три.

Немчик поступил предсказуемо, а я, выйдя наконец из-за двери, мгновенно сократил дистанцию. Черт, за палец укусил, столбняк бы не напал. Зажимая фрицу рот, я из-за отсутствия опыта, промахнулся чуток, и пальцы скользнули в рот. Когда нож, разорвав тонкую фрицевскую шинель, с хрустом вошел в бочину, немец так приглашающе ее открыл, то машинально сжал челюсти. Больно, блин... Но хоть не заорал. Убивая пулеметчика, старался держать в поле видимости второго номера. Едва я успел вынуть нож из трупа, тот хоть и дергался еще, но уже «кончался», проснулся и перевернулся ко мне лицом второй солдат. Я был в метре от него,

когда он раскрыл глаза. Ох, точно мне сегодня руку кто-нибудь из фрицев отгрызет. Боясь, что тот заорет, я сначала сунул ему ребро ладони в рот, не давая закричать, а уже потом нанес удар в грудь. Зажимая тому рот, я повалил немца на спину и удар в грудь был доступен, но, черт возьми, фриц никак не умирал. Я уже провернул не один раз туда-сюда нож в ране, а тот только стонал и пытался меня спихнуть с себя. Почувствовав, как нож уперся во что-то твердое, наверняка куда-то в кость попал, я выдернул нож и попытался полоснуть фрица по горлу, но тот так двигал руками, что помешал мне сделать это чисто. Пришлось снова бить в грудь. Фашист сдох только после третьего удара, а я понял, почему на телах убитых ножом людей, всегда много ран, не так-то и просто убить человека ножом, не всегда можно попасть туда, куда хочется. Я вот видел отчетливо, что втыкаю нож в район сердца, а противник хрипит, но недохнет и все. Сдерживая тошноту, вытер нож.

Закончив возню с пулеметным расчетом, я осмотрелся и, подхватив МГ-42, увесистый ствол, вернулся в подвал. Буквально чудом не налетев на поднимающегося лейтенанта, я остановился и шепотом спросил:

– Пулемет немецкий кто знает?

Ответ пришел от командира.

– Я разбираю и немного постреляю на курсах.

Я протянул ему МГ и две запасные банки с патронами.

– Разберешься? Тогда владей!

– Ну, теперь-то мы повоюем! – всерьез ответил лейтенант. Я его понимаю, у нас на взвод всего один «дегтярь», да и тот с двумя блинами всего, а тут машинка посерьезнее будет. Хоть и подкинули оружия буквально на погрузке, но его все равно было мало.

– На входе в подъезд никого, но у дома, блин, аж целых четыре подъезда, его, блин, ротой штурмовать надо, – сплюнув, я направился вверх по лестнице.

– Как действуем? – вдогонку спросил лейтеха. Черт, я ему весь авторитет разбазарю так.

– Командир, надо пару бойцов посадить так, чтобы в подъезд никто не вошел.

– Так, двое сюда, – проговорил тихо лейтеха, а из-за его спины показались два бойца, оба молодые, неопытные еще.

– Подождите, я вам немного помогу, – сказал я. Достав сидор, тот за спиной висит, а так как он тощий совсем, то я с собой его взял сразу, как видно, не ошибся, вытащил моток лески, что стырил у деревенских на том берегу. Отмотав чуть больше метра, подошел к проему, что вел на улицу. Дверь отсутствовала, а вот петли на коробке остались, за них и зацепил один конец лески, а второй продел через кольцо гранаты, «фенька» идеально подходит для такой подлости. С гранатой пришлось повозиться, но справился, взяв у одного из фрицев нож, воткнул в косяк на противоположной от петель стороне проема и с его помощью закрепил гранату, разогнув усики.

– Смотрите сюда, – показал я двум бойцам, что останутся здесь, на спуск в подвал, – ложитесь прямо на лестницу, смотрите только на улицу, сверху к вам прийти можем только мы. Обзор у вас узкий, но мимо вас никто не пройдет, если в подъезд кто-то зайдет, ну, если не успеете раньше пристрелить, то сорвет леску и будет взрыв. Вас задеть не должно, но как только кто-то перешагнет порог, головы в пол, ясно? – проинструктировал я бойцов. – И еще. Стреляйте по очереди, чтобы не вышло так, что у обоих одновременно патроны кончатся. Эх, надо бы вам пулемет-то оставить, лейтенант, может, покажешь им, сложного-то ничего тут нет?

– Давай я сам тут и останусь, так проще будет, – предложил командир. Он прав, пока тут учишь, немцы придут. И так мы здесь минут пять уже хозяйничаем.

– Хорошо, тогда один с нами, второй пусть вам помогает, бойцы, вперед, дальше покажу, как делаем.

– Сань, а ты чего весь в кровище-то, – задал мне вопрос один из бойцов, когда мы поднимались по лестнице.

– Да жрать хотелось, попробовал фрица, а он, сука, невкусный оказался, только перепачкался зря. – Вместо смеха на меня уставились, как на упыря. – Блин, да шучу я, шучу.

Первый этаж, две квартиры прямо, две по бокам, в принципе, как в хрущевке. Двери есть только на одной, той, что слева, она угловая получается, наверняка кто-то есть, оттуда хорошо угол держать, там обзор на две стороны.

– По двое держите на прицеле одну квартиру, двое лестницу наверх, ты, – я указал на одного парня, с меня ростом, крепкого с виду, – со мной.

Дверь оказалась запертой, твою мать, то вообще без дверей, а нашли одну, так заперта оказалась. Стучу простым таким стуком, может, повезет, и у немчуры нет своего условного сигнала. За дверью слышались шаги, и кто-то недовольно проговорил на немецком.

– Шайзе, – я произнес одно из немногих известных мне слов. Ну, ведь не «Гитлер капут» говорить. Послышалась тихая возня, и дверь начала открываться внутрь.

Ударом ноги, со всей пролетарской ненавистью, помогаю фашисту открыть дверь. Стоявший за дверью явно не ожидал такого поворота событий и плюхается на задницу. Ударом приклада в лицо отправляю его в нокаут и перешагиваю. Передо мной маленькая прихожая, слева дверь в туалет, чуть дальше прямо вход, видимо в комнату. Показываю бойцу, что идет сзади, на туалетную дверь, а сам двигаюсь дальше.

– Ганс, гав-гав-гав, – это не Гансу кто-то гавкает, просто я разобрал только имя, а остальная речь была сплошным собачьим лаем.

Мне навстречу из комнаты, без оружия, выходит фриц, нормальный такой, упитанный, они тут пока еще с голоду не пухнут. Автомат у меня практически уперся ему в лицо.левой рукой приложил палец к губам, предлагая молчать, но видя, что фриц открывает рот, ткнул со всей дури стволом

на удачу, попал идеально. Немец захрипел, подавившись железным стволом ППШ, а я, отталкивая его, уже тянул из ножен тесак. Комнату окинул краем глаза и решил добить фрицев. Этот, что лежал и пищал, оставшись без зубов, да еще и, похоже, глотку ему повредил, получил свое и затих. Обернувшись, увидел, как мой напарник уже вытирает свой клинок о шинель первого фашиста, что открыл нам двери. Показываю бойцу большой палец, а тот отвечает кивком, молодец, однако. Заходим в комнату, оп-па, да тут у них рация стоит, хорошо зашли. Окна, как и везде, выбиты, выкидываю на улицу винтовки этих радистов, отцепив от одной ремень. Привязав к ручке, что была на ящике радиостанции, ремень от немецкого карабина, спускаю радио в окно, подберем, когда обратно потопаем. Прихватываю полукруг колбасы, та лежала на столе и, гадина такая, пахла так хорошо... Откусив кусок, отдаю напарнику, тот с удовольствием кусает. С набитым битком ртом вываливаемся на площадку, парни едва сдержались, чтобы не заржать.

– А теперь, видать, по вкусу фашиста нашел, вон как уплетает! – тихо, едва слышно шутит кто-то из бойцов, а остальные едва удерживаются от смеха. Показываю кулак, а затем тычу в дверные проемы оставшихся необследованных квартир. По двое ребята исчезают в помещениях, но всего спустя минуту выходят, отрицательно мотая головами. Вот блин, что же тут радистов так бросили, или понадеялись на пулемет внизу? Показываю тем, что держат на прицеле лестницу

вверх, подниматься. Ребята начинают подъем, так, промежуточная площадка, поворот и снова четыре квартиры, все без дверей. Вот, блин, куда они деваются? Внутри вроде не валяются. Ладно окна, но двери-то? Наверное, те местные жители, что остались в городе, снимали на дрова. Мы здесь совсем недолго находимся, но мирных жителей я уже видел. Пробегали мимо них в подвале первого захваченного нами дома. Когда поднялись на второй этаж, шепчу:

– Повторяем! – И сам шагаю в квартиру слева. Отмечаю про себя, что ребята сразу распределились так же по двое, не забыв и лестницу. Где-то совсем рядом с домом грохочет пулемет, не из нашего подъезда. Возможно, фрицы рядом стреляют в кого-то на переправе, ее из дома хорошо видно. Пусть постреляют, тогда и мы сможем, а то надоело рисковать, да и не нравится мне ножом людей резать, хоть и враги. Проходим туалет, никого, из комнаты доносится какой-то звук, а затем тишину нарушает выстрел из винтовки. Да, похоже, фрицам не спится, решили наших на переправе пострелять, как в тире, ну, держитесь тогда. Показываю бойцу рукой прямо и направо, чтобы он смотрел в комнате именно туда, а сам, присев, чуть ли не гусиным шагом вхожу и поворачиваю влево. Вот они, голубчики, опять двое. Пока были на формировании, я довольно сносно научился обращаться с ППШ, получается отсекать очень короткие очереди. Две пули одному, две другому, а чего, оба спиной ко мне стояли. Слышу, что в подъезде кто-то еще стреляет. Ну, начали, значит.

Выше тоже кто-то палит из окон, видны вспышки в темноте.

– Гранаты пока экономим, немцы сейчас переправой увлечены, надо их пострелять по-быстрому, пока случай представился, – говорю парням, когда собрались на площадке после зачистки второго этажа.

В квартире, что была расположена прямо, ребята также завалили двух гансов, или фрицев, да пофигу. Дальше уже стесняться перестали. Поднявшись на третий, и он же последний этаж, просто постреляли еще четверых. Почему третий этаж последний в четырехэтажном доме? Так нет тут четвертого-то, как и крыши нет. Итого двенадцать фрицев на подъезд, нехило. Нужно идти дальше, у нас и так около часа всего остается, может, чуть-чуть больше, а дальше рассветет, и немчуру придут менять, а нам надо занять позиции так, чтобы перестрелять и смену, что придет. Немчура действует так, ночь на опорном пункте отсидел, иди, поспи, другие посидят, меняются постоянно, это же не в окопе воевать, тут спать некогда. Вон, спали тут некоторые, так и не проснулись вовсе. Оставив людей наверху, спустились с напарником вниз.

– Слышь, командир, там можно по разбитому четвертому этажу перебраться в соседний подъезд.

– Давайте попробуем. Вылезать на улицу, я думаю, опасно, вдруг у них в каждом подъезде пулемет, – поддержал нашу идею взводный.

– Всё возможно, просто думал сначала через подвал, да

фиг его знает, больно уж выходить из него стремно.

– Чего делать? – лейтеха посмотрел на меня.

– Опасно, говорю, выходить, вход в подъезд видишь, а что за спиной нет.

– А-а. Давайте, двигайте, времени в обрез. Чего они расшумелись так?

– Переправа, – просто сказал я и пошел наверх. – Ракету дай, пусть люди приходят и занимают позиции, оружие соберут пока, жратву. – А что, лишней будет, что ли? Забравшись с помощью бойцов на развалины четвертого этажа, убедился, что путь к лестничным пролетам вполне проходим, и дал знать бойцам, чтобы поднимались.

В следующем подъезде на третьем этаже было пусто, фрицы нашлись только на втором и первом, у подвала никого не было. Зачистили довольно быстро, минут десять ушло, и еще восемь гансиков отправились на тот свет.

– Сань, там не пройти, – сказал мне напарник, проверив путь через развалины наверху в третий подъезд.

– Давайте тогда все вниз, двинем через подвал.

Спустившись, протопали до соседнего подъезда и обнаружили отсутствие двери, ведущей в подъезд из подвала. Так же, как и в первом, тут сидели два солдата с пулеметом. Отлично, у нас еще один пулемет. С учетом захваченных во втором подъезде сразу двух МГ, у нас сегодня неплохой улов. С этих стволов и долбили по переправе, а теперь мы гансов отстреливать будем, когда они на штурм пойдут.

Третий подъезд зачищали дольше, все двадцать минут. Тут немчики какие-то непоседливые были, все бегали из квартиры в квартиру, видимо, позиции меняли, чтобы не пристрелялись по ним. Убрал еще десять солдат противника, тут уже и до гранат дошло, мы добрались до последнего, четвертого подъезда. К этому времени у нас были на руках еще два пулемета, куча винтовок и несколько автоматов противника, большое количество гранат. Также были захвачены еще одна радиостанция и жратва! Вот чему рады больше всего пока, хоть поесть по-человечески, а то сухари с сухарями, максимум консервов подбросят, а так мы на пару дней точно затарены. В четвертом нас ждал сюрприз в виде фрицевского офицера, его я сам лично только ранил, правда, боясь промахнуться в руку, стрелял по ногам, теперь придется тащить, но это уже была фигня. В последнем подъезде нам досталось еще несколько винтовок и автоматов, все те же два пулемета и гранаты. Да, нехилый опорник здесь немчура устроила. Днем мы бы просто легли тут под стенами, хрен бы чего вышло, а так лейтехе еще и медаль дадут. Еще бы, захват укрепленного пункта противника, да еще и без потерь, и с трофеями, если не зажмут, то и орден командиру перепадет. Слышал, правда, в это время не очень-то баловали наградами, могут и прокатить.

Мы установили растяжки на входе в каждый подъезд, ладно, чего уж тут, я установил, для местных это было чем-то сверхъестественным. Вон лейтеха до сих пор на меня смот-

рит странно, с таким удивлением он смотрел, как я с гранатами обращаюсь, не порекомендовал бы он особистам со мной поговорить, а то тут все такие бдительные... После рапорта по проводной связи нам приказали держать дом любой ценой, в кои-то веки почти прекратился обстрел переправы и войска идут даже утром. Здание Госбанка наши соседи подорвали и выбили из него фашистов.

К нам прислали роту, аж восемьдесят пять бойцов, в задачу к тем почти двум взводам, что у нас были. Теперь мы уже если и не сила, то силушка точно. Распределили всех людей по двум захваченным домам и стали ждать контратаки противника. Они еще не совались, но по отсутствию связи, наверное, и так все поняли. Фрицевский офицер в звании обер-лейтенанта, как у них принято, начал кочевряжиться. Решил в молчанку играть, а то и вовсе сдаваться предлагал. К нам с утра прибыл политрук нашей роты, невысокий, с незапоминающимся лицом парень, лет двадцати трех, довольно бегло говорил на немецком языке, он и допрашивал. Фашист молчал, а меня из комнаты не выгоняли, поэтому я, услышав в очередной раз, как политрук перевел лейтенанту, что говорить фриц не будет, открыл свой рот.

– Товарищ политрук, переведете ему слово в слово?

– Ну, говори, попробую, – кивнул партийный работник.

Надо отдать должное, вроде вменяемый нам попался.

– Сейчас командиры выйдут, а я тебе покажу, как работают у вас в гестапо, хочешь? – произнес я и достал свой длин-

ный нож. Интересно, припомнит ли мне политрук мои знания о гестапо?

Надо ли объяснять, что фриц был далеко не железный, я даже со своего места не встал, как тот заговорил, впечатлительный, правда, ему пообещали, что отправят в госпиталь, если будет говорить.

Дальше я ушел проверять посты. Что уж там напел пленный, я не знаю, но лейтеха с политруком, оставив меня за старшего, кинулись на берег, искать штаб дивизии, вроде как его уже переправили.

Вместе с пополнением прибыли и командиры. Ротой командовал высокий кудрявый старший лейтенант с тонкими противными с виду усиками. Его восточная внешность подкреплялась таким же горячим характером. Я-то со своим командиром уже расслабился, а этот едва появился, начал строить.

– Почему кто-то на посту, а кто-то спит? – повышал голос с каждым словом старлей.

– Так разве на посты ставят весь численный состав? – спокойно ответил я. Политрук с лейтехой еще не вернулись из штаба, поэтому заступиться за нас было некому.

– Привести себя в порядок, занять позиции, забыли, какой город мы обороняем? – продолжал вещать ротный.

– Товарищ лейтенант, два взвода всю ночь не спали. Сначала переправа, затем атака и захват укреппунктов противника, люди не железные... – начал я, но был грубо оборван

на полуслове.

– Как фамилия, боец? Как вы разговариваете со старшим по званию... – и дальше в таком же духе, я застегнул пуговицу на гимнастерке и рявкнул:

– Виноват! Гвардии красноармеец Иванов. Разрешите идти, товарищ старший лейтенант? – вытянувшись в струну, я ожидал приказ.

– Я с вами не закончил. Что-то вы тут распустились у Нечаева. Отдыхают, форму вон всю испортили. – Так и знал, что прицепится. А пока на формировании были, я себе из винтовочных ремней сбрую сшил да под сумки на нее подвесил, ну неудобно мне на ремне все таскать.

– Почему испортил, просто сделал, как удобнее...

– Вы что, боец, устав забыли? – взревел старлей. – Сейчас же переделать, как положено.

– Товарищ старший лейтенант, в бою так удобнее, можете меня наказать, но переделывать не буду, – меня что-то разозлил этот самодур ротный. Мы тут еле живые сидим, устали как собаки, а он тут меня строить будет, да пошел он... Хлясь.

– Это что такое было-то? – потер я щеку, в которую только что прилетел кулак ротного. Да, я слышал, конечно, что в армии имеет место быть рукоприкладство со стороны старшего к младшему, но не ожидал на себе почувствовать. – Ты чего, ротный, сдурел, что ли?

– Что ты сказал, повтори? – Горцы это диагноз. Голос у

командира стал таким писклявым и противным, как его усики.

– Повторю, только ты ведь все равно не поймешь, – спокойно ответил я, – нельзя бить людей просто потому, что старше званием, тем более на войне.

– Ты мне угрожаешь? – Ну вот, я же говорил, не поймет.

– Да нужен ты мне, угрожать еще. Просто ты, видимо, еще не понял, куда попал, старлей, тут вообще-то война... – Второй удар пришелся по той же щеке. А удар-то, как у бабы, ей-богу.

– Старлей, я под трибунал за какую-то гниду не пойду, можешь хоть в бетон меня втоптать, драться я не буду, тебя жизнь научит.

Больше ударов не было. Ротный просто достал из кобуры ТТ и направил мне в живот.

– Я тебя просто хлопну прямо здесь, за неподчинение, трибуналом не отделаешься. – Ну всё, пора и мне вступить.

– В эту игру можно играть и вдвоем, – произнес я и резким ударом обеими своими кистями просто вышиб пистолет из рук ротного. Тот завис, наверное, секунд на двадцать. Я тем временем достал из кармана галифе трофейный «парабеллум» и поднял руку так, чтобы старлей заглянул в дырочку ствола. Когда с такого расстояния в тебя смотрит ствол, страшно становится, ощущение, что это не пистолет, а по меньшей мере пушка. Ротный сник, он больше не орал и не ругался. Покрывшись потом, он только злобно смотрел на

меня исподлобья и сопел.

– Командир, успокойся уже, говорю же вроде по-русски, устали люди после боя, ну чего ты прицепился? Нечаев вот был с нами на штурме дома, так первым делом попросил меня ему такую же сбрюю сшить, а ты где бывал?

– Я тебе это так не оставлю, – прошипел ротный и, развернувшись, направился к двери. Я быстро поднял пистолет командира и окрикнул его:

– Товарищ старший лейтенант, оружие обронили. – Хорошо гусь, так разъярился, что табельное прокакал. Ротный словно ужаленный подпрыгнул, развернулся и протянул руку за пистолетом, а я, блин, ну вот не сдержался.

– Аккуратнее нужно быть, товарищ командир, – выщелкнув магазин и передернув затвор, отдал ротному. Тот аж покраснел от злости, а я еще и патрон поднял и также протянул командиру.

Ой не простит мне этого горец, ой не простит. Ну что у меня за натура? То грублю, то оружием угрожаю. Кстати, этого как раз никто не видел. Петя Курочкин, что был у меня напарником на зачистке дома, вышел из комнаты тогда, когда я второй раз получил по роже. Так что он видел, как меня бил старлей, а вот пистолета и угроз с моей стороны он не застал. Надеюсь, меня не просто кончат, а еще и разбор устроят. Там, глядишь, штрафной ротой отделаюсь.

Все вышло для меня намного лучше, чем я ожидал. Буквально через час начался ад. Немцы ударили по нашему до-

му, наверное, из всех стволов разом. Убитых перестали перетаскивать и считать уже через пять минут. Головы было не поднять, а снаряды то и дело лопались и дом содрогался. Несколько «подарков» залетели прямо в пустые оконные проемы и лопнули внутри комнат. Если в помещении были люди, то их придется соскребать со стен. Меня тоже пометило, выбило кусок кирпича и им садануло по многострадальной щеке. Выматерившись, я как рак задом выполз на лестничную площадку. Тут уже было довольно тесно, бойцы прятались, куда могли.

– Мужики, в прямые квартиры ныряйте, там не достанет. – Бойцы бросились в дверные проемы, толкаясь и отпихивая друг друга. Я, чуть передохнув, крикнул Петра.

– Петруха, брат, ты где? – Я оглядывался, одновременно пытаюсь протереть глаза от поднявшейся пыли.

– Тута я! – раздалось сверху.

– Ты чего туда залез-то? – удивился я.

– Так к рации побежал, радист на связи сейчас, у нас координаты требуют, для ответного огня.

– А где мы их возьмем? – еще больше удивился я. – Пусть наш домик берут за ориентир и прибавляют метров двести-триста, кажется, там они накапливаются. Орудия нам у них все равно не выбить, а вот тех, кто готовится к атаке, да, может, еще и корректировщика, снять можно.

Крича напарнику все это, я даже не заметил, как кончился обстрел. Блин, только бы успеть парней вернуть к окнам, на-

деюсь, что немцы не станут долбить артиллерией, когда свои могут попасть под огонь.

– Ребята, на позиции, бегом, – проорал я и закашлялся. Наглотался пыли, вот и крутит меня теперь. То из одной, то из другой квартиры начали появляться бойцы.

– Занимайте места, согласно купленным билетам, – я сам бросился вниз, ко входу в подъезд, проверить, как там у нас пулеметчики. Одного бойца серьезно зацепило. Один из снарядов практически попал внутрь подъезда, лопнул у входа. Первый номер живой, пулемет тоже не пострадал, а вот подноскику прилетел осколок в плечо. Плечо у парня было разворочено знатно, комиссуют теперь, такое не зарастает. Руку бы только не отрезали, а с войной для него покончено.

– Петь, давай тут сам, когда еще лейтеха вернется, – обратился я напарнику, вернувшись в квартиру на втором этаже.

– А ты куда? – удивился парень.

– Надо остальных проверить, что там в других подъездах. Я там командиров видел, сплошь молодые, только с курсов.

– Так пошли кого-нибудь, в чем проблема?

– Петь, послать могут только меня, далеко и надолго, я такой же, как все, рядовой боец...

– Видел я, как этот рядовой боец фрицев штабелями складывает, без выстрела.

– Забудь, это из-за страха, боюсь, вот и убиваю прежде, чем меня смогут, у многих вообще опыта ноль, только призывали. Пойду я, а ты давай, смотри в оба. Как полезут, изда-

ли не стреляйте, подпустите метров на сто, а потом долбите. Во весь рост не вставать, а, ладно, сам не маленький уже.

Я побежал наверх, надеясь перебраться в соседний подъезд. Снарядами серьезно разворотило еще и третий этаж, так что пришлось потрудиться, пробираясь через завалы. В одном месте ногу придавило куском стены, случайно облокотился, а он и накренился, хорошо полностью не зажало, выбрался. Во втором подъезде насчитали шесть убитых, а раненых было больше десятка. Командир взвода, что был тут за главного, оказался старшиной, с седыми усами, этого учить только портить. Спросил его, нужно ли помочь чем, старшина ответил, что все есть, бойцы заняли позиции и готовы.

В третьем подъезде командир, младший лейтенант, был ранен. Рука на перевязи, но храбрится и рвется в бой. Хоть и молодой, но отчаянный парень. Попросил его, глядя в глаза:

– Командир, на рожон не лезь. Сами будут приходить, вот тогда и вали их тут, одного за другим. Командиров мало осталось, так что...

Договаривать не стал, тот и сам все понял и кивнул. Както в бою прокатывает мое обращение к командирам, главное, в затишье про устав не забыть. Я перелез через стену, в поисках пути в последний подъезд, но чуть не рухнул с обвалившейся стены. На месте четвертого подъезда лежали только кучи битого кирпича и куски перекрытий. Вот блин, тут же человек двадцать было, а может, и все тридцать. Надо подвалом пройти, может, внизу кто уцелел и помощи ждет.

Почему сразу не пошел через подвал? Так там заминировано все, растяжек сам же и наставил.

Спустился в подвал в третьем подъезде и осторожно пробрался через два проема, в которых стояли растяжки. Хорошо, что не сработали от тряски. Выход в подъезд тут был, а также два бойца сидели и курили возле пулемета.

– Здорова, а мы тут, похоже, одни остались. Дверь не открыть, завалило всё, – произнес один из бойцов, державший в зубах самокрутку, а руками протирал затвор от пулемета.

– А чего к соседям не идете, здесь-то чего теперь охранять? – спросил я удивленно.

– Так нам запретили. Командир сказал, что в подвале все заминировано, мы и сунуться боимся. Как-то не хочется на своих же минах подорваться.

– Ну, берите свое имущество и пойдем. Не знаете случайно, сколько у вас народу тут было?

– Тридцать пять бойцов, с командиром, лейтенантом Пантелеевым. А как мы по подвалу пройдем, мины-то ты, что ли, снимешь?

– Да нет, просто перешагнем и пойдем дальше.

– А ты не боишься? – удивились бойцы.

– А чего там бояться? Я же их и поставил. – Ой, на фига я это сказал.

– Так ё... мать, мы тут из-за тебя сидим?

– Э-э-э, мужики, а кто бы вас снизу прикрыл? Я же для всех старался! – Несколько секунд в подъезде раздавался от-

борный мат.

– Ладно уж, старатель, веди давай, да смотри, не подорви нас! – бойцы засмеялись. Редко увидишь тут улыбки, особенно в такие моменты, когда где-то над нами в развалинах тридцать солдатиков лежат, заживо похороненных.

Бойцы не остались в третьем подъезде, а пошли со мной к первому. Когда почти выбрались из подвала, началась стрельба.

– Слышь, сапер, мы тут на выходе и ляжем, – предложил первый номер расчета.

– Там есть, кому лежать, – пошутил я, – пойдемте выше, найдем вам точку. Я когда через верх лез, видел хорошие завалы. Да не думайте ничего плохого, крепко там, не завалит, обещаю, а вот укрыты будете хорошо.

– Сань, ну чего там? У нас уже гости лезут вовсю, – спросил Петруха, когда мы столкнулись с ним на втором этаже.

– Да жопа там, четвертый как корова языком слизнула. Вот два бойца при пулемете только и остались.

– Хреново, там ведь целый взвод был.

– Больше, говорят, тридцать пять человек, а так да, хреново, – я поднялся наверх, ведя за собой бойцов. Подыскав им местечко с неплохим обзором, вернулся к Петру.

– Ну, как тут у вас? – выглянув в окно, я задал вопрос напарнику.

– Да сунулись было из-за вон того дома, – Петя указал на такой же четырехэтажный дом, что и наш, который стоял на

другой стороне улицы, в сотне метров от нас.

– Вы стреляли?

– Из второго, я думаю, долбанули, рядом где-то. Мы не стали.

– Правильно, нефиг все позиции светить раньше времени. Как думаешь, с техникой сунутся? – спросил я о насущном.

– Если дом им и правда нужен, то вполне могут.

Немцы пошли без танков, но выгнали БТР и установили два орудия, прямо между домами, что были перед нами. В одном из домов в окнах показались головы в касках, и на нас уставились сразу четыре пулемета. Блин, нас сейчас убивать будут, так и сказал Петрухе. Тут раздались голоса в подъезде, и мы отвлеклись.

– Иванов, ты живой? – услышал я от дверей и увидел Нечаева.

– Да нас и ломом хрен убьешь, вы, товарищи командиры, вернулись удивительно вовремя, – я указал себе за спину, подразумевая фрицев на позициях.

– Нам тут продержаться пару часов, подойдет подкрепление, и пойдем к вокзалу. Там первый батальон помогает НКВДэшникам вокзал взять.

– Вот это, блин, порадовали, товарищи командиры, нам тут бы для начала выжить, а вы уже наперед заглядываете. Ладно, пойду, местечко себе подберу, Петро, ты со мной?

– А куда я от тебя денусь-то? Товарищ командир, разрешите?

– Да идите уже. Слышь, Иванов, ты, помнится, винтовку с оптикой хотел?

– Да, – у меня глаза загорелись, – еще как хотел!

– Ну и хоти дальше. Комполка сказал, нету у нас винтовок снайперских...

– Грех смеяться над больными людьми, – произнес я, видя, что этот гад, командир, издевается надо мной.

– А вот двух стрелков из дивизии мне дали. С винтовками, разумеется.

– Вот это другой разговор, где они? Я им место покажу знатное...

– Внизу, осматриваются.

У подвала я столкнулся с двумя мрачными, как сама жизнь, бойцами. У одного в петлицах четыре треугольника, у второго два. Перекинувшись парой фраз, отвел их наверх и показал завал на третьем этаже.

– Как вам местечко? – Старший по званию присел на колени и, достав бинокль, осмотрел округу.

– Пойдет, уходите отсюда, вам и внизу работы хватит, не надо привлекать внимание противника автоматическим огнем.

– Как скажете, уважаемые, – я ретировался, но не вниз, а перелез во второй подъезд, там у нас два расчета с ПТРС сидят.

– Эй, бронехалтурщики...

– Это еще что за... – полетело мне в ответ.

– Спокойнее, спокойнее. Вы чего же тут отдыхаете, извольте спросить? – это я пристал к расчету одного противотанкового ружья.

– Так нет же танков-то, чего нам патроны тратить, их всего сорок штук.

– А что вы сможете супротив танков-то?

– Ну, гусянки посбивать, повернуться удачно, так и зазечь можно! – отвечал мне первый номер, стрелок то есть.

– Мужики, вы, блин, как не свои прямо. Вон же БТР вылез, ну так и проткните его к хренам собачьим.

– А нас тут из орудий и похоронят заживо, – был ответ.

– Так, мужики, вас, блин, два расчета, щит у пушки ваш снаряд не задержит, расхреначиваете орудия, потом БТР, все ясно? – я придал голосу командные нотки, и бойцы подобрались.

– Попробуем... – ответил все тот же стрелок, а дом в этот момент содрогнулся от первого попадания.

– Давайте, ребятки, а то они нам сейчас здесь свежих мертвяков наделают! – выругался я и убежал.

Вернувшись к лейтенанту, доложил, что бронбойщики готовы, если отработают, как надо, эту атаку мы сдюжим.

– Слушай, а ротный здесь был? – вдруг спросил Нечаев.

– Это такой гордый горэц? – спросил я, имитируя кавказский акцент.

– Значит, был. Чего же он, дурень, в тыл-то побежал во время обстрела?

– Да кто его знает, нервный он какой-то, – ответил я.

– Был... – произнес лейтеха, а я застыл.

– Как это – был?

– Да вот так, снаряд, видимо, рядом рванул. Между домами видели, когда сюда шли. Весь переломанный, вряд ли долго мучился, – покачал головой Нечаев.

– Вот тебе бабушка и Юрьев день! – только и смог произнести я. Ну надо же, как вовремя-то. А и фиг с ним, тут бойцов жалеть надо, а не говно всякое, что из себя генералов корчит. Теперь еще и наградят посмертно.

– Пошел я, увидимся...

Первую атаку мы отбили довольно легко. Командир назначил штатного бегуна, паренек лет восемнадцати, бегал из подъезда в подъезд, узнавая новости. За всю первую атаку только семеро раненых, причем легко. Мы же выбили у фрицев по два расчета на каждом орудии, зажгли БТР и постреляли человек двадцать пехоты, фигня. Пока выдалось затишье, решил переговорить с командиром.

– Лех, можно с тобой начистоту? – спросил я у взводного, пока оставались наедине.

– Говори, – кивнул Нечаев.

– Ты ведь все про меня пишешь, так?

– Я про всех пишу, про себя тоже.

– А докладывал уже? – спросил я в надежде.

– Вот тут, – командир, расстегнув барсетку, тьфу, планшетку, достал тонкую тетрадь в линейку, – конкретно о тебе,

держи, – взводный протянул мне тетрадку и поморщился.

– Давай так, если я что-то сделаю не так, приказ не выполню или еще чего, тогда отдашь куда следует, лады? – предложил я, но реакция командира мне понравилась и, если честно, удивила.

– Это подло. Я собирал сведения по тебе, потому как не знал тебя толком. Теперь же я все равно не смог бы заставить себя отдать тетрадь osobистам.

– Это почему? – удивился я.

– Потому что меня первого и взгреют! Хорош командир, если им простой боец вертит, как хочет, – улыбнулся Нечаяев, а я вдруг его понял. Ведь если он доложит, как было дело, меня у него заберут и начнут крутить, много знаю, много умею, говорю не так, командиров себе подчиняю, а ему влетит по самое не балуйся.

– Ясно, помнишь, ты просил меня не говорить, что я машину водить умею?

– Конечно, и я благодарен тебе, что ты остался со мной, хотя на том берегу явно безопасней.

– Я тебе просто скажу, хочешь пожить подольше, держи меня при себе, прорвемся как-нибудь. – Вот, вроде и сказал что-то, а вроде и не говорил.

– Ты что-то такое знаешь, чего не знает никто, – задумчиво проговорил командир.

– Возможно, возможно, – покачал головой, я соглашаясь.

– Сань, а ты вообще откуда? Ну, родом?

– Командир, ты же читал выписку военврача, ну не помню я ничего, вообще!

– А воюешь как будто не в первый раз, – заметил Нечаев.

– Так соображаю быстро, вот и получается, сам порой удивляюсь, как что выходит.

– Выписку-то я читал, потеря памяти вследствие контузии, но все равно непонятно как-то.

– Надеюсь, пройдет, так вообще-то доктор обещал.

– Ладно, надо бойцов накормить, пока тихо, да готовиться к новой атаке.

– Я думаю, что надо всех в подвал спускать, – произнес я задумчиво.

– Думаешь, артналет повторят? – взглянул на меня лейтеха.

– Да как бы ни авиа, – произнес я, и мы дружно полетели на пол. Бомба взорвалась совсем рядом с домом, и стены задрожали как бумажные. – Как же мы не услышали-то, все вниз! – заорал я и первый рванул на лестницу.

Собирая бойцов, мы под грохот рвущихся бомб спускались в подвал. Когда за последним, а это был командир, закрылась дверь в подвал, в подъезде что-то грохнуло, и мы поняли, что подъезда больше нет.

– Все к выходу, через подвал идем, на улицу не вылезать, здесь нас вряд ли достанет, – командовал лейтенант.

– Командир, я к остальным сбегая, может, не всех еще положили? – я рванул по подвалу чуть не бегом, растяжки-то

никто не снимал, но я знал, где они стоят. Снял по пути все четыре штуки, заглянул во второй подъезд, бойцы лежали у пулемета, покуривая одну на двоих.

– У вас живые есть? – крикнул я мужикам, те аж подпрыгнули.

– Ну тебя к чертям собачьим, рывкаешь как из-под земли! – обругали меня бойцы. – Вон на первый этаж все спустились, а что?

– Позовите командира, – я присел рядом и тоже принялся скручивать сигарку.

– Кто звал? – раздался голос старшины, что рулил тут взводом.

– Я это, боец Иванов, – ответил я и с чувством затянулся.

– Чего у вас случилось?

– Да так, подъезд наш расхреначили, командир послал узнать, как остальные.

– У нас только два этажа осталось, третьего уже нет, слышишь, – старшина поднял голову и указал рукой вверх, – вон как долбят, суки.

– Ладно, передам командиру, может, к вам придем.

– Добро! В третий пойдешь?

– Конечно, надо узнать, чего там у ребят.

– Давай, на обратном пути загляни, расскажешь ребятам, они мне передадут.

– Хорошо, – кивнул я и побрел дальше. В подвале наткнулся на Петра.

– Петь, ты чего тут? – удивился я.

– Да тебя ищу, сбежал, а меня не позвал, – чуть обиженно ответил напарник. Хороший он парень, прилип уже ко мне. Говорит, что со мной не так страшно.

– Ну, пойдем вместе, – махнул я рукой, показывая дорогу.

Третий подъезд был в порядке. Им досталось меньше всех, так что хоть и сидят сейчас все внизу, но хотя бы все бойцы живы. Переговорив с их командиром, отправились назад. Кстати, а бронебойщикам хана, выходит. И снайперов не видел, неужели всех завалило там, наверху. Еще раз обойдя всех оставшихся в живых, спросил и о тех, и о других в подъездах. Оказалось, ПТРщики живые, а вот снайпер остался только один. Второго, и самого опытного, накрыло, когда он спускался по лестнице. Зато второй стрелок схватил его винтовку, которую я у него и выпросил, обещая, что после того, как здесь закончим, отдам снайперу ее для отчета.

Повертев в руках винтовку Мосина с коротким оптическим прицелом и не найдя повреждений, открыл затвор.

– Слышь, браток, а вы патронами специальными стреляете? – задал я, казалось, резонный вопрос.

– Все специальные еще до войны расстреляли. Пулеметными кормим, но она не привередливая. Пристреляна, кстати, на триста метров, Михалыч всегда ее так пристреливал, если прицел сбивал, а так добрая винтовка.

Я вытащил и осмотрел один патрон, да, и правда, на вид

совсем обычный, его бы шлифануть слегка. Гонят на заводах вал, качество вообще забросили. Пойду, патронов наберу, был у нас там цинк вроде, у некоторых бойцов винтовки, так что без патронов не останусь.

Насыпал себе в кармашек на сбруе штук пятьдесят, патроны были не в пачках, поэтому даже количество не считал.

– Петро, пойдём, повоюем, – я передал бинокль напарнику, и мы двинули наверх во втором подъезде. Рядом с одним из окон рванул снаряд. Нас обдало жаром и каменной крошкой, но мы шли дальше.

Артиллерия настоящих арийцев долбила добрых пятнадцать минут, а дальше мы слышали трель свистка. За это время мы прикинули ориентиры.

– Внимание, Петь, помнишь, как я тебе объяснял, что говорить?

– Ага, ориентиры ты сам считал, буду называть только место, где вижу врага, и говорить дистанцию, – отчеканил Петруха, а я кивнул. Я наметил ориентиры и прикинул примерное расстояние до них. Так как тут вокруг все близко, надо будет брать пониже, винтовка пристреляна на большее расстояние. Решил я отстрелять самых прытких немцев. Помню по рассказам бывалых стрелков, что хороший снайпер может много чего натворить на поле боя. Но это снайпер, я-то и не стрелял из такой винтовки ни разу. Но почему-то упорно считаю, что получится.

К окну решил не подходить, буду стрелять из глубины

комнаты. Тут как раз комод какой-то уцелел и стол вполне крепкий, вот и улягусь здесь. Быстро с Петрухой переставили мебель поудобнее для меня, и я расположился. Накрутив ремень на ладонь, зафиксировал винтовку, вроде удобно.

– Петь, давай внимательно. Главное, отыщи мне побыстрее пулеметчиков и офицеров, у тех форма отличается, да наверняка в фуражках будут.

– Так вон один, за углом дома справа, тьфу ты, – выругался напарник, – ориентир два, левый угол, двести, офицер, – вспомнив, как я просил мне докладывать о целях, Петро исправился и выдал скороговоркой именно то, что я и просил.

– Вижу, работаем! – Винтовка сильно толкнула в плечо, и сам я отвлекся, но выручил Петя.

– Сань, левее ушла и далеко за немцем! – Ага, значит, еще пониже и правее возьму. Второй выстрел, затвор назад, вперед, готов к следующему.

– Теперь прямо перед ним попал, черт, он убрался, понял, видимо. – Сам уже вижу, что убрался.

– Петь, смотри еще, а то мы так и будем за одним охотиться.

Следующим был пулеметный расчет. Поставив пулемет на остов сгоревшей машины, вроде «эмку» напоминает, два нацика принялись поливать наш дом свинцом. Где-то за стеной раздался выстрел из «мосинки», странно, что в общей какофонии стрельбы я вообще услышал этот звук.

– О, кто-то пулеметчика завалил, – крикнул Петя.

– Это наверняка наш оставшийся снайпер работает, он и второго сейчас приземлит, ищи еще цели.

Офицер все-таки не удержался и выглянул снова, а я уже понял, благодаря двум промахам, куда нужно целиться. Чуть повернув ствол, а то смотрел до этого не совсем туда, я выстрелил и сам же заметил попадание. Точнее, заметил я, как фриц упал, куда попал, конечно, не видел.

– Сань, это ты его?

– Ага, ты не заметил, куда попал? – мне было интересно, просто хотел знать, куда точно целиться.

– Прямо в грудь, он аж отлетел.

– Так, а наводил чуть ниже пояса, да между ног я целился, между ног, – усмехнулся я, – ну падлы, кто вам теперь свистеть будет? Рефери я вашего удалил с поля!

– Это ты сейчас с кем тут разговаривал? – уставился на меня напарник.

– А, не бери в голову, есть тут один, умный человек, с ним и говорил.

– Это ты про меня, что ли? – не понял Петро.

– Не-а, про себя любимого, цели ищи давай, сейчас какой-нибудь унтер на себя командование примет, если других фуражноносцев не окажется.

– Вроде есть такой, в смысле вон один в каске, руками машет, что-то орет вроде. Ориентир один, влево десять от пулемета.

– Вижу. – Выстрел, второй. – Черт, патроны кончились. –

Открыл затвор и заталкивал патроны. Черт, неудобно с прицелом-то.

– А ты опять попал, уже двоих к их фашистским богам отправил.

– Ага, у них и на пряжках про это пишут, – кивнул я, закрывая затвор.

– Чего пишут? – спросил, заинтересовавшись, Петя.

– С ними бог, там написано, не видел?

– Да я по-ихнему не понимаю, – сокрушенно ответил напарник.

– Да и я немногим больше твоего, – я искал, в кого бы выстрелить, чтобы поважнее цель была, но тут вдруг стало как-то жарковато.

Из-за двух домов, что располагались на другой стороне этой улицы, вдруг поднялись немцы и бегом припустили в нашу сторону.

– Они там, чего, шнапсу приняли, что ли? – пробубнил я и начал стрелять. Из пяти следующих выстрелов я попал дважды. Одного точно наглухо, второй поживет еще, если вытащат, а... нет, не поживет. Кто-то попал в лежащего немца, и тот, замерев, распластался на земле. Из нашего дома начали стучать выстрелы автоматов и трофейных пулеметов. Немчура сначала начала валиться, а потом, видимо сообразив, что их тут нагло убивают, залегла. Мне было очень удобно стрелять сверху вниз, в лежащие и пытавшиеся укрыться тела врагов. Спрятаться посреди улицы было особо негде, ес-

ли только за кучи битых кирпичей, что были вокруг, поэтому фрицы ховались кто куда мог, ну я и начал шмалять. Расстреляв еще полтора десятка патронов, с уверенностью могу заявить, что убил минимум пятерых. Когда наши сбавили темп стрельбы, наверное, перезаряжаться начали, неприятель начал вставать и, развернувшись, помчался назад.

– Вперед, за Родину, за Сталина! – услышал я призыв и почему-то спрыгнул со стола и помчался к лестнице. На ходу вешая ремень автомата на шею и дергая затвор. Винтовку я оставил в комнате, толку в атаке от нее немного будет.

Что меня так зацепило? Сам не знаю. Ладно местные, они с именем этим ложатся, они с именем этим встают, а я-то дурень куда рванул? Да, голос у Нечаева точно командирский, далеко пойдет, если не убьют прямо сейчас. Ведь это именно его призыв поднял всех в атаку. А главное, мы ведь реально прошли.

С ходу захватив оба дома напротив, за которыми немцы накапливались для атаки на нас, мы, сломив совсем небольшое сопротивление врага, обратили остатки фрицев в бегство. Во дворе одного из домов были оборудованы позиции для двух минометов, вот откуда эти суки нас минами забрасывали, а ведь нам их с прежних позиций ни за что бы не достать было. Теперь у нас есть два миномета, с запасом мин, все лучше и лучше нас снабжают немецкие интенданты. Мы пришли сюда практически нищими, а теперь богаты, как крезы.

– Сань, живой? – услышал я первые после этой дикой атаки человеческие слова.

– Да вроде, только вспотел, как колхозная кляча. – От меня и правда пар валит.

– Видел, как они бежали? Вот так же мы их до самого Берлина и погоним, – взводный сиял как начищенный самовар.

– Слушай, командир, ты хоть предупреждай, когда у тебя голову переклинит в следующий раз, ладно? – я вытер пот и грязь со лба и обнаружил свои руки красными.

– Ты не забывайся, приказ есть приказ. Нам все равно нужно было штурмовать эти позиции, а как удачно получилось, да? Блин, ты чего, ранен, что ли? – только заметив кровь на моих руках, командир закончил с лозунгами.

– Да чего-то я и не помню, чтобы меня ранило, а тут кровь... – я как-то даже растерялся.

– Давай присядь тут, сейчас сестру позову, она там раненых перевязывает.

– Много потеряли? – спросил я, сползая по стенке на пол. Мы разговаривали на бывшем наблюдательном пункте фрицев, тут вон и рация имеется, и даже кровать стоит заправленная.

– Восемь убитых, учитывая плотность огня, это немного. Раненых вот много, каждый второй помечен, кто-то сильнее, кто-то не очень. Сейчас подсчет закончу и скажу, сиди здесь, сестру я пришлю.

Взводный ушел, а мне вдруг так захотелось спать, блин,

я тут вообще всегда хочу спать, да еще есть очень хочется. Даже не заметил, как прямо тут и вырубился. Очнулся только от того, что кто-то тряс за плечо.

– Родненький, эй, ты потерпи, я сейчас перевяжу, – писклявый голосок, совсем детский, выдернул меня из сна.

– Да я нормально, сестренка, уснул просто, – я разглядел деваху, господи, кого на фронт берут таких, как мы, таскать, ладно еще я вот небольшой, так и то восемьдесят килограммов вешу, а тут девчонка, лет шестнадцать, маленькая, худенькая, нос крючком, глазищами хлопает да все причитает.

– Как же ты, родненький без каски-то воюешь, нельзя же? – причитала и спрашивала одновременно девчонка.

– Почему без каски, – я и правда удивился, ведь я ж ее почти не снимая таскал. Хотел ощупать голову, но сестра уже занималась перевязкой и мягко так отстранила мои руки.

– Подожди, сейчас закончу.

– Как тебя звать-то, родная?

– Маша. Тебе больно? – она заглянула мне в глаза.

– Да нет, а чего там, на голове-то? – хотелось знать, на фига она на меня бинты переводит.

– У тебя и лоб, и голова рассечена, даже не знаю, чем это тебя так...

– Сань, каска с «девяткой» твоя? – в комнату вошел Петруха, с забинтованной левой рукой. В другой у него было каска. Я давно любимую цифру на своей каске нацарапал.

– Ага, это чего, моя? – Петя протянул мне каску, а я, по-

глядев на нее со всех сторон, вскинул брови.

– Сам, что ли, проткнул? – показывая на дырку в каске, спросил я у напарника.

– Мне что, заняться больше нечем было? – Петя покрутил пальцем у виска.

– Тоже зацепило? – я ткнул пальцем в свежую повязку на руке.

– Осколок мимо пролетал, зацепил немного, падлюка такая, ерунда. Ты чего каску не застегнул, когда в атаку рванули?

– Да фиг его знает, забыл, наверное, – пожал плечами я. Вот так случай, как бы на этом везение не кончилось. Пуля попала мне в каску и, пробив ее, рассекла голову вскользь, как внутрь не вошла, уму непостижимо.

Девушка-санитар, закончив свои докторские дела, ушла, даже поблагодарить не успел, сидел тут задумавшись, надо будет хоть шоколадку ей подарить, мы у немцев много взяли. «Nestle», кстати.

– Взводный как, посчитал уже людей? – спросил я севшего рядом и достававшего еду Петра.

– Ага, с нашего взвода один убит и один ранен, обоих на тот берег отправили. Во втором взводе, где политрук командовал, трое раненых и тоже один покойничек, остальным меньше повезло. Мы ведь уже в доме были, когда немец отвечать-то начал всерьез. А те наши два взвода, что соседями по дому были, только еще бежали, вот им и прилетело се-

рзезно. Там уж и минометы долбили вовсю, и пулеметов хватало. Ты, брат, меня напугал даже. Я не сразу вообще понял, куда ты сорвался, выскочил из дома, а ты уже почти досюда добежал. Бегу, смотрю, каска полетела, а ты дальше чешешь, ее подобрал на ходу и за тобой. Только в доме тебя потерял, пока искал, тебя уж тут сестренка бинтовать стала. Ну и здоров же ты, братец, бегать, быстрее пули, наверное, бежал.

– Сам знаю, что дурак, да уж больно Нечаев у нас кричит хорошо, так и хочется быстрее приказ исполнить. – Мы вместе рассмеялись и перекусили.

– Покемарь чуток, пойду, узнаю, дадут нам отдохнуть-то, или опять побежим? – Петя встал и, кивнув, вышел. А я взял и завалился на фрицевскую кровать, нехай ищут, если нужен буду, найдут.

Сколько прошло времени, не знаю. Но как-то даже выспался. Встав с кровати, надо же, сапоги кто-то с меня сдернул, вот молодцы, намотал портянки и влез в стоявшие возле кровати сапоги. Петруха наверняка расстарался, блин, вот ведь Человек, с большой буквы! На столе возле окна стояла банка тушенки и рядом, на клочке газеты лежал хлеб, да свежий, однако. Достал трофейный складной нож, в нем есть консервный нож, и вскрыл банку. Эх, жить – хорошо, а хорошо жить еще лучше. Схомячив почти полбуханки хлеба и вычистив корочкой банку, запил все это из фляги водой. Чего-то опять в сон потянуло, э, нет, пойду-ка командира поищу.

Лейтенант оказался этажом выше, что-то разглядывал в бинокль.

– Здравия желаю! – бодро отчеканил я.

– Чего орешь-то? Да и одни мы тут, не тянись. Как отдохнул?

– Замечательно, а сколько времени?

– Почти три часа дня, – посмотрев на часы, сказал командир.

– Ого, я чего, целых три часа спал и меня никто даже не пнул?

– Да пытались разбудить, да ты как покойник спал. Не шевелишься, не храпишь, вот и оставили в покое.

– Спасибо, товарищ лейтенант, большое человеческое спасибо, – искренне сказал я.

– Нам дали передышку, учли, что мы всю ночь воевали. Комполка по телефону благодарил за то, что домик тот, что ты взял, вовремя захватили.

– Ага, – скорчив рожу, киваю, – взял, да в одиночку полроты гансов смахнул, как крошки со стола, и сижу теперь как герой. Ты чего, лейтенант, очумел, что ли?

– Ладно, мы взяли, так что начальство довольно.

– Ну и слава богу, это же хорошо, когда начальство довольно, – улыбнулся я.

– Вторая рота нашего батальона пошла дальше, если захватят соседние дома, нам вообще хорошо будет. А у первого батальона плохо, они вокзал штурмуют, у них в бата-

льоне ведь тоже уже далеко не полный состав, а гитлеровцы сидят основательно. Разведка у соседей ходила прошлой ночью, говорят, совсем там туго. Несколько раз с фашистами местами менялись. Тут вообще дальше легко не будет. Это сюда немцы большие силы не бросают, экономят, а в двух сотнях метров отсюда танки стоят, вот где сложно-то.

– Прорвемся, командир, не мы, так те, кто за нами пойдет. Всегда так было и всегда так и будет. Кто-то гибнет, кто-то прорывается и побеждает. Сейчас-то нам что делать?

– Курочкин сказал, что это ты немецкого офицера из снайперки положил?

– Да, с третьего выстрела. Потом пристрелялся и еще вроде нескольких «заземлил».

– Вот, а ты спрашиваешь, зачем я тетрадь веду и все про вас записываю. Ты себя слышишь? Откуда у тебя словечки такие, я так иногда тебя вообще не понимаю, как будто и не нашем языке говоришь.

– Извини, Леш, да сами как-то придумываются, я не специально.

– Ты за языком приглядывай, а то уже не я спрашивать буду, – предостерег меня взводный. – Винтовку с оптикой младший сержант Фоменко в полк отнес, но я тебе тут подарок приготовил, ты же говорил, что больно уж тебе хочется с прицелом пострелять.

– Было дело, да и правда интересно. С автомата строчишь-строчишь, попал, не попал, только гильзы звенят, а

тут... – я многозначительно вскинул брови, – тут другое дело.

– Сейчас, подожди, – лейтеха вышел, а я сел на стул возле окна. Тут на столе лежала развернутая карта, точнее, командир обстановку зарисовывал. Поглядел, а хреновые у нас дела-то. Стоит фрицам ударить по нам с двух сторон и всё, ладно, если к переправе успеем свалить. Хотя я, конечно, не совсем точен, слева вроде наши соседи хорошо укрепились, вряд ли так просто их пройдут, но если фрицы танки подтянут, тогда да, тяжело будет.

– На, владей! – отвлек меня голос Нечаева. Развернувшись на стуле, уставился на командира.

– Блин, командир, вот это подарок! – я восхищенно вытаращил глаза. Взводный держал в руках немецкую винтовку с оптикой.

– Держи, говорю, чего глазами хлопаешь? Эту никто не заберет, я ее на взвод записал, теперь твое оружие.

– Слушай, командир, но я ведь не снайпер, этому учиться надо! – сомневаясь в своих возможностях, сказал я.

– Вот и учись, я тоже первый день в бою взводом командую, не плачу же!

– Как прикажешь, – взял винтовку в руки и стал разглядывать. – А где хозяин этого ствола?

– Ее в квартире наверху нашли, там же трупик свеженький, весь такой в пятнистой одежке, ботиночки хорошие, и головы почти нет, гранату кто-то кинул.

– Кто прибрал? – спросил я, понимая, что наши хрен пройдут мимо хороших вещей.

– Да разобрали кому что, только оружие принесли.

– Да, от ботиночек фрицевских и я бы не отказался, удобные они у немцев.

– Ну-ну, хватит тут нашу советскую обувь хаять, – улыбаясь, проговорил взводный. – Иди оружие осмотри, пристреляйся, патронов мы немецких много захватили.

– Да я вон ленту от МГ сейчас распотрошу себе в сидор, мне надолго хватит. – И я, подхватив винтовку, вышел из квартиры.

Не успев спуститься вниз, натолкнулся на Петруху.

– О, Сань, проснулся? – бодренько так спросил напарник.

– Да. Спасибо, брат, за еду, очень вовремя.

– Да ладно, я же понимаю, ты устал... – смущенно ответил

Петя.

– Петь, ты чего? Вместе же воевали, чего ты меня все выделяешь? – И правда, чего-то Петро меня все хвалит и хвалит.

– Так ты вон как знатно воюешь! – продолжал петть дифирамбы напарник и прятал глаза от смущения.

– Пе-тя! – сказал я, уже не улыбаясь.

– Извини, Сань, – напарник замолчал, но через пару секунд выпалил: – Ты же меня спас там, – Петя махнул рукой себе за спину, – меня бы уже не было тут.

– Когда это, о чем ты вообще? – я совсем растерялся, не

понимая, о чем говорит друг.

– Когда переправлялись, бомба рядом с баржей упала, помнишь, меня выкинуло тогда, а я плавать не умею. Ты же меня вытянул, что, забыл, что ли? – Ах, вон он о чем. Честно говоря, я и не заметил в темноте, кого я тащил. Было дело. Баржу взрывной волной в скулу шлепнуло, а парень на ногах стоял, вот и полетел за борт. Мне тогда даже прыгать не пришлось, он рядышком бултыхался, я свесился за борт и вытащил его. Блин, там так страшно было, что я забыл об этом сразу, а парень-то впечатлился, оказывается. То-то я думаю, чего он за мной так ходит, помогает, жрать вон притащил и буквально в рот заглядывает, когда я что-нибудь говорю.

– Братуха, забудь ты это. Я же не видел даже, кого вытаскивал, да и любой бы так сделал на моем месте.

– Да вот никто кроме тебя и не кинулся ко мне. А знаешь, как мне от этого страшно было? Меня в детстве дед плавать учил, в пруд швырнул, а я камнем на дно, ну боюсь я воды, не могу себя перебороть. Как оказываюсь в воде, на меня просто паника нападает, не знаю, что делать.

– Вот немчуру расхреначим под орех, сам тебя научу. Слово даю, не надо воду бояться, вода это жизнь.

– Как скажешь, только я все равно утону, боюсь я.

– Эх, вояка ты хренов. Пошли давай, надо мне трофей пристрелять, видишь, какую мне «цацку» командир подарил? – я показал парню немецкую винтовку.

– Ты глянь, сколько тут крестиков на прикладе! – удивил-

ся Петро. А я-то, к моему стыду, и не заметил, хотя я ее не особо и разглядывал.

– Затрем сейчас, а скоро звездочки царапать будем, договорились?

– Конечно, – улыбнулся напарник, и мы двинулись к выходу из дома.

Винтовка оказалась в полном порядке. Надо отдать должное немчуре, классная винтовка. На двухстах метрах я спокойно посшибал все банки, что мы с напарником установили для пристрелки. Я, конечно, выпустил для начала пяток пуль, просто чтобы понять, куда она вообще стреляет, а вот затем уже начал стрелять по мишеням. Петруха так и продолжал всячески мне угождать, я даже поругаться хотел, но после повторной нравоучительной беседы тот вроде успокоился. Раньше бой был, некогда ему было думать о таком, а сейчас, на отдыхе, парнишка «поплыл». Просто Петро предложил мне мой автомат таскать, дескать, у тебя винтовка, тебе тяжело будет, вот я на него и «набросился».

– Петь, если не прекратишь так себя вести, я доложу лейтенанту, нехай тебя в другую часть отправят. Мне напарник нужен, а не почитатель, я не девка. А оружие свое сам таскать буду, вот на позиции будем лежать, там да, поможешь, а сейчас прекращай, я тебе всерьез говорю. – На этом и договорились. Отличный он парень, да и не один он, все здесь хорошие и добрые люди, кто из них виноват, что война их перековала?

К пяти вечера с нами связались из штаба полка и, потребовав у взводного отчет по потерям, приказали ждать команду «фас». Ну, сигнал о нашем выдвигении в сторону вокзала. Там первый батальон сейчас рубится, немцы их опять выбили из здания. Где-то рядом сражаются, задница там полная. А наш батальон должен, прорываясь к железнодорожному вокзалу, освободить центр города, дома попутно чистить будем, вот так. Бой на встречных курсах, немцы к Волге, а мы от нее.

Взамен погибшего ротного нам не прислали никого. Так как Нечаев оставался единственным командиром на все остатки трех наших взводов, лейтеха из третьего взвода получил еще одну пулю и его отправили на тот берег в санбат, нашего лейтенанта и поставили рулить остатками роты. Меня он поставил на свой бывший первый взвод старшим. Да, должен быть командир, да где его сейчас взять-то? Вот наступит затишье, или нас отведут назад, то там или нового ротного назначат, или утвердят Нечаева, а на взводы могут новых лейтех прислать.

Я решил немного похулиганить и попросился у командира погулять. На самом деле, недалеко так, через дом от нас всего. Там просто домик удачно расположен, с верхнего этажа я смогу немцев разглядеть, да и пострелять их немного.

– Петь, видишь, где эти суки окопались? – мы находились в развалинах третьего этажа одного из домов, что одной сто-

роной выходил на позиции немцев.

– Ага, смотри, еще один в фуражке показался, – Петя в бинокль рассматривал позиции немцев.

– Вижу, а давай-ка снимем этих, петухов напыщенных, со всем страх потеряли.

– Так заметят и минами накроют! – логично заметил напарник.

– А мы сначала этих офицеришков уберем, а потом оба расчета, что позиции только что себе оборудовали.

И началось. Я отстрелял три полных магазина, когда на нас посыпалось... даже и не знаю что. Грохот был такой, думал, обделаюсь. Те развалины, в которых мы находились, разлетались как бумага. Петя оклемался вперед меня и, схватив меня за руку, потащил вниз. И развалины, и заодно весь второй этаж разлетелся в щепки. Мы с напарником отсиживались в подвале и думали только об одном, вылезем ли мы после такого обстрела. Немцы как-то уж очень расстроились из-за уничтожения минометчиков и двух офицеров, долбили артиллерией минут тридцать, мы с Петей напрочь оглохли. Казалось, каждый снаряд разрывался прямо рядом с нами. Дом дрожал, но каким-то чудом пока стоял.

– Ха-ха-ха, – вдруг прорвало напарника.

– Братуха, тебя что, приложило, что ли? – испугался я.

– Да вспомнил, как фриц с ноги на ногу прыгал, когда ты ему в задницу попал.

– А на фига он ее выставил? – я и сам засмеялся. Один

солдат из расчета минометчиков вжался в землю так, что я видел только часть его спины, выстрелил, оказалось, что попал прямо в «седло», как он орал, как крутился и подпрыгивал, пока в шоке был, позже-то упал и, покатавшись чуток по земле, затих. Обстрел помешал нам досмотреть эту картину, уж и не знаю, сознание потерял или сдох. Когда закончился обстрел, мы, блуждая по подвалу в темноте, внезапно завернули в какой-то закоулок и обнаружили дыру в углу дома. Видимо, немцы стреляли по всему дому, а не только по верхним этажам. Выбравшись из этих катакомб, охренели. Мы оказались на той стороне дома, что была обращена к врагу. Пока бежали и прятались за угол, немцы немного постреляли, но повезло, не зацепили.

Взводный дал нам транды за то, что растревожили фрицев, но его осадил политрук, сказавший, что красноармейцы, да еще и гвардейцы, должны бить врага в любое время дня и ночи.

– Нам к вокзалу выдвигаться, а они тут все это дерьмо разворошили! – ругался Нечаев.

– Ладно, командир, нам ведь левее нужно, может, проскочим, пока здесь заварушка.

Через десять минут все были готовы, взводный, а теперь уже ротный, всех давно поднял, только нас и ждали. Промежуток между двумя домами пришлось преодолевать на пузе. Немцы хоть и не заметили пока наш маневр, иначе бы уже с дерьмом мешали, но мы видели отдельных солдат, осмат-

ривающих окрестности. Кругом были завалы из различного строительного мусора. Битый кирпич, какие-то расщепленные доски и грязь, кругом грязь. Ползти по битому кирпичу то еще удовольствие. У меня винтовка в руках, Петруха тащит наши с ним автоматы. Ползти мне нужно особенно аккуратно, чтобы прицел не сбить, я только к нему пристрелялся. Вообще немецкая винтовка оказалась чудо как хороша, звук запираемого затвора – бальзам на уши, особенно после услышанного мной в первый раз лязганья «дегтяря». Понятно теперь, почему янки до двадцать первого века лучшие свои винтовки делали именно с «Маузера». Реально лучше ничего и нет, наверное. «Винчестер» свою «семидесятку» знаменитую делал именно с «Маузера», а «Ремингтон», чуть позже, «семисотую» модель, вообще моя мечта, также с него лепил.

Нам удалось двумя взводами пересечь улицу и занять позиции возле очередного дома. Немцы физически не могли быть везде и всюду, даже если и находились в каком-то доме, то очень малым составом. В этом доме, к которому мы приползли, было всего десяток солдат при одном пулемете. Постреляли их быстро, потеряв взамен только одного бойца, да и то только раненым. Телефонисты тянули полевку, и Нечаев вызвал подкрепление, объяснив, как идти, чтобы можно было обойти позиции противника. К сожалению, нам мало было просто пройти к вокзалу, нужно по пути зачищать те здания, что попадают, иначе нас просто окружат и раздавят.

Ноги уже просто гудели. Башка трещит ужасно, видимо, близкие разрывы снарядов все-таки сказываются. Сидим, курим, ждем подмогу. Почему сами не идем? Так и пошли бы, да впереди две самоходки немецкие стоят, спрятались гады за две подбитые «тридцатьчетверки» и в ус не дуют. Ребята наши сунулись было, да те уж больно стреляют метко, двумя снарядами чуть всех не положили.

– Давай назад, сейчас попробуем артиллерию вызвать, – крикнул мне ротный, проползая мимо. Я передал приказ своему взводу и начал отползать. Артиллерию, ага, ты еще авиацию вызови. Парень по учебнику воевать решил, но делать-то что-то нужно. Подполз Петруха.

– Слышь, командир, я тут четыре гранаты нашел, противотанковые, попробуем?

– Делись, – протянул я руку и охренел от тяжести. Это двухкилограммовая «колотуха» оттягивала напрочь руки, как ее кидать-то?

Не ставя в известность ротного, поползли вдоль дома, что укрывал нас от немецких самоходок. Позвали еще троих бойцов, чтобы прикрыли, если что, от вражеской пехтуры. Один был вооружен ДП, двое с автоматами.

– Петь, этот дом, – я указал на стену, под которой мы ползли, – не зачищен, из-за угла нам гранату не докинуть.

– Если мы туда полезем, фрицев набежит как тараканов, – многозначительно заметил Петр. Тут до нас донесся голос кого-то из бойцов, что ползли сзади.

– Чего?

– Командир за нами ползет, зовет тебя, – передали мне.

– Тьфу ты черт, сейчас всю малину обгадит, – развернувшись и медленно проползя мимо своих бойцов, нашел Нечаева.

– Ты куда собрался, кто тебе разрешил? – начал ротный.

– Чего опять кипеж-то поднимаешь? – остановил я его порыв.

– Ты теперь взводный, хоть и рядовой, но командир!

– И что? – не понял я.

– Пошли бойцов, без тебя справятся, кто взводом будет руководить?

– Я, как ты сам только что заметил, рядовой. Поэтому я и приказал, себе, Курочкину и этим троим, чего тебе еще надо?

– Отставить, я говорю! – продолжал Нечаев.

– Командир, отстань ради христа, не заставляй меня нарушать субординацию. Я пойду и... точка. Сколько ты лежать здесь будешь? А если они сюда танки пошлют, так нас здесь и вкатают в землю. Всё, говорю. – Нечаев с открытым ртом остался лежать, а я пополз обратно, но придумав кое-что, обернулся.

– Хочешь помочь?

– Чего удумал еще?

– Изобразите атаку слева, но не лезьте, а мы тут справа и обойдем. Самоходы уничтожим, и вы пройдете, лады?

– Лады! – огрызнулся командир, но двинул к бойцам.

Так, сейчас они там пошумят, а мы и рванем. Объяснил Пете и предупредил, чтобы тот не отставал.

До самоходок мы не дошли. Даже из-за угла не вышли. В том доме, за которым мы укрывались, оказалось слишком много врагов. Немчура устроила нам такую «ответку», что еле ушли, таща раненых и двух убитых. Костерил себя так, что даже ротный проявил слабость и утешал:

– Сань, ну мы же без разведки шли, кто знал, что там такие силы? – горестно вздыхал Нечаев, который и сам пострадал, пулю в руку схлопотал.

– Вот именно! Командир, сдай меня на хрен особистам. Не вздумай даже сообщить, что это была твоя инициатива. Я тут разошелся, решил, что все, выдохлись фрицы, а они нам и навешали. Черт, почему я дом сначала не проверил...

– Ну, всё! Хватит уже плакать! Нет тут виновных. Ты такое понятие, как разведка боем, слышал? – командир уставился на меня, а я вдруг подумал, вот же человек, не равнодушен он ко мне, другой бы сдал не задумываясь, а этот только и думает, как выгородить.

– Лех, я парней положил, ты вон раненый, дело не сделано, а ты все меня выгораживаешь...

Нечаев все равно доложил, что была разведка боем, понесли небольшие потери и отошли назад. Путь преградил трехэтажный длинный дом, в котором укрылись около сотни гитлеровцев, при поддержке танков и артиллерии. Доклад

лейтенанта, надо сказать, вышел весьма кстати. С нами на связь вышел командир полка и... похвалил за инициативу. У меня в голове не укладывалось, а Нечаев был бодр и весел.

– Ты не понимаешь главного. Завтра здесь пошли бы еще войска и попали бы как куры в ошип. Ведь еще утром разведчики докладывали, что тут нет никаких танков и большого количества солдат противника. Немцы стягивали сейчас все ближайшие войска на железнодорожный вокзал, вот мы и поперлись не глядя. Комполка пообещал пополнение, а главное, сообщил, что к нам выдвинулись два расчета с «сорокапятками», помогут в случае атаки противника танками.

Я, чувствуя вину, попросил у ротного отпустить меня на разведку.

– Куда ты еще собрался? – недовольно спросил Нечаев.

– Хочу посмотреть, откуда можно эти гребаные самоходы сжечь. Из пушек я имею в виду.

– А-а. Возьми только кого-нибудь, одного не пущу.

– Так с Курочкиным и пойдем, хорошо?

– Давай, осторожнее только.

Время было уже к вечеру, темнело. Фрицы стреляли все меньше, спать хотят, наверное. Мы ползли с Петрухой по развалинам и осматривали каждый закоулок. Я хотел отползти чуть в сторону от занимаемого нами дома, чтобы найти место, где установить орудия. «Благодаря» застройке такое место найти было невозможно. Самоходки стоят не посреди улицы, и чтобы выйти к ним на прямой выстрел, нужно по-

дойти метров на триста, что само собой невозможно. Но это палка о двух концах. Если бы можно было выйти на прямой выстрел с большего расстояния, немчура бы уже сбросила в Волгу все наши войска своими танками. Так что застройка играла на руку и нам тоже.

Мы забрались в подвал одного из полуразрушенных домов и чуть не начали стрелять с перепугу.

– Наши! Бабоньки, это же наши! – Мы, блин, с Петей чуть с ума не сошли от объятий и поцелуев.

– Красавицы, вы нас удавите сейчас! – начал было возмущаться я.

– Родненькие, как же вы сюда прошли, немцы же кругом.

– А вы знаете, где точно? – спросил я.

– Тут их нет, но дом весь разбит, мы боимся наверх выходить.

– Так, Петруха, надо женщин с детьми отсюда выводить, как хочешь, – озадачил я друга.

– Скоро совсем стемнеет. По нашим следам можно пройти, не заметят. – Мы и правда почти весь путь прошли ногами, а не ползком.

– Точно. Тут только от этого дома метров сто – сто пятьдесят пробежать, пригнувшись, а дальше спокойней, там уже наши дома.

– Ребятки, мы боимся, – беседу с нами вела одна и та же женщина, если честно, неопределенного возраста. Просто тут все такие чумазые, усталые и голодные, что вообще

не отличить мальчика от девочки и женщину от старушки. Все в каком-то рванье, как не замерзли-то до сих пор? Ну фрицы, ну суки! Придем мы в Фатерлянд, запоете вы тогда.

– Бабоньки, с вами боец пойдет, знаете, какой он сильный и отважный, ух! Немцев пачками кладет. – Петя стоял и хлопал глазами, женщины лучинку зажгли, вот я и разглядел.

Вдвоем идти не хотелось, вдруг фрицы в дом вернутся, женщины-то сказали, что те здесь были, а потом куда-то ушли. Вот я и пойду, домик проверю аккуратно, а Петя женщин доведет до расположения ближайших бойцов, пусть те займутся их сопровождением к переправе.

Когда вылезали из подвала, я аж присвистнул. Сорок три человека, это всех вместе и женщин, и детей. Страшно за них было, но, блин, пока они тут, еще страшнее. Петя ушел, а я снова полез в подвал. Выход в подъезд заблокирован не был, вышел и осмотрелся. Тут точно никого не было давненько. Ни следов присутствия, ни каких-либо признаков жизни. Осторожно пробирался, уткнув приклад ППШ в плечо и осматривая каждый закоулок. Тихо, ан нет, на улице-то трескотня продолжается, но уже давно не такая, как днем. Орудия не бахают, только где-то минометы долбят да ружейно-автоматный, ну, иногда пулеметный огонь слышен из соседних домов. Как-то уже воспринимается это все странно. Постоянно кто-то стреляет, а вот раз не в «твоем» доме, так вроде кажется, что где-то далеко. Непередаваемые ощущения. В одиночку идти страшно, но в то же время спокойно

как-то. Уж если сам видел пустую комнату, так и уверен на все сто, что здесь точно никого. Во втором подъезде я нашел следы пребывания фрицев. Много окурков на полу, пара бутылок из-под вина, несколько пустых банок из-под консервов. Гильз нигде не видел, следовательно, если немцы сюда и ходят, то только наблюдать, ну, может, еще огонь артиллерии корректируют, гады. За час обойдя весь дом и насмотревшись вдоволь на самоходки, хоть и темно уже, но тут всего метров триста, все разглядел, тем более вокруг них стояла суета. Фрицы впереди, то ли жрали, то ли гуляли, но ходят через одного с фонариками и думают, наверное, что их не видно. Да и осветительные ракеты никто не отменял, гитлеровцы запускают их постоянно, боятся, суки.

«Эх, вот сюда бы орудие поставить!» – думал я и разговаривал сам с собой. Тут обе самоходки как на ладони, они прятались от атаки с другой стороны, а тут так удачненько борта подставили.

– Стоп, а кто нам помешает сюда пушку закатить? – И правда, кто? «Сорокопятка» весит немного, как тяжелый мотоцикл. С той стороны дома положим на оконный проем бревна, доски или двери какие-нибудь, по ним затащим орудие. Мешает перетащить его на другую сторону дома, по сути, всего-то одна стена. Возьму взрывчатки у саперов, есть она у них, еще и фрицевской добавили из трофеев, рванем аккуратно часть стены, чтобы пушка прошла. Попросим у полка грохнуть из чего-нибудь тяжелого в наш район, чтобы

подрыв стены немного замаскировать. А дальше... дальше забота бога войны. Самоход не танк, пока его заведут, пока развернут или попытаются спрятать, времени вагон. Главное, чтобы артиллеристы смогли попасть, ну и сжечь все это гансовское дерьмо за пару-тройку выстрелов. Сам я займу позицию со снайперкой на чердаке, он тут, кстати, почти целый. Отстреляю сколько смогу и ходу отсюда. Пушку придется вытаскивать обратно буквально бегом. Уж слишком мало времени у немцев занимает подлет авиации по запросу. А долбить нас будут со страшной силой.

Черт, сидя на втором этаже, совсем забыл про то, что я один пока, опять становилось жутко. Вдруг за окном, прямо по разбитой улице, промелькнули три тени. Гадом буду, если это не враги...

Шедшие немцы, казалось, не боятся вообще ничего, пробираясь по кучам битого кирпича. Едва наклонив головы и держа оружие наизготовку, троица медленно, но уверенно пылила сюда. Блин, вот только бы Петя прямо сейчас не вернулся, а то вылезет из подвала, тогда точно хана.

Заныкавшись в уборную, я ждал и надеялся, что Петя задержится. Через пару минут слышались шаги, затем скрипнула дверь в квартиру, ага, целая она тут, и в комнату ввалились немцы. Шепчутся, хоть и знают, что здесь никого не было раньше, но в голос не болтают. Прозвучавшие шаги принадлежали двум солдатам, а где же третий, неужели на стреме внизу оставили? Что-то тяжелое и явно металличе-

ское чуть слышно звякнуло, один из фрицев помянул любимое нацистское слово «шайзе» и, пройдя опять мимо прячущегося в туалете меня, немцы вышли.

Черт, здесь в комнате что-то было спрятано, а я и не обыскивал даже, хотя, может, и к лучшему. Тихо выйдя из своего убежища, я прислушался возле входной двери, на лестнице отчетливо слышались поднимающиеся шаги. Вот блин, а как мы теперь пушку затащим? Если угрохать фрицев, нам пец, ведь их явно придут проверять или менять. Черт, как же быть-то? Потянув дверь и молясь, чтобы она не скрипнула, с облегчением выдохнул, когда створка оказалась открытой на достаточное расстояние. Протиснувшись в щель и оглядев лестницу и площадки, осторожно вылез целиком и, блин, чуть не застрелил Петра.

– Ком... – открыл рот напарник. Зашипев на него и приложив кулак вместо пальца к своему лицу, я указал Петру наверх. Надеюсь, никто нас не слышал.

– Внизу как? – шепнул я Петрухе на ухо, когда поравнялся с ним.

– Никого, а чего случилось-то?

– Фрицы тут, наверх пошли, давай за мной и вполглаза вниз посматривай.

Мы пробирались на верхний этаж минут пять, буквально по сантиметру переставляя ноги. У Пети пару раз что-то брякнуло, я аж зеленел от злости, позже оказалось, что он задевал моей винтовкой о стены. Петя нес мою винтов-

ку за спиной, потому как в руках у меня самого был сейчас ППШ. Квартиру с фрицами искать не пришлось, голоса слышны хорошо. Показал Пете знак готовности и надавил носком правой ноги на дверь, аккуратно придерживая за ручку рукой. Дверь мягко подалась, и за ней был фашист. Он смотрел прямо на меня и не сделал ни одного движения. Мы замерли, пялясь друг на друга, но уже через секунду мой автомат уставился ему в лицо. Фриц поступил неправильно, но из его пасти успел вылететь только один слог. Выстрел из ППШ, короткая очередь, буквально на три патрона разнесла врагу лицо, а через секунду я сам был уже на полу, приготовившись отбиваться. Петя стоял оперевшись на колени сзади и левее. Немцы не выходили, ситуация была патовой, но у врага есть возможность привлечь своих, просто выстрелив из окна, кто-нибудь да придет. А вот к нам точно никто не придет на помощь, поэтому времени нет, но и дуриком в комнату мы не полезем. Выхватываю из кармашка «феньку» и, проверив, хорошо ли зафиксирована чека, бросил гранату в комнату. Послышалась возня и топот двух пар обуви. Ждать мы не собирались ни секунды. Заглядываю в проем, никого не видно, перекатываюсь так, чтобы все время видеть помещение. Сзади прыгает и, распластавшись на полу рядом со мной, замирает Петро. Один из фрицев, укрывавшийся за опрокинутым столом, уже вставал, когда в него прилетела очередь из ППШ Пети. Второй лежал на полу, чуть приподняв голову. Мой автомат смотрел немцу точно в лицо, и я

просто отрицательно покачал головой, в надежде, что фриц окажется жизнелюбивым.

Вышло у нас всё офигеть как идеально. Связав немца, мы осмотрели комнату и, обнаружив рацию и бинокль рядом с ней, а также блокнот с записями, я приободрился.

– Петя, срочно нужен кто-то, говорящий по-немецки, пулей его сюда, просто бегом! – протараторил я и с удовольствием наблюдал, как напарник помчался вниз.

– Ты меня понимаешь? – решил я спросить немца.

– Найн, найн, – тихо отвечал фриц, уткнувшись взглядом в пол.

– А говоришь, не понимаешь! – ухмыльнулся я. Взяв трофейную сигарету и такую же зажигалку, закурил. О, ничего так табачок-то у вражины. – «Аттика», – прочитал я вслух надпись на пачке и еще раз ухмыльнулся. Просто обыскивая немцев, нашел аж три пачки таких сигарет. Хоть и привык уже к табаку в газете, но давно хотелось именно сигарет. Тем более сейчас в них пока еще не суют всякое дерьмо. Не пропитывают бумагу, чтобы быстрее горела, и сам табак вполне приличный. Немец попросил закурить. Как понял? Ну, знаете ли, это ж международный жест курильщика. Фриц так многозначительно мычал, что я как-то быстро сообразил, что ему нужно. Вытащив кляп, я не рисковал, трофейный пистолет был под подбородком фашиста, я сунул ему в рот сигарету и чиркнул зажигалкой.

Пока фриц наслаждался курением, я, показав ему на ра-

цию, вопросительно кивнул. Фриц сначала ответил отрицательно, но когда я начал подниматься, а точнее вытаскивать нож, вражеский солдат активно начал трясти головой.

Петя вернулся минут через пятнадцать, наверное, бегом бежал. Окрикнув меня еще из-за двери, он появился с автоматом в руках. В метре позади напарника виднелась фигура нашего политрука.

– Здравия желаю, товарищ политрук, – бодро отрапортовал я.

– Иванов, ну, кто тут у вас?

А пленный оказался рядовым связистом. Остальные, уже остывающие, были как раз корректировщиками, а этот парень должен был только держать связь.

– Когда нужно выходить на связь? – начал допрос с важного для всех нас политрук.

– Мы пропустили сеанс, скоро должна прибыть группа, – ответил ганс.

– Сколько человек обычно входит в группу? – продолжал политрук.

– Отделение. – Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. А нас тут всего трое, с политруком.

– Товарищ политрук, пусть выйдет на связь и сообщит, что все нормально, – предложил я.

– Думаешь, не ляпнет лишнего? – с сомнением заметил политрук.

– Ну, если только он мазохист, – ответил я, вынимая нож.

Приставленный к гениталиям острый клинок способствует нормальному диалогу. Правда, фриц все время умолял политрука убрать меня подальше, но тот только хмыкал. Фриц вышел на связь и с круглыми от ужаса глазами, почти не запинаясь, оттараторил то, что нужно. Ему приказали начинать записывать координаты и через двадцать минут быть готовым их передавать.

– Они собираются опять по переправе долбить, – после завершения сеанса связи сказал политрук.

– Ну, так и передадим им такие координаты, что они порадуются, – ответил я.

Фриц по своей маленькой карте, но блин, довольно подробной, записал координаты, и мы начали ждать нового сеанса. Координаты мы дадим тех домов, что находятся у немцев рядом с нами, надеюсь, что артиллеристы у фрицев сначала жажнут, а уж потом будут сверять их.

Немцы все-таки не зря до Волги дошли. Нет, жажнуть-то они жажнули, но это были всего восемь выстрелов, но блин, зато каких! Те самоходки, что не дали нам пройти дальше, спешно отошли к себе в тыл, паника в тех домах была знатная, но! Больше не связываясь с нами по радио, немчура просто начала долбить уже по нам, да с такой силой, что мы еле ноги унесли. Немца даже бросили, если повезет – выживет.

Едва мы вернулись на позиции роты, нам приказали отойти в тыл, тут это рядом, всего метров на триста в сторону реки. Нас сменила рота из нашего же батальона. Дали шесть

часов отоспаться, надо ли говорить, что я продрых их честно. А проснувшись, меня погнали на КП командира полка вместе с Нечаевым. Командный пункт располагался в подвале одного из домов, что были захвачены буквально вчера. Мы с Нечаевым прибыли последними, так как в подвале было довольнолюдно. В кумаре табачного дыма виднелись знаки различия многих командиров, видимо, собрали со всех рот и батальонов.

– Так это ты придумал немцам их же координаты дать для артобстрела? – на меня смотрел командир полка, коренастый мужчина лет сорока, со шпалами полковника в петлицах.

– Красноармеец Иванов! – отчеканил я, но меня поспешили поправить:

– Гвардии, гвардии красноармеец! – с упреком, но с улыбкой сказал комполка.

– Виноват, товарищ командир! – я стоял, вытянувшись во фронт.

– Молодец, благодарю за службу, – командир полка повернулся в сторону сидевших в подвале командиров, – вот как у нас гвардейцы воюют! Молодцы, так и продолжайте. – Дальше была небольшая пропагандистская речь, но она была тут к месту. Нечаева попросили задержаться, а я, попрощавшись, ретировался.

Выйдя из подвала на улицу, была ночь, небо, затянутое тучами, мрачно нависало над городом. Дождавшись лейтенанта, переглянулся с ним.

– Не песочили? – спросил я.

– Да в общем нет. Даже похвалили, – ответил Нечаев.

Мы молча прошли с ротным до нашего дома, где нас расположили на отдых. Бойцы еще отдыхали. Кто-то чистил оружие, кто-то перекусывал тем, что еще было. Мы захватили у фрицев немного еды, это позже они тут будут последний хрен без соли доедать, а пока снабжение у них вполне себе приличное. Вообще, только в тех домах, где фрицы были в изоляции, чувствовалась нехватка припасов. Главным образом было довольно мало патронов. Вон мы зачистили дом, пулеметов взяли много, как и винтовок, а с патронами сложнее.

– Сколько у нас в роте осталось? – нарушил я молчание.

– Пятьдесят два человека, – поморщился Нечаев.

– Прорвемся как-нибудь, – произнес я и снова замолчал.

– К шести утра подойдут танки, три «тридцатьчетверки», в прорыв пойдем.

– До семи, значит...

– Чего до семи? – не понял меня Нечаев.

– Проживем, говорю, до семи примерно, – сплюнул я на грязный пол и отвернулся.

– Ты это, Иванов, другим этого не говори, понял?

– Да, – так же спокойно ответил я. – Я же бежать не предлагаю или в плен сдаваться. Город мы не оставим, или ляжем здесь, или доживем.

– Странный ты какой-то все же, – тихо, но с подозрением

проговорил Нечаев.

– А чего опять-то не так? – чуть возмущенно спросил я.

– Вот слушаешь разговоры бойцов, всякое говорят. И то, что хана нам всем, и то, что в плен не сдадутся, и даже то, что победим, а ты...

– А я? – перебил я командира.

– А ты, Счастливчик, говоришь – «может, доживем!» Так и хочется спросить, до чего доживем?

– Так до победы, естественно. – Блин, какой же он въедливый, хорошо хоть не докладывает.

– Я сразу заметил, что ты знаешь больше других, умеешь больше. Бесстрашие твое какое-то... обреченное, что ли. Ты как будто наперед знаешь, что и когда будет! – Прямо в точку попал лейтеха. Разговор мы свернули, я просто молчал, а лейтеха сделал вид, что не хочет допытываться.

Отдохнуть нам дали аж до утра. И поесть успел, и даже отоспаться. Танки чуть задержались, прибыли в начале восьмого, но это было даже хорошо, иначе попали бы танкисты в самую задницу. В половине восьмого гитлеровцы решили устроить нам АД. На позиции только нашего батальона летело все, что только могли запустить фрицы. Дома тряслись, дрожали, скрипели и ходили ходуном. Честно? Охренеть, как испугался.

– Господи, да когда же у них снаряды-то кончатся? – причитал кто-то лежавший рядышком в подвале. – Страшно – жуть.

– И не говори, у самого, похоже, штаны сейчас намокнут, – прошипел я.

Над головой что-то гроыхнуло, и потолок как-то странно задрожал. Блин, перекрытия со стенами внутрь складываются, что ли? Страшно было именно быть тут заваленным заживо. Интересно, а скольких так уже завалило? Наверняка ведь не только у нас были такие потери, и немалые, скорее всего. Вон нас тут набилось человек сорок, остальные были на постах, может, их уже и в живых-то нет.

Сколько долбили фашисты, не представляю, у меня часы встали ровно в восемь утра, а обстрел еще продолжался и продолжался. Когда наконец стало тише, было слышно, что противник продолжает стрельбу, но видимо, сменили сектор обстрела, разрывы приглушенно бухали где-то в стороне. Отряхиваясь, с удивлением отметил, что штаны все же сухие, хотя вон двое или даже трое уже снимают с себя портки. Ни разу не смешно, наоборот, удивительно то, что не все поголовно обделались. Хотя вряд ли те, кто просто обмочился, будут заморачиваться со снятием штанов. Вторых-то все равно нет, а сушить и стирать нам никто не даст, сейчас фрицы прибегут, само высохнет.

На выходе из подвала столкнулся в проеме с Петрухой. Вначале обстрела мы бежали сюда вместе, а потом как-то потерялись. Петруха вид имел печальный, да и я сам, наверное, такой же. Весь в грязи и какой-то штукатурке, рожа, как в цемент макнули.

– Сань, живой? – схватил меня за руку напарник.

– Вроде да, слушай, братушка, ты винтовку мою не видел? – спросил я. В подвал я бежал с автоматом, просто потому, что винтовка находилась в комнате, что занимал Нечаев.

– Тут твоя винтовка, – услышал я голос впереди. Выйдя на дневной свет, блин, и правда уже светло вовсю, но неба и солнца не видать, обнаружил возле входа в подвал командира с моей винтовкой. – Дуйте наверх, занимайте позицию. Они уже начали, наблюдатель засек подготовку к атаке.

Мы с Петро, тряся головами, начали подниматься на первый этаж. Ха, это командир так посмеяться решил, что ли? Выше первого этажа оставались лишь редкие перекрытия и остовы стен. В пустые глазницы оконных проемов можно отчетливо разглядеть внутренности дома. Точнее, их отсутствие.

– Командир, а куда подниматься? – спросил я, вернувшись к дому.

– Боец, тебя чего, контузило, что ли? – жестко так спросил Нечаев, раздававший указания бойцам. – Конечно, в дом напротив, этот сейчас рухнет на хрен, самим не догадаться, что ли?

Не говоря ни слова, мы помчались через дорогу к соседнему дому. Это был однотипный с предыдущим, трехэтажный домик на три подъезда. Не добежали. Вокруг вдруг начали летать пули противника, пришлось падать там, где находились. Долетел, опоздав, крик ротного:

– Ложись!

Скатившись в первую попавшуюся воронку, мы с Петрухой переглянулись и кивнули друг другу. Приподнимаюсь на коленях, блин, ни фи́га не вижу, одна пылища кругом. Справа и слева поднимаются фонтанчики земли и щебня, но вроде неприцельные, иначе бы попали уже. Приглядываюсь. Так, винтовка-то у меня как, живая хоть? Осматриваю прицел, вроде на месте, но надо бы проверить. Не вставая из нашего неглубокого укрытия, ловлю в прицел кусок железа, что чудом еще держится на доме метрах в двухстах от нас. Лист, видимо, сорвало с крыши во время артобстрела, но он как-то зацепился. Стреляю два раза подряд, вроде нормально, лист грохнулся вниз. Добиваю в магазин два патрона.

– Петь, патронов у нас как? – сам осматриваю свои карманы.

– Да есть немного, диски к «папаше» я все снарядил, к твоей винтовке у пулеметчиков пару горстей прихватил, – отвечает Петро. Он уже высунулся из воронки и лег рядом со мной, выискивая цели.

– Первым не пали, может, в такой пылище не сразу заметят, – я всматривался в прицел. – Черт, ни фи́га не вижу.

Отложив винтовку на дно воронки, подхватываю ППШ. Вовремя. Первые фрицы появляются в пятидесяти метрах. Идут осторожно, пригибаясь, смотрят во все стороны. Стало понятно, почему никто из наших бойцов до сих пор не стреляет, не видно было вообще ничего. Тут же, словно спо-

хватившись, открывает огонь кто-то из бойцов, за ним еще и еще. Стрекочут ППШ, звонко щелкают «мосинки» и СВТ, в ответ начинают медленную трескотню немецкие MP-40. Где-то совсем рядом заработала швейная машинка под названием МГ-34, ну, или 42. Хлопает первая граната, кто-то кричит, вроде похоже на русскую речь. Сквозь все это дерьмо, пыль, выстрелы и разрывы гранат вдруг между домами появляется танк. Вот и приплыли, блин. За первым Т-3 из пылевого тумана выползают еще два. Гулко бухают танковые орудия, где-то позади нас слышны разрывы.

– Петя, ты гранаты противотанковые сдал в роту? – чуть испуганно дергаю товарища за рукав.

– В сидоре. Чего я, дурак, что ли, отдавать-то? Если что-то выдали, надо брать, а не отдавать.

Петя вытаскивает две здоровые гранаты и кладет их между нами. До танков меньше ста метров, скорее всего пятьдесят. Черт, так близко я их еще не видел. А-а-а, блин, почему здесь нет РПГ-7?

Танки не залезая вперед, дают возможность своей пехоте зачистить оба дома, между которых они встали. Знают, гады, как без пехоты хреново наступать, это тебе не в полях. Сзади справа бухает танковое орудие, не оглядываюсь, знаю, что там где-то целых три наших танка. Из стоящего ближе всего к нам Т-3 выбивается сноп искр. Танк противника шевелит своей пушчонкой, блин, ребята, почему вы его не продырявили сразу. Второй выстрел «тридцатьчетверки»,

и немец начинает разгораться, загляденье. Петя куда-то стреляет, твою мать, засмотрелся тут, как в кино пришел. Фрицы чуть не вплотную подошли. Тоже стреляю, даже вроде попадаю. Тем временем сзади выстрелили еще несколько раз, и второй немецкий танк загорается. Последний начинает пятиться, но, сука, стрелять не перестает, и сзади раздается грохот.

– Черт, эти суки нашу «три-четыре» спалили, – кричит Петя. Оборачиваюсь, точно, чадит родная. Жалко танкистов, но чего он вылез-то, тех двух сжег, а тут взял и вылез из-за дома целиком. Показались оставшиеся два наших танка.

– Куда вы, идиоты? – бессильно опускаю руки. Танкистам моча в голову ударила, похоже. Они устремились оставшегося фрица догонять. Наша воронка была у них на пути, я просто взял и поднялся во весь рост. Фрицев я не боялся, только если случайно зацепят. Они назад рванули вместе с оставшимся танком.

Размахивая руками, мне все-таки удалось остановить танк буквально в пяти-шести метрах перед собой. Люк мехвода открылся, и на меня уставился чумазый танкист. Что он кричал, я не слышал, грохочет все кругом, включая танк, но я выбрался из воронки и подбежал к нему.

– Куда ты полез, гад, хочешь нас вообще без брони оставить? – орал я на механика-водителя, тот выпучил глаза и, казалось сейчас выпрыгнет из танка прямо на меня.

– Сдурел, я же тебя чуть не переехал! – в ответ орет тан-

кист. Тем временем открылся башенный люк, и на меня уставился командир танка. Махнув мне рукой, подзывая, танкист оглядывался. Атака немцев захлебнулась, но пули летали.

– Гвардии красноармеец Иванов, – представился я, вскинув руку к каске.

– Майор Измайлов, – нехотя ответил мне танкист, – ты чего сдурел, что ли? Мало того что под танк бросаешься, так еще и контратаку нам сорвал?!

– Товарищ майор, я вам самоубийство сорвал! – просто ответил я. – Куда вы полезли? У немчуры тут пристрелян каждый метр, вам одной потерянной коробочки мало?

– Да как ты смеешь, боец? – рыкнул на меня майор танкист. – Что это за паникерство в гвардейской дивизии? У меня приказ контратаковать противника...

– Да не надо на меня рычать, товарищ майор. Погибнуть дело нехитрое, а нам через полчаса, когда немец в новую атаку пойдет, чем его встречать? А? Вперед, за Родину? А как потом другим воевать, насрать, да? Родина-то уже устала смотреть, как за нее дохнут, пора бы уже и фашистов убивать! Единоличники какие-то! Думать-то головой нужно, а не шлемофоном! – рывкнул со всей дури я и спрыгнул с танка. Меня уже доконал этот большевистский героизм-пофигизм. Я прекрасно осознавал, что разговариваю с командиром, наверняка не меньше батальона, но было уже плевать. Ну что это такое, а? Люди тут за каждый метр цепляются, а кто-то решает погеройствовать. Первый враг народа тот,

кто своей агитацией людей до иступления довел. Понимаю, что нужно атаковать, но не атакуют голой жопой-то! Хватит немца трупам заваливать. Ведь сто процентов даю, что танкисты и двухсот метров бы не проехали, сожгли бы их и все, так нет, как ты смеешь, боец, паникерство! Да спасибо бы лучше сказал!

Я шел обратно к воронке, хотел винтовку поднять, когда увидел вытягивающегося Петруху. Обернувшись, я увидел, как танки медленно сдают назад, возвращаясь под прикрытие домов, а вот ко мне идет майор.

«Пипец, сейчас еще один расстреливать будет!» – подумал я и закинул автомат за спину.

– Пойдем наверх поднимемся, – вдруг спокойно проговорил майор-танкист и показал мне на дом, куда мы перед атакой бежали. Кивнув, я взял из Петиных рук винтовку и двинулся следом за майором.

– Спасибо, парень! – оглядев округу в бинокль, заявил мне танкист. – Смотри, у них там танков больше десятка. Минуты бы не продержались.

Немцы ходили в атаки по улицам, не пуская одновременно больше трех-пяти машин, узко и тесно тут, опасность потерять танки очень высока. Вон танкист объяснял, что в такой тесноте даже целиться не нужно, просто стреляй вдоль улицы, не промахнешься. На мой вопрос, что первым выстрелом-то как раз промахнулись, заметил, что не пробиты, а попасть-то попали. На удивление, никаких последствий для ме-

ня не было. Майор вообще не вспоминал о том, что я ему нахамил. Спасибо опять же сказал. Минут через пять появился Нечаев.

– Исполняющий обязанности командира роты лейтенант Нечаев, – отчеканил лейтеха, представляясь майору.

– Вольно, лейтенант. Хорошие у тебя ребята, Нечаев, береги их. Мы уходим на соседнюю улицу, немцы туда намылились, а у нас всего две машины осталось. Держитесь тут, сейчас к вам если только пехота полезет, танки здесь уже не пойдут, смотри, как их подбитый дорогу перегородил.

– Я понял, товарищ майор, – лейтеха козырнул, я повторил его жест. Майор сунул нам свою промасленную пятерню и, пожав наши, побежал вниз.

– Сань, это чего было-то? – стоя в легком охренении и глядя на меня, Нечаев поскреб лоб.

– Да я и сам не понял. Командир, я здесь останусь, позиция хорошая. Пришли мне снизу Петро.

– Сейчас, – Нечаев не стал выяснять подробности моей выходки, махнув рукой, поспешил вниз.

– Ты меня так больше не пугай, понял? – на меня смотрел Петя, а я старался делать вид, что ничего не произошло.

– Петь, а ты у нас в роте случайно бронебойщиков не видел, может, остались еще?

– Ружье их точно где-то мелькало, надо посмотреть.

Едва начавшийся диалог с напарником оборвался в связи с началом новой атаки. Отсюда сверху было хорошо видно,

как на нас идет пехота, прячась в воронках и укрываясь, кто где может. Танки и правда пошли по соседней улице, там уже, кстати, пальба началась.

– Ну, Сашка! – воскликнул в очередной раз нетерпеливый Петро.

– Рано, Петя, рано, – сопровождая стволом винтовки немецкого офицера, я прикидывал, куда он ляжет. Средних размеров гансик, с погонами и пистолетом в руке, встал, «спрятавшись» за подбитым танком. Хлопает мой «маузер», противник отлетает назад и затихает на земле. Трель свистка, ага, перегруппировываются, унтер, наверное, свистит.

«Не свисти, денег не будет!» – дергаю затвор я, после того как еще один, очередной мечтающий о победе над нами, ткнулся носом в землю.

Вторую атаку мы отбили так же хорошо. Петя принес перекусить и новости из расположения роты. Нас оставалось уже тридцать семь. Я осматривал позиции врага в бинокль, когда увидел... Его. Великолепный камуфляж настолько позволял стрелку оставаться незамеченным, что я с большим трудом вообще его заметил. Даже не с трудом, а просто случайно. Стрельба на улице ведется постоянно, пули летают туда-сюда, в надежде унести чью-нибудь жизнь. Немецкий стрелок-снайпер лежал возле подбитого танка, когда пролетавшая пуля, выпущенная кем-то из наших бойцов, звякнула о броню. Стрелок инстинктивно дернулся, я и заметил это движение, так как сам разглядывал танк. Черт, хо-

роший камуфляж, мне бы такой...

Выстрел. В этот раз стрелок уже не дернулся. Расстояние меньше двухсот, можно и в голову выстрелить, поэтому я стрелял чуть ниже и левее его каски. По идее, пуля должна была попасть ему куда-то в район ключицы. Немецкий «маузер» винтовка мощная, шанс, что пуля застрянет где-то в плече, минимален. Попадание отметил Петро, но, подумав, все-таки решил подстраховаться и послал еще одну пулю в спину. Стрелок-то лежал, мне больше-то и некуда стрелять, не в ногу же. Движения не было, и я успокоился.

Упав под окно, я ушел в сторону за стену и показал напарнику знак, что идем наверх. Стреляя с каждого этажа в течение двух часов, я расстрелял все патроны. Петро даже бегал за «добавкой». Конечно, я и промахивался немало, но и завалил, как оказалось, напарник считал, аж восемнадцать солдат противника.

Сидя на чердаке, откуда хорошо было видно весь район, благодаря тому, что самые высокие дома были разрушены, мы осматривали окрестности. Когда началась следующая атака противника, я уже сбился со счета, какая именно, история повторилась. Немцы, потеряв шесть танков, двинули остатки, все четыре танка, опять по нашей улице. Чтобы подбитый утром танк им не мешал, они под прикрытием артиллерии умудрились зацепить его тросом и уволочь в сторону. Я тоже не смог помешать этому, так как шквальный огонь пулеметов, минометов и орудий противника не давал воз-

возможности поднять голову. Мы были в это время на первом этаже, и, к сожалению, я прохлопал момент, когда танкисты занимались «уборкой». Артиллерия смолкла как-то разом и вдруг. Чуть приподнявшись, я осмотрел улицу, что была порядком усыпана трупами, как наших бойцов, так и немецких, вторых на порядок больше, все-таки мы обороняемся, хотя в домах у нас тоже немало погибших от артиллерии.

– Чего там? – спросил Петро.

– Жопа, – коротко ответил я и приготовил автомат. Если не подойдут танкисты, то надо пропускать танки мимо себя. Отрезав пехоту, удастся развернуть и танки, только так. Патронов у нас – кот наплакал. Некоторые самые отчаянные уже выскакивали на улицу и подбирали оружие убитых. Но за полдня атак собрали уже всё. Взглянув на часы, охренел от увиденного. Оказывается, мы тут всего пять часов воюем, сейчас всего двенадцать, а я уж думал, что по меньшей мере часа три-четыре дня. Удивительно, как же долго тянется время, когда страшно. Уже дрожат стены от вибрации, танки противника пробираются мимо наших домов. Тут внезапно раздался просто душераздирающий крик, нас с Петрухой аж передернуло.

– Сань, ты глянь, чего эти суки делают! – Напарник смотрел в окно. Осторожно выглядываю и вижу картину. УРОД, по-другому не назвать, с баллоном на спине поливает огнем окна в доме напротив, где у нас вообще-то ротный засел. Бля, и чего делать-то? Танки прямо напротив нас, хрен

высунешься.

– Петь, гранату сможешь докинуть? – спрашиваю у друга. У меня их просто уже нет.

– Немецкую можно попробовать, она далеко летит, – Петр вытащил из-за ремня фашистскую «колотушку» и, отвинтив колпачок, дернул шнурок.

– Кидай, не жди, ей лететь далеко! – крикнул я, а Петя в это время швырнул гранату в окно и сразу упал вниз. По окнам постоянно стреляют, Петя кидал, стоя на коленях, не должны были его заметить в такой бойне. Грохнул взрыв, на фоне грохота танковых моторов, лязга гусениц и постоянной стрельбы почти не слышно было. Криков тоже не слышать. Поднимаюсь и вижу, как три гитлеровца озираются по сторонам, стоя вокруг огнеметчика, защищая последнего. Гранату зря выбросили, танк их прикрыл. Такого подарка я не ждал, плевать, даже если это будет мой последний выстрел. Как же враги удачно стоят... Хватаю винтовку и открываю затвор, в верхнем кармане разгрузки лежат пять зажигательных патронов калибра 7,92 мм. Вставляю один и закрываю затвор, готов.

– Петро, встаешь вместе со мной и смотришь по сторонам, вали всех, кто на нас смотреть будет, усек?

– Конечно, командир, – радостно отвечает напарник и добавляет: – Поджарь этих сволочей! – Понял, дружище, вот почему мы с ним так спелись, понимает без слов.

Поднявшись на колено, крепко удерживаю винтовку в ру-

ках. Плотнo прижав приклад, ловлю цель, жаль, чуть боком повернулся, но все одно не промахнусь я. Выстрел тонет в сотне раздающихся вокруг, а возле соседнего дома вспыхивает костер. Господи, как они визжали, веселые ночки мне обеспечены. Четыре факела разом, хорошие у немчуры огнеметы. Откуда-то сквозь шум и грохот раздается громовое «УРА», и отовсюду на фрицев начинается сыпаться ураган из стали. Дальнейшее опять становится похожим на кино. В секунды от двух взводов, что шли позади танков, корчиться остаются единицы. Кто-то поджигает бутылкой КС идущий первым Т-3. Вот, выбежав и подняв в руках связку из двух противотанковых гранат, падает как подкошенный, сраженный очередью из танкового пулемета кто-то из бойцов нашей роты. Откуда ни возьмись выпрыгивает здорово поцанная «тридцатьчетверка» и первым же выстрелом сжигает еще одну коробочку гансов, а затем и загорается сама. Не успев и рта раскрыть, замечаю, как Петруха, выскочив в окно с гранатами в руках, бежит к ближайшему танку. Ору ему, но все одно грохот не дает возможности докричаться. Напарник ловко закидывает гранату на моторный отсек танка и залегает, молоток, братишка. Взрыв и, объятый голубоватым пламенем, загорается третий немецкий танк. Горящую машину пытается покинуть кто-то из экипажа, посылаю ему пулю, еще один лезет и также падает. Петруха тем временем, укрываясь за подбитым танком, пытается придумать, как ему добежать до последнего. Тот стоит всего в десятке

метров, но докинуть, а главное попасть вдвигающийся танк, непростая задача. Я вот тоже раньше считал, что попасть из пулемета в пробегающего совсем близко солдата противника плевое дело, как показала практика, не такое уж и простое. В четверых фрицев стрелял из ППШ метров с пятидесяти, попал и убил только одного, правда, и стрелял навскидку, встал в проеме, дал очередь, вторую, убрался. Выглянув снова, увидел, как двое несли третьего, а четвертый остался лежать. Вот и Петро сейчас стоит пригнувшись, сжимает рукоять огромной гранаты в руке и ждет. Танк тем временем, пятясь и пытаясь уйти с поля боя, прикрытия-то не осталось, а из четырех танков он остался один, крутит башней на малые углы и поливает округу из двух пулеметов. Т-3 уже поравнялся с ранее подбитым моим напарником танком, и Петя решается на рывок. Взмах рукой, граната летит, а мой друг уже прячется за горящий танк. Взрыв. Скрежет металла, после того как смолк двигатель Т-3, становится хорошо различимым. Кто-то из бойцов, что укрывался в доме напротив, срезает двух фрицев, пытающихся спастись. Победа. Очередная наша маленькая победа. Петя уже рядом, что-то говорит, ни фиги не соображу чего. До сих пор не могу отойти от горячки боя. То, что было в эту атаку, превосходило по впечатлениям все предыдущие. Одиннадцать, различаю, что говорит напарник. Одиннадцать отбитых атак противника, охренеть! И мы живые? Ага, даже не ранены, хотя что это у дружбана моего?

– Петь, тебя чего, зацепило? – смотрю на кровь, что стекает у друга по шее. Обхватываю его голову руками и поворачиваю к свету. Уши, кровь из ушей, контузия, что ли? – Братишка, ты меня слышишь?

– Да слышу, не ори! – отвечает Петя и сам хватается за свою больную голову. – Как через вату правда, но слышу.

– Дружище, тебя к берегу надо, пусть дохтур посмотрит, сегодня уж вряд ли сунутся еще.

– Как мы им накостыляли, а? – с восхищением произносит друг.

– А то! – киваю я. – А уж как ты выступил, так Рэмбо отдыхает!

– Кто? – трясет головой Петя. – Не расслышал, какое РЭО?

– Забудь, пойдем к командиру, надо тебя в санбат отправить да трофеи собрать.

– Это дело, а про санбат забудь! – отвечает друг.

– Петь, нельзя так, можешь глухим остаться, – настаиваю я и, подобрав оружие, иду на улицу.

Тут и там между домами шныряют наши бойцы, нагло, как будто так и надо, собирая трофеи. Да уж, патроны и гранаты нам пригодятся. Никто уже не стреляет, и я двигаюсь довольно спокойно. Нахожу мертвого снайпера, точнее то, что от него осталось.

– Вот гады, взяли и своего же гусанкой перепахали! – ругаюсь я, видя кусок мяса в обрывках формы. Винтовка тоже

не похожа больше на оружие, труба ствола да пара щепок от приклада, вот и все, что осталось от немецкого снайпера.

Спустя пару минут меня находит Нечаев. Рука на перевязи, голова забинтована. Оглядев его со всех сторон, просто раскрываюсь и отдаюсь в объятия еще одного хорошего человека.

– Жив, курилка?! – орет мне Нечаев. – Ну вы и дел тут наворотили!

– Как сам? – игнорируя восторженные возгласы командира, оглядываю его небольшую, но сильную фигуру.

– Да порядок, ты сам-то как?

– Петрухе досталось, контузило вроде, кровь из ушей течет, – сокрушенно отвечаю я.

– Где он, у меня бойцы в санбат идут, тяжелых понесут, могут и твоего подхватить.

Иду назад в дом и нахожу Петруху сидящим возле стены. Видок у братишки еще тот. Лицо белое, руки подрагивают, и волосы... черт, да он весь седой. А у него такой чубчик красивый черный был... Надо бы на себя глянуть, может, и сам не лучше.

– Братушка, пойдем, – я помогаю напарнику встать и поддерживаю под руку.

В санбат я Петю не повел, ребят туда много шло, отправили с ними. Ладно, может, ему просто отдохнуть надо и придет в себя. Сами с Нечаевым обходим оставшихся.

– Вот, Иванов, был у меня взвод, дали роту, а она опять в

тот же взвод превратилась, буквально за сутки.

– Война, командир, чего сделаешь, – вздыхаю я.

– Интересно, резервы-то вроде есть, дадут ли нам бойцов еще, или как?

– Скорее с соседней ротой соединят, там, я слыхал, меньше двадцати человек осталось, кстати, командира там убило еще утром, – отвечаю я. – Разговаривал тут с парнями, у них на самом деле с составом песец, они на соседней улице стояли, там их танками всерьез «покатали».

– Это ты к чему? – насупился Нечаев.

– Да не смотри так, да, думаю, тебя и поставят «рулить» сборной солянкой.

В принципе, так и вышло. Только Нечаев попросил у командира полка меня на взвод поставить, а тот не согласился и прислал молоденького мамлея да старшину, лет сорока пяти. Я даже обматерил сначала лейтеху.

– Нафиг ты вообще заикнулся? Ты командир роты, в которой всего сорок два бойца, какие еще взводные???

– Да не ори ты, они в штабе полка сами сказали, что командиры нам необходимы, я и предложил тебя. Тебя-то я знаю, уверен, что взвод ты потянешь легко, да и роту бы смог...

– Я боец, мне некогда командовать и думать за кучу бойцов, – ответил я и сдернул с глаз долой.

Пока две роты из нашего полка, пришедшие нам на смену, отражали очередную атаку, мы отдыхали. Точнее, перезна-

комившись с бойцами, которых влили в нашу роту, занялись кто чем. Чинили разорванную одежду, штаны у всех были дыра на дыре, чистили оружие, снаряжали магазины, это те, у кого автоматическое было. Новый командир нашего взвода был именно тем старшиной в годах, поладить вроде с ним смог, но если честно, я стал бояться за бойцов. Дело в том, что старшина оказался усталым, битым жизнью и войной человеком, если по-простому, ему просто было уже ничего не нужно. Он один из тех немногих, что воюет еще с сорок первого, да и немолод уже, уставший человек. Когда я обратился к нему с предложением, то, мягко говоря, разочаровался.

– Товарищ старшина, может, сходить окрестности осмотреть?

– Чего их смотреть? Полезет немец на нас, будем воевать, сиди, где сидишь! – был его ответ.

– А если они нас обойдут под шумок, опрокинут соседей и вылезут нам в тыл, то...

– Тебе чего, боец, больше всех надо? Хочешь – иди, не держу. Попадешься фрицам, скажу, ушел самовольно. – Вот так.

Надо ли говорить, что я, конечно, пошел к Нечаеву. Вот от такой усталости и нежелания проявлять инициативу так много и потеряли с сорок первого. Командир поругался чуток и одобрил мое предложение. Жаль, Петрухи нет со мной, привык я к нему, двое суток плечом к плечу воевали. Это вовсе не шутка, это тут уже реальный срок. Многие и часа не

живут, не то что сутки или двое. Вон у нас, от двух полноценных рот, а нас перед самой погрузкой на баржи доукомплектовали, осталось чуть больше сорока человек, вот тебе и пара суток. Радует одно, фрицев мы угрохали раза в два больше, точно, абсолютно уверен. Помню, в той жизни постоянно усмехался, читая сводки о боях, в которых всегда наших гибло меньше, чем фрицев, по крайней мере, в тех боях, где наши оборонялись, а фрицы пытались штурмовать. Конечно, тут и руководство и командование занижали реальные потери, и наоборот завышали потери противника, но сейчас убедился, много гибнет у нас людей, но немцев больше. Вон, даже по винтовкам посчитать, слышал, как Нечаев отчитывался, около сотни захвачено, а ведь это только те, из которых стрелять можно, есть и раздолбанные в хлам. Я так думаю, что ротный если и приврал, то совсем немного, доложив, что убито до батальона солдат противника и уничтожено десять танков.

Взяв одного паренька, из остатков еще тех, что прибыли в город вместе с нами, мы отправились на прогулку. Просто разведкой это не назовешь, пойдем-то по нашим позициям. Пробираясь где подвалами, а где по развалинам, мы обходили дом за домом. Вдобавок к этому осмотру находили оружие и боеприпасы. Через полчаса найденные винтовки решили оставить где-нибудь прямо тут, укажем в донесении точное место, просто их набралось такое количество, что было уже тяжело их таскать. Вот патроны пока несем с собой,

их много не бывает. Нашли пулемет, станковый «Максим». Колес на станке нет, но сам вроде целый, тоже оставили в том же доме, где нашли, только к выходу подтащили.

Проходя мимо пары разрушенных домов, услышал откуда-то справа голос:

– Замри, боец! – я инстинктивно сделал еще шаг и замер, правда, нового напарника пришлось ухватить, не сразу сообразил.

– Не шевелись! – голос был требовательным, но не злобным.

– Что случилось? И где вы вообще? – спросил я.

– Вы хрен ли на мины выперлись? – тот же голос, но уже с иронией.

– Как это? – не понял я и посмотрел под ноги. Вроде ничего не видно.

– Вот так это! – передразнили меня. – Три метра от тебя, да левее смотри! – Я пригляделся, ну ни хрена себе, сказал я себе! Вот это дура лежит.

– Она хоть и противотанковая, но мало ли... Давай назад помалу, там мы уже «прибрали».

Выйдя с «минного поля», познакомились с саперами из нашей же дивизии, только с другого полка. Ребят отправили на разминирование одной из улиц. Тут в одном из домов фрицы сидели, обложились вокруг минами и были вполне спокойны. Наши им кусок стены у дома рванули и через дыру оказались в доме. Зачистив фрицев, начали снимать и мины,

а что, нам все сгодится.

– Здесь и дальше по Пензенской в сторону Солнечной не ходите, тут и мины, и снаряды «не лопнувшие» остались, мало чего, – напоследок сказали нам.

Так прогуливаясь, через два часа вернулись в расположение. Отчитавшись командиру, заставил на нарисованной им же карте отметить и мины, и дома, где оставили оружие. В полк Нечаев с докладом пошел сам, тут все сейчас рядышком, даже комдив где-то рядом расположился. Делать вроде особо было нечего, те роты, что нас сменили, пока держатся, завалился спать. Нечаев, вернувшись через час, разбудил, собака злая.

– Нами пополнят те роты, что впереди стоят, – грустно сообщил командир.

– Ясно, не грусти, командир, где наша не пропадала? – хлопнув по плечу лейтеху, усмехнулся я.

– Я тут представления на всех подал, да, похоже, похерят, они там такие все злые сидят, что аж пар идет, кипят как чайники.

– Ну, так фриц-то нам пока дает прикурить, сами вперед продвинуться не можем, их ведь тоже шкурят будь здоров.

– Да все я понимаю, но сами же знают, с кем тут наступать? – развел руками ротный.

– Да уж, тут бы ш... оружие какое-нибудь специальное... – сделав вид, что задумался, я замолчал. Блин, чуть ведь не ляпнул «Шмелей» бы сюда, штук так десять на бойца, вот

бы повеселились. Знатный «выкуриватель» противника из укрепленных огневых точек. Из размышлений меня вырвал голос Нечаева.

– Впереди будет очередной дом, укреплен всерьез. Там и орудия стоят с одной стороны дома и пулеметов в окнах тьма, комдив ставит задачу завтра его отбить силами нашего полка, а полка-то нет давно. Фрицы в нем вкруговую сидят, мимо не пройти никак.

– Чего, на убой погонят? – прямо спросил я.

– Я не знаю, – опять вздохнув, ответил командир. Переживает парень, сам-то погибнуть не боится, людей жалеет. Писем вон написал родным погибших за эти два дня, в планшетку не убираются. – Ребята из соседнего полка сто вторую штурмовали...

– Ясно... – снял каску я.

– Чуть не полк положили, немца выбили, а их через час оттуда все равно скovyрнули. Бодаются на склоне, остатками, подкреплений не дают.

– Командир, а взрывчатка есть? – Мне тут в голову пришла мысль. Точнее, вспомнились рассказы о битве в Сталинграде, которые читал там.

– Много надо? – Ну, хоть не спросил зачем.

– Килограмм пятьдесят, может, больше, – задумчиво ответил я, ну откуда я знаю, сколько там будет нужно.

– Столько вряд ли найдем, трофейная вон есть, ящик лежит в подвале, надо?

– Я скоро, – подхватив автомат, я выскочил из комнаты.

Дойдя до «минного поля», я осмотрелся и, никого не увидев, крикнул:

– Эй, взрывотехники, есть тут кто? – кричать не опасался, фрицев тут точно нет.

Через минуту меня окликнули.

– Чего, соскучился, что ли? – тот же парень, что не дал нам недавно подорваться тут. Мы с ними в прошлый раз душевно посидели, даже чаем нас с Петрухой напоили.

– Дело есть, Ваня, – я спустился в подвал к саперам и просто вывалил им все, что придумал.

– Не, не пустит нас командир, – мотал головой сержант по имени Иван.

– Да ты мне так объясни, а главное, взрывчатки дай, сам все сделаю! – не унимался я.

– Сань, ну как я тебе дам? Нас же взгреют!

– Сам же говорил, что взрывать тут нечего, и так все разрушено? – удивился я. – Мне ведь для дела надо, ну сам подумай...

– Как я тебе сто килограммов отдам, ты в уме?

– Да верну я вам, наши получают и верну. У фрицев собираем, сам тебе в клювике притащу, зуб даю...

Уговорил, конечно, уговорил. Спустя час мы с бойцами, я привел с собой еще троих, перли в расположение четыре ящика взрывчатки. Мне хватило получаса, чтобы запомнить ЦУ саперов. Осталось придумать, как подойти к дому. Нет,

ясен пень, что ночью, но у них там часовые и вообще... Спасало пока только одно, в сентябре-октябре город хоть еще был похож на самого себя, чуть позже, в декабре, да и перед самой капитуляцией, тут чуть ли не поля будут между домов. Сейчас вон метров по пятьдесят-семьдесят между домами, а будут скоро «Кутузовские проспекты», вместо дворовых улочек, это так, для аналогии.

В два часа ночи выползли в направлении дома, занимаемого противником. Договорившись с Нечаевым, что тот с первым взводом обозначит атаку с фланга, мы пошли с противоположной стороны. Темно между домами, как в заднице, не, темнее. Там у фрицев хорошо, они ракеты запускают, а тут хоть глаз выколи. Хотя чего это я? Лучше бы вообще везде было темно, прошли бы вообще не парясь. Когда началась атака Нечаева, слева стало довольно светло. Немчура отвечала минимум из четырех пулеметов, орудия вроде молчат пока. Моему удивлению не было предела, когда я увидел траншею, ведущую прямо к нужному дому. В траншее, конечно, противник сидит, но я отсюда вижу, что их там немного. Мы сидим за углом бывшего дома, что стоял в пятидесяти метрах от немцев, тут сейчас все разбито.

– Эй, бойцы, у кого нож есть попримечнее? – спросил я тихонько у ребят, что шли со мной, наверное, на смерть.

– Держи «свинокол», – один из парней протянул мне такой же, как у меня, гансовский тесак от «маузера».

Отдав ребятам ППШ и проверив трофейный пистолет, эх, глушитель бы мне, зажал оба ножа в руках и пополз вперед. Да, я решил попробовать вырезать тех, кто сидит тут в траншее. Окоп противник вырыл между двумя домами, и в том, что справа, никого не видно, надеюсь, что стену в тот дом фрицы не пробили. Пока наблюдал, разглядел шесть пехотинцев при одном пулемете, попробуем, не страшнее, чем тогда, когда дом зачищали. Соскользнув в окоп, убедился, что хода в соседний дом нет, и сел на колени. Ну, приступим, помолясь. Нечаев там что-то увлекся, уж не всерьез ли в атаку пошел, с него станется. Фрицы отвечают активно, ракеты, постоянно взлетая, освещают все вокруг мертвенно-белым светом. Крадусь медленно, а сердце того и гляди из груди выпрыгнет. Почему я вообще решил, что смогу пройти по траншее? Так она имеет несколько изгибов, немцы все по науке делают. Специально так сделано, чтобы не простреливалась вся с одного конца. Первый угол, он совсем небольшой, градусов сорок, может, меньше. Каску я снял вместе с автоматом, выглядываю, ага, стоит себе пара непуганых гансиков, глазуют на своих товарищей, что ведут перестрелку с бойцами РККА. Вдруг оживает пулеметчик, находящийся тут же, в траншее. Под это дело выскальзываю из-за угла. Фрицы напряженно вглядываются туда, куда стреляет пулемет, стоят хорошо, один за другим. Ножи у меня в руках, поэтому хватать фрица за голову я не буду. Просто хреначу правой со всей дури ему нож в бочину. Немец выгибается

назад, открывая горло. Лево́й чиркаю ему по кадыку, и тот не успевает вскрикнуть, но стоящий впереди все равно что-то услышал и оборачивается. Я уже выдернул нож из трупа, ага, сдох, собака, и кидаюсь на второго. Тот с винтовкой, развернуться быстро у него не выйдет. Фриц, понимая, что не успевает, вытягивает винтовку в руках, в надежде защититься. Прямой ногой бью куда-то в живот, солдат опускает винтовку, прижимая ее к низу живота, ага, так я тебе между ног попал? Ну, извини, я не специально. Снизу вверх вгоняю клинок в грудь. Хруст разрываемой шинели не слышен, пулемет все еще долбит короткими очередями. Минус два. Иду дальше, оставшиеся четверо стоят все вместе, больше ножом уже снять никого не получится. Убираю ножи и тяну пистолет, ну, фашистская железяка, вся надежда на тебя. Высовываюсь из-за очередного угла и встречаюсь глазами с немцем. Тот, видимо, просто обернулся, и как раз я вылез. В грохоте пулемета выстрелы из пистолета почти утонули. Разрядив всю обойму, оглядываюсь, судорожно меняя магазин. Насторожатся немцы из-за того, что пулемет замолчал? Вопрос на миллион. Он ведь вообще-то не сразу в бой вступил, да и прерывался иногда, надеюсь, не всполошатся. Пробираюсь дальше к дому, предварительно помахав руками своим. Надеюсь, дотащат ящики втроем.

Еще наблюдая за траншеей, отметил то, что в окнах, что расположены с торца здания, никого не видно, и пока я тут фрицев резал, в меня никто не стрелял, уже хорошо. В стене

была проделана большая дыра, для прохода внутрь, туда я не пойду, только загляну посмотреть, нет ли кого-то рядом. Вроде тихо, вход завешен куском брезента, какие, блин, упыри, даже ширмочку повесили. Взглянув назад, увидел своих, уже в окопе, хорошо. Нам нужно проползти под самым носом у немцев, подкапывая ямки и закладывая взрывчатку. Шнур только короткий, всего метров тридцать, значит, буду делать разной длины, а поджигать по очереди, а как еще? По-другому не придумал.

Ползти под стенами дома, из которого идет ожесточенная стрельба, полбеда, пугает еще и то, что кто-то из наших, забыв про инструкции Нечаева, может вниз пальнуть и нас зацепить, будет больно об этом вспоминать. Ребятам строго приказано стрелять не ниже окон первого этажа, кстати, пули, щелкающие о кирпичи над головой, оптимизма не добавляют. Трясет всего, аж зубы стучат. Да еще и в туалет приспичило, твою мать, терпи! Впрочем, мокрыми штанами тут никого не удивишь, станет неважно, напрудишь и в штаны. Это ведь только в кино никто в туалет не ходит, оружие не чистит и не перезаряжает, на самом деле и по-маленькому, и по-большому хочется регулярно.

Дожидаюсь первого бойца, что тащит ящик. Вдвоем тут нам не развернуться, показываю ему на лопатку, тот кивает и оборачивается к остальным.

Все помнят инструкции, я иду первым, мне и ползти дальше всех. Мы заложим под фасад четыре ящика и рванем. Да-

же если дому это не повредит, то хотя бы ошеломить фрицев удастся. Почему просто не пошли зачищать дом через подвал, раз все равно близко подошли? Так там чуть не рта противника, тихо все равно не получится, перещелкают как зайцев. Ну, не может мне всегда так везти! Поэтому и решили рвать. Если, как сказали саперы, обрушится фасад, потянув за собой и части стен, и перекрытий, надеюсь, что хотя бы половину врагов мы тут похороним.

До конца дома остается несколько метров, хорошо, что подъезды здесь с другой стороны дома и не проходные, а то бы враги могли выскочить в любой момент. Прикинув, что тут будет вполне нормально, начинаю копать. Пули щелкают то и дело, как бы не зацепили. Прямо у меня над головой грохочет пулемет, и, судя по звуку, даже не один. Взглянув вверх, отмечаю, что пулеметов два, долбят со второго и третьего этажей, практически друг над другом сидят.

Минут за десять углубился на полметра, булыжников до хрена в земле, тяжело. Сталкиваю в яму ящик и вытягиваю из него шнур, готово. Присыпав этот гребаный чемодан булыжниками, что вытащил, пока копал, оборачиваюсь и смотрю на парней. Чтобы как-то общаться, мы прицепили длинную веревку к поясу друг друга, дернув ее один раз, жду ответа. Через пять секунд мне отвечают так же, ага, вторая закладка также готова, ребята-то раньше копать начали. Тут же опять рывок, за ним еще, молодцы, все закончили. Ну, блин, если ни хрена не получится, с меня шкуру сдерут вме-

сте с пустыми петлицами. Нечаев наверняка там уже потерял нескольких бойцов, хлещутся-то уже больше получаса. Ведь просто стрелять мало, фрицы ответят пару раз, да и перестанут. Такой беспокоящий огонь тут ведется постоянно, в надежде расшатать нервишки противника. Поэтому нужно еще и перебегать, то и дело показываясь врагу, чтобы тот повелся и решил, что это ночная атака.

Бух!!! Твою дивизию, это еще что такое? Чуть не на голову мне валятся куски выбитых кирпичей. Со стороны ведущих огонь бойцов моей роты хлопает выстрел из пушки. За ним второй. Блин, где Нечаев орудие-то отхватил? С той стороны, где у фрицев стояли их орудия, грохают два выстрела подряд, да, ребяткам нашим наверняка сейчас прилетит. Зажигаю шнур и, привстав, чтобы уже не ползти, а бежать, хоть и согнувшись в три погибели, перебегаю ко второй закладке и зажигаю второй шнур. Этот уже чуть короче, саперы объяснили, как мне синхронизировать взрыв. Конечно, абсолютно одновременного не получится, но должно грохнуть с минимальной разницей. Прodelываю с оставшимися двумя закладками то же самое и влетаю в траншею. Ребята не ушли, ждут меня. Увидев, как машу им руками, парни разворачиваются и «делают ноги». По подсчетам тех же саперов понимаю, что первая закладка вот-вот рванет.

Едва успев выскочить из траншеи и укрыться за углом пустого разбитого дома, звучит охрененный грохот и появляется вспышка. Ой блин, даже землячка под нами задрожала.

Грохает второй раз и тут же почти слившиеся вместе третий и четвертый. Выстрелов уже не слышать, но сквозь грохот разваливающегося дома до меня вдруг доносится глухое «Ура!».

Вот ведь не сидится им на жопе ровно, уже ведь побежали!

– Ну чего, мужики, пойдём и мы? – дёргаю затвор ППШ и устремляюсь обратно к немецкой траншее. Нырнув вниз, поднимаю голову над бруствером и вижу, как бежит в атаку наша рота.

«Ну, Нечаев, ну чудила на букву “М”. Я понимаю, что нет ответного огня, но на хрена “ура” кричать, чтобы незаметней было?»

Пока отдыхали вчера вечером, я освоил МГ-34, просто повертел, конечно, изучив, как менять ленту и ствол, на всякий случай, поэтому навыки сейчас пригодились. Взрывной волной пулемет, что стоял на бруствере, скинуло вниз в окоп. Подняв и сбив с него землю, тяжелый, зараза, вроде ничего на вид, проверил ленту, оказалась почти полная. А тут ведь не банка на пятьдесят или сто патронов, тут короб прицеплен, в нем всяко поболее сотни будет, все двести наверняка. Дёргаю спуск, пулемет хлопает очередью патрона на три-четыре, киваю сам себе и направляюсь в сторону пролома в стене. Один из моих бойцов остается в траншее, наблюдать будет, вдруг фрицы из своего тыла в обход полезут. Боец по фамилии Нурзаев сдвигает резко в сторону ширму и отскакивает в сторону. Стоя на колене, целюсь в проем. Темно,

ни фи́га не вижу, а хрен с ним, стрельба-то и так звучит со всех сторон, посылаю короткую очередь внутрь, ответа нет. Нурзаев заходит первым, через секунду машет рукой. Идем с еще одним бойцом, Коротченко вроде его фамилия, по следам вошедшего. Глаза начинают привыкать, но все равно в темноте будет хреново, один выстрел – и мы слепые. Трофейный фонарик, лежащий в кармане, выскакивает мне в руку. Осматриваемся.

– Нурзаев, держи фонарь, – передаю я идущему первым не то абхазцу, не то осетину, – свети. – Я-то с пулеметом, дури в нем поболее будет, чем у «папаша», а главное патронов больше. Продолжаем путь. Как уже имел возможность ощутить все прелести зачистки домов, главное это сколько у тебя патронов до перезарядки. «Папаша» их выплевывает так, что в жизни не сосчитать, и в самый, что особенно «приятно», момент патроны кончаются. С пулеметом в этом плане веселее, но тут другая проблема, вес и размер оружия. В тесных коридорах коммуналок, да и нормальных квартир, не больно с ним развернешься, да и руки просто устают, то и дело опускаешь, прошляпнуть врага очень легко.

В подвале не оказалось ни единого, хотя бы самого завалящего фрица, а едва мы поднялись из подвала в одном из подъездов, как столкнулись с нашими бойцами.

– Оба-на! Это что тут за шахтеры? – удивленный возглас заставил меня опустить пулемет.

– Сами вы такие. Где командир? – спрашиваю я.

– Вроде левее заходил. Вы хоть видели, чего учудили-то?

– Не-а? А чего, плохо вышло? – чуть напрягшись, спросил я.

– Так выйди, посмотри! Фрицы-то, кто не сдох, уже сбегали, нет тут никого.

– Ладно, потом посмотрим, людей много побило, пока отвлекали? – Вся рота была в курсе, для чего все это я замутил.

– Да уж, покрошили нас немного, – опустил глаза, ответил собеседник. Все-таки надеюсь, что немного, иначе бы наступать, да еще с воплями «ура!» было бы некому.

Оставив ребят, что помогали мне рвануть этот гребаный дом, пошел искать Нечаева. Нашел на улице, ему бинтовали левое плечо, и командир кривился и скрипел зубами.

– Товарищ командир, задание выполнено, – просто произнес я, даже не отдав честь.

– Садись, черт счастливый! Как ты? – командир весело смотрел мне в глаза. Да, это уже не тот испуганный мальчишка, каким он был два дня назад, в зверя превращаться начинает. Глаза-то вон как блестят. Твою же мать, два дня, и детёныш в матерого зверюгу превратился! Как после войны люди будут к обычной жизни возвращаться?

– Как? Да хрен его знает, командир, сколько? – спросил я о том, что волновало меня сейчас больше всего. Я в той жизни, читая про отвлекающие маневры, да и фильмы о войне такому способствовали, всегда тяжело воспринимал такие действия. Помните отличный фильм «Батальоны просят

огня»? Вот-вот! Всегда обдумывая такую ситуацию, прикидывал, каково это, когда тебя убивают, а помощи не будет, потому что ты тут просто отвлекаешь противника, а удар-то будет в другом месте? Прикидывал и плевался. Злился от того, что жалко было брошенных на убой людей, хоть и понимал прекрасно, насколько выгодно так поступать. Ведь такие маневры позволяли сберечь гораздо больше человеческих жизней, но каково, черт возьми, тем, другим, кто умирает там, отвлекая и стягивая на себя врага...

– Четырнадцать погибших. До взрыва всего пятерых потерял, остальные уже здесь легли.

– А мне тут боец сказал, что фрицы сбежали?

– Сбежали, да не все! Пришлось и тут пострелять, меня вон тоже здесь поместили.

– Серьезно? – взглянув на плечо, которое уже закончили бинтовать, спросил я.

– Штыком получил, когда в комнату входил. Насквозь руку пробили, суки, но вроде работает, хотя и больно чертовски!

– Ты командиров предупредил? – Это было, наверное, самой трудной задачей для Нечаева.

– Ага, даже и не подумали орать. Только обматерили немного, что доложил поздно. А-а, все равно ведь в донесении укажут, что это их приказ и план придумали именно они.

– Да ладно, Лех, ты чего? Какая к хренам разница, кто тут и чего придумал, бойцов-то дадут хоть?

– Обещали. Я же не просто так злюсь, что они себе твою идею припишут. Я, блин, на всех наградные пишу, а они ими печки, наверное, топят. Тебе вот взвод не дали, а на хрена мне этот мальчишка и пердун старый, хотя он погиб, если у меня есть ты?

– Отдохнуть дадут? Как думаешь? – устало проведя рукой по лбу, я сел рядом прямо на землю.

– Да хрен его знает. Если бы народу дали больше, то приказали бы занять оборону, а так... Мне всего десять человек прислали, обещали позже еще добавить.

– Ну, так может, пригонят сменщиков сюда, а нас опять на пару домов в тыл? – Очень хотелось спать. Раньше еще отлить прижимало, но это я уже сделал, как только успокоилось тут все.

– Хорошо бы, устал я что-то. Да, Петр твой ведь из санбата сбежал, но я его все равно в бой не взял, упрямится, говорит, как же там мой брат без меня?

– Ну братишка, ну ухарь! – смеюсь я, закуривая.

– Так и рвался вперед, пока не пригрозил арестовать его.

– Надо найти его, как хоть он?

– Слышит все еще не очень, а так вроде ничего. В глазах не двоится, говорит, башка целая и не болит, кровь тоже перестала течь.

– Ну и ладушки. О, командир, а ведь это кто-то из высокого начальства, – проговорил я, уже вставая и отряхиваясь. Застегнув ворот у гимнастеров, вытянулись с Нечаевым

в струну.

Подошедший невысокий, с приятными чертами лица командир оказался нашим комдивом Родимцевым.

– Здравствуйте, бойцы, – спокойно поздоровался комдив и, протянув руку, застыл.

Мы с Лехой даже растерялись. То ли руку жать, то ли честь отдать. Леха очнулся первым:

– Здравия желаем, товарищ комдив, гвардии лейтенант Нечаев, – отчеканил он, вскинув руку к каске, а затем ухватился за кисть Родимцева и пожал ее. Я решил, что раз комдив сам первый обозначил действие, то надо поступить так же. Выкрикнув в свою очередь свое имя и звание, так же пожал руку высокого начальства.

– Ну, вы, хлопцы, и наделали дел! – как-то даже восхищенно заявил Родимцев. – На всю дивизию шум, кто придумал?

– Гвардии красноармеец Иванов, товарищ комдив, его идея, он и осуществил, – выкрикнул Нечаев. Вот ведь просил же, все инициативы твои, нафиг мне выделяться.

– Я уже слышал о тебе, – повернул голову в мою сторону Родимцев, – это ты ночью немцев вырезал в доме, что недалеко от Госбанка?

– В составе группы бойцов, товарищ командир! – вновь чеканю каждое слово.

– Да ладно, в донесении прямо указано было, штыком уничтожил кучу фрицев, что, твой командир врет, что ли? –

нашел, как меня раскрутить комдив.

– За лейтенантом Нечаевым такого не замечал! – ответил я.

– Ну, а чего тогда ваньку валяешь? – усмехнулся комдив.

– Виноват! – вытягиваюсь и закрываю рот.

– Нечаев, как думаешь, потянет твой богатырь взвод? – просто и в лоб спросил Родимцев.

– И с ротой справится! – Вот ты черт малолетний, ну я тебе покажу. Дай только начальство свалит, устрою тебе Вальпургиеву ночь.

– Ну, так дальше будет воевать, может, и до дивизии дойдет, а пока... – на минуту задумался комдив и подозвал кого-то из свиты. – Сержантское звание и должность командира взвода, записали? – Тот, кто писал приказ командира дивизии, кивнул.

– Ну, ребятки, продолжайте бить этих гадов и дальше, вас скоро сменят, дом займет батальон тридцать четвертого полка, отдохнете, но немного, конечно, – комдив протянул руку и, по очереди пожав наши, ушел.

– Твою мать, Нечаев, что это было? – взревел я, как только командование убыло.

– Чего орешь? – в свою очередь огрызнулся командир. – Тебе сержанта дали, а не капитана. Пока только я могу на тебя орать, ну-ка, сми-и-рна! – И чего-то сразу захотелось выполнить.

– Я от вас, товарищ лейтенант, такой подлянки не ожи-

дал! – фыркнул я и пошел прочь.

– Эй, ты чего, обиделся, что ли? Иди сюда, – смягчился командир. Я вернулся, а командир, ухватив меня за руку, дернул так, что я влетел к нему в крепкие мужские объятия.

– Э-э-э! Только целоваться не надо, я этого не люблю. – Нечаев не стал целоваться, а просто по-мужски похлопал по спине.

Через два часа нас сменили и наконец-то дали отдохнуть. Отвели на этот раз почти на берег, тут уже землянки были готовы, те, кто был здесь до нас, серьезно потрудились. Нечаеву даже блиндаж достался с печкой, тот и меня к себе за-тащил, и мамляя, который, кстати, уцелел в недавнем бою. Нормальный парнишка оказался, девятнадцать лет, шустрый, смышленный. Притащили с Волги пару котелков с водой и поставили на печь, предварительно ее раскочегарив. В блиндаже стало жарко, и все поскидывали с себя грязнущие лохмотья, по недоразумению называемые формой.

– Постираться бы, – пробубнил я.

– И побриться! – добавил Нечаев, и, переглянувшись, мы разом устремились к реке. На дворе раннее утро, еще темновато даже, но мы, найдя у бойцов полкуска мыла, устремились мыться. Вода уже всерьез остыла, все-таки сентябрь скоро конец, но чертыхаясь и фыркая, мы все-таки немного помылись. Когда растирались на берегу одним на троих полотенцем, прибыл посыльный из штаба дивизии и приволок приказы и три комплекта новой фурнитуры для формы. На

вопрос командира о замене удостоверений и красноармейской книжки ответили, что пока не до этого, дескать, каждому вручают приказ о присвоении звания. Мне сержантские треугольники, мамлею и Нечаеву по два кубаря. Меня это очень удивило, так как думал, что обо всем этом уже забыли. Первый стал лейтехой, а второй старшим. Нечаев достал фляжку:

– Во, не зря берег, значит! – наливая в пробку и подавая друг другу, обмыли по глотку полученные звания.

Чай заварили, разогрели тушняк и немецкие сосиски.

С тем же посыльным к нам забрел боец с полковой кухни и позвал с собой пару человек, еду принести на всех. Мыто пожрали по-быстрому тушняка с чаем, и когда принесли кашу, есть уже не хотелось.

– Командир, а сколько нам отдохнуть дадут? – спросил я, укладываясь вздремнуть.

– Сколько дадут, все наше, а чего?

– Да на тот берег бы сгонять, в реммастерские, или тут до завода добраться, хотя тут фрицы кругом, хрен пролезешь, – задумчиво проговорил я.

– На кой черт тебе мастерская? – удивился Нечаев.

– Да вот все думал, когда к фрицам полз, почему у нас нет такой штуки, что на наган навинчивается, чтобы звук выстрела приглушить, вот бы здорово было! – я все думал, как бы «глушак» пропихнуть.

– Вон ты чего удумал! Раз для дела, я могу тебе бумагу

написать, чтобы ты с ней мог переправиться, надолго?

– Да если рембат найду, часа два работы, я думаю. – Блин, опять проговорился, откуда я нафиг знаю, как глушитель сделать, если не помню даже, где родился.

– Хорошо, но одного не пушу, мало ли кто прицепится.

– Так давай вместе и сгоняем? – предложил я.

– Ха, мне ведь тогда в батальоне надо разрешение выбирать, а кто мне его даст? Тебя-то я с трофеями отправлю, глядишь, и не станут придиратся.

Короче, вместо законного отдыха я направился к переправе, но мне и правда очень хотелось занять глушитель. Завернули меня, несмотря на все трофеи и бумаги. Забрали все стволы и послали подальше. Да и хрен с вами, не больно и хотелось. Вернулся в блиндаж, а Нечаев все переживал, не достанется ли ему теперь.

Спал целых пять часов. После обеда началась бомбежка, немцы долбили переправу и артиллерией, и с воздуха. Утопили, суки, два катера, людей погибло... Часам к трем стало как-то тихо, и я решил еще поспать, но тут прислали приказ готовиться к переброске на улицы города, а значит, опять воевать.

На позициях в районе площади Девятого января целых домов почти не было. Заняли какие-то развалины напротив практически одиноко стоявшего дома. Тут до меня и дошло, что это, вероятно, будущий Дом Павлова, и я заволновался. Впрочем, дом пока был занят вражескими войсками, а мы

пока будем отсюда пресекать попытки фрицев выйти или получить подкрепление.

Немцы на дурака не лезли. По часу, а иногда и дольше, наши позиции обрабатывали снарядами, пытаюсь увеличить гарнизон занятых тут домов. Интересно, а «Молочный» уже пробовали отбить? Хотя его же после Дома Павлова будут отбивать. Вот уж куда не хотелось бы лезть ни за какие коврижки. Помню еще, как читал про оборону дома без подвала. Жопа там будет всем, причем напрасная. Если выпадет нам туда лезть, нужно будет еще взрывчатки раздобыть и рвануть его к «бениной» маме, чтобы не лечь там потом.

Военное счастье штука интересная. Нам не доставили такого «удовольствия», как штурмовка того домика, что тут называли Молочным. Однако и расслабился я тоже зря. Мы пошли на квартал правее, впереди по улице стояли три дома, связанные между собой траншеями и укреплениями. Пополнение дали вполне по штату, девяносто шесть человек вместе с теми, что еще оставались в живых. Ребята уже были обстрелянные, из других рот и батальонов, новичков прислали в соседний, третий батальон. Командование, видимо, учло то, что произошло с первым батальоном нашего полка. Ребят отправили на железнодорожный вокзал, там, к сожалению, почти весь батальон и остался, остатки добивали в соседнем квартале. Мы еще два дня назад должны были идти на помощь попавшему в полное окружение первому батальону, но вот не сложилось как-то. Я еще гонял тут по этому поводу.

Читать-то я много читал, но конкретно где и какие батальоны бились, конечно, не знал. Может, в той истории мы и пришли на помощь, и вместе все полегли, но вот сейчас... Мои незапланированные командованием захваты нескольких домов уже могли изменить ход битвы, надеюсь, что не в худшую сторону. Вон в Доме Павлова вроде пока немцы сидят, но их там мало, а все попытки нарастить гарнизон нашими пока пресекаются, фрицев вокруг набили, считать замучаешься. Тяжело было, конечно, без танков. Нет, они тут где-то есть, но вот видим мы их уж очень редко. Из-за Дома Павлова немцы атаквали на днях танками. Откуда-то вылез и у нас один герой, точнее, герои все, кто был в экипаже. КВ охрененно грозная машина, немцы не могли его сжечь целых два часа. Танкисты выбили у немчуры четыре Т-4 и одну самоходку, но дальше... Пукалка, которой незаслуженно называлось орудие в семьдесят шесть миллиметров, против укрытий немцев было бесполезным, впрочем, нам немецкие танковые снаряды, тоже особого вреда не наносили, если, конечно, не влетали внутрь зданий. Дома-то всерьез тут строили, стены хрен прошибешь, из крупнокалиберных орудий только и пробивают. В итоге КВ сожгли долбаные зенитчики, откуда-то притащившие «ахт-ахт». Вторым же снарядом превратили наш танк в костер, выбраться никто не сумел.

Те три дома только звались домами. В действительности немцы были только в подвалах и первом этаже, все, что было выше, уже было превращено в руины. До них это были по-

зиции нашей армии, пока немцы выкуривали оттуда наших бойцов, здания и превращались в руины. Как им самим не страшно там находиться, ведь все это и рухнуть может, но раз пока стоит, видимо, простоит и еще. Дома были расположены вдоль улицы, по которой нам и предстоит пройти. Один с одной стороны и два напротив. Как уже говорил, траншеи связывали эти дома между собой, не было только подземных ходов. Улица то еще зрелище. Кругом разрушенные дома, от некоторых и вовсе одна-две стены метров по пять остались. Кругом воронки, горы битого кирпича, разбитая вражеская и наша техника. В принципе, «благодаря» таким развалинам подойти близко вполне возможно, но все упирается в поддержку фрицев артиллерией и количеством обороняющихся. Как можно наступать на хорошо укрепленный узел обороны, имея численность чуть не в два раза меньшую? Понятия не имею, и командир тоже. Приказ приказом, но ведь умереть просто так тоже как-то не сильно хочется. Вот если отбить эти дома, закрепиться, тогда да, хоть что-то полезное сделаешь, а так... Ведь я-то знаю, что все эти дома еще не один раз будут переходить из рук в руки, как быть? Да просто выполнять приказ, как и сказал командир роты, отвечая на мой вопрос. Меня, как единственного оставшегося стрелка, обладающего винтовкой с оптическим прицелом, заставили искать позицию и оттуда поддерживать роту.

Уже выйдя на исходную, оказалось, что параллельно нам, буквально с другой стороны дома, за которым мы накопи-

вались, будет наступать еще одна рота из нашего батальона. К сожалению, та рота имела всего пятьдесят активных штыков, поэтому они и пойдут туда, где ожидается не такой «теплый» прием, как у нас.

– Сань, место нашел? – спросил перед атакой.

– Да приглядел четыре точки, сейчас Петро патронов нам у пулеметчиков отожмет, да и пойдём.

– Давай, опять на тебя весь расчёт. У немцев весь их порядок рассыпается, когда командиры пропадают, так что дави этих гадов.

Козырнув, я отправился на первую позицию. Мне предстоит пробраться в один из подвалов, откуда будут видны позиции противника. Ползли с Петей очень долго, наши, наверное, уже извелись все. С Нечаевым договорились начинать по моему выстрелу. Немцы все время постреливали, то пулемет долбанет, то винтовки. Обстреливают все возможные места, где могут скрываться солдаты противника. Вон посреди дороги стоит остов легковушки, весь уже как решето, да и мы за ним прятаться не собирались. Добравшись, наконец, до места, Петя первым нырнул в подвал, и оттуда вдруг послышалась возня.

– Саня, помоги! – Твою мать, оставляю винтовку на улице и ныряю в подвальное окно головой вперед. Нож уже в руке, кувырком уйдя в сторону, наблюдаю картину маслом. Петя лежит на земле, а на нем два фрица. Один вцепился в горло, а второй пытается удержать руки. Фрицы в касках, оглу-

шить не получится, пришлось опять резать. Воткнув в бочину тому, что душил моего напарника, штык почти по рукоять, просто пинаю второго носком сапога в живот. Петя с зарезанным справится, а я решил взять пленного. Тот, уже отдышавшись, бросается на меня, оружия в руках не было, поэтому я не опасался. В подвале очень низкий потолок, приходится двигаться в согнутом положении. Кулак фашиста пролетел мимо, а я опять наношу удар ногой, только на этот раз всей стопой и снова в район брюха. Немца чуть откидывает, но удар был несильным, поэтому он начинает новую атаку. Правый хук опять рассекает воздух перед моим лицом, а я, захватив пролетевшую мимо кисть, увожу ее вниз, одновременно заводя за спину врага. Дальше следует удар стопой под колено, немец припадает на одну ногу, а я, заламывая руку еще дальше, провожу болевой. Фашист задергался и заорал.

– Петя, ты закончил? – ору я.

– Ага, – хрипит друг, – иду.

Связав фрица по рукам и ногам, посылаю Петю позвать кого покрепче, чтобы оттащили этого кабана к командиру. Надо его вытрясти, чего это они тут втихаря сидели, высматривали. Петя уполз, а я, осмотрев карманы немца и не найдя ничего интересного, прошелся по подвалу. Буквально за первой же стенкой обнаруживаю два трупа, причем наших ребят. Охлопываю карманы – пусто. Ребят зарезали, у каждого всего одно ножевое в груди. Так-так, это что же тут такое интересное. Пока размышлял, вернулся Петро и позвал

меня.

– Сань, там командир торопит.

– Успеем, тащите фрица, и сообщи Нечаеву, что эти суки здесь, видимо, нашу разведку отловили, за стенкой два бойца лежат, пусть этого, – я указал на пленного, – допросят хорошенько, есть ли где рядом еще такие «засадники», как эти двое.

Я обошел весь подвал, вроде никого, но подниматься в подъезд один не решался. Вернулся туда, где спеленали пленного, и, дождавшись Петро, двинули наверх.

Ах, какой отсюда обзор-то хороший, на загляденье. Два дома напротив, по диагонали, как на ладони. Плохо видно только дальний конец дома. Вижу суetyщихся фрицев, но вот командиров что-то не видать, блин, они тут все сейчас в касках, хоть бы один фуражку нацепил, а погоны разглядеть не так-то просто. Темно уже, дым кругом, черт, дым! У меня же шашка дымовая есть, немецкая.

Опять не успеваем что-либо сделать. Немцы начинают атаку. Две самоходки, медленно продвигаясь, прикрывают взвод пехоты противника. Идут гады прямо посередине улицы, вообще страх потеряли. Как на параде, маму их через колена. Солдаты, прячась за самоходы, продвигаются уверенно. Различаю среди врагов человека, указывающего направление атаки, или офицер, или унтер, но все едино. Стреляю. Командир фрицев падает, а в ответ начинается пальба.

– Петь, сейчас самоходы мимо будут проходить.

– Да нет у меня больше гранат, не дали, – разводит руками напарник.

– У меня в сидоре бутылка КС лежит, первую самоходку зажжешь, вторая не ползет. Слышишь, наши уже отбиваются, прикроют, не высовывайся слишком, кидай наверняка.

Петя кивнул и, взяв у меня бутылку, направился к окну. Мы лежали на третьем этаже, крыши над нами нет, но стены пока целы.

– Они остановились, не идут к домам.

– Не глупые, соображают, гады. Давай сюда мою бутылку, а ты вот, – я протянул напарнику немецкую дымовую гранату, – держи. Кинешь слева от самохода, когда крикну снизу, понял?

– Понял, – кивнул Курочкин.

Я сбежал по лестнице вниз и, осмотревшись по сторонам, дал сигнал напарнику. Подождав с полминуты, пока начнет подниматься дым, рванул к самоходке. В одной руке у меня была бутылка, в другой пистолет. Из клубов дыма доносится стрельба, прямо на меня выходит здоровый фриц, появился, блин, как ежик из тумана. Всаживаю ему три пули в корпус и, увидев, что самоход сдает назад, чтобы выйти из дымовой завесы, бросаюсь к нему. Уже бросив ему на жалюзи бутылку с зажигательной смесью, слышу, как что-то взрывается, и чувствую, как у меня обжигает ногу и руку. Больно стало, аж в глазах потемнело. Рву назад и понимаю, не дойду, дыма там нет. Тот дом, что был занят фрицами, ближе, сворачи-

ваю к нему. В меня никто не стреляет, перекресток плотно окутан дымом, даже горячей самоходки не видать.

Черт, тут подвала нет, по крайней мере окон не вижу. Пытаюсь обойти дом, но слышу, что с другой стороны идет бой, туда мне тоже нельзя. Окно первого этажа находилось довольно низко, пара метров до него. Нога болит, но все-таки через силу заставляю себя прыгнуть. От усилия нога еще больше заболела и стала неметь. Зацепившись руками за проем, подтягиваюсь. Рана на руке несерьезная, чувствую это, просто жжение, наверное, только зацепило слегка. В комнате никого нет, но в глубине дома слышится стрельба. Выхода у меня нет, дым уже расходится, и сейчас меня увидят немцы из дома напротив. Черт, у меня из оружия только нож и пистолет. Переваливаюсь и падаю на пол комнаты. Здесь явно никого, стреляют откуда-то выше. Иду в сторону лестничной площадки. По пути не встречаю ни одного врага, уже хорошо. Выйдя из квартиры, заглянул в соседние, пусто, двинул вниз, только на несколько секунд остановился, чтобы сдернуть с себя ремень и перетянуть ногу чуть выше ранения. Штанина порвана, лоскуток топорщится, осколок скорей всего. Нога продолжает неметь, силы кончаются, только бы успеть заныкаться. Подвал все же был, просто с торца здания, в нем почему-то не было окон. Заглядываю в дверной проем, никого. Спускаюсь дальше. Так, стоп. То место, где идет лестница в подвал, очень темное, тут должна быть какая-то щель, чтобы можно было оказаться под лест-

ницей. Осматриваю все и нахожу таковое укрытие. Упав на брюхо, начинаю ползти в щель высотой сантиметров пятьдесят. Только успел свернуть под лестницу, как слышу в подъезде голоса и топот. Что говорят, непонятно, но сам понимаю одно, если наши не продолжат атаку, я тут останусь с фрицами, да еще и раненый. Голоса затихли, стрельба на улице продолжается, я осмотрелся, кивнув сам себе, достаю и включаю трофейный фонарик. Хрен тут кто заметит свет, я в такую нору залез, тут только поворотов три, нет, никто меня не увидит. У меня был кусок бинта, надо попробовать перевязаться, хоть немного закрыть рану. Потихоньку надорвал штанину прямо на месте разрыва, добрался до кожи, о да, осколок, мать его сидит, я его даже чувствую. Достал бинт и фляжку со спиртом, спирта там, конечно, кот наплакал, это мне Нечаев подогнал, там всего граммов сто, может чуть больше. Блин, а запах немцы не учуют? Да какой к хренам собачьим запах, тут вокруг такая вонища, дым кругом, пахнет всем чем угодно, разве различишь тут. Достал трофейный складешок, жаль, на нем пинцета или кусачек нет. Намочив кусочек бинта спиртом, протер лезвие ножа. Затем стер кровь вокруг ранки, она оказалась небольшой, пару сантиметров, наверное. Потрогал пальцем, надавливая, и, нащупав что-то явно лишнее, чуть не вырубился от боли. Блин, надо вытаскивать к хренам, а то я тут взвою скоро. «Черт возьми, где мои патроны для винтовки? А, вот же они», – достал из кармана один гансовский винтовочный патрон, за-

жал его зубами, ну вот нет больше ничего. Нога перетянута и порядком занемела уже, пытаюсь просунуть пальцы внутрь раны, нет, дырка слишком маленькая, не войдут они, а резать боюсь. Что я, Рэмбо, что ли? Как же быть-то, ведь я сейчас вырублюсь. Чуть не заорав от боли в ноге, ввожу в рану лезвие ножа, пытаюсь вести его по осколку. Как только лезвие прошло осколок и уткнулось в плоть, искры из глаз полетели, вперемешку со слезами. Чуть возвращаю нож и нажимаю на рукоять так, чтобы лезвие поддело этот гребаный осколок. Есть, вроде пошло. На ногу я практически не смотрю, кровищи много, хрен тут чего разглядишь, но чувствую, что железка вот-вот выйдет. Лево́й рукой протираю края раны вокруг лезвия и замечаю что-то черное.

«Ну-ка, ну-ка, иди сюда, зараза ты худая!» – подцепляю грязными пальцами предмет, торчащий из раны, тащу и наконец отбрасываю его в сторону. Кровь вытекает из раны, а мне даже вроде и полегче стало сразу. Смочив не выжимая новый тампон из бинта, прикладываю к ране. Тут сознание-то меня и покинуло. Сколько лежал, не знаю, на часы не глядел. Очнувшись, даже улыбнулся. Ногу вроде не дергает, а главное, я так и лежал без сознания с тампоном на ране. Убрав руку, заметил, что кровь течь перестала, но нога просто как деревяшка.

«Твою мать, у меня же ремень на ноге!» – Ослабив, а затем и вообще сняв ремень, убедился, что кровь не идет. О, кстати, наверное, недолго я «спал», фонарик-то еще не сдох,

хотя и светит практически никак. Бинта у меня мало, полноценно забинтоваться не хватит. Задираю гимнастерку и вытаскиваю подол нательной рубахи. Оторвав кусок, когда ткань треснула, я аж замер, сообразив, что на улице-то почти не стреляют. Сделав подушку из остатков бинта, помочился прямо сидя на нее и приложил к ране, затем плотно, но особо не перетягивая, заматываю ногу оторванным куском ткани.

«Сойдет, чего там с рукой?» – подумал и понял, что с рукой мне не справиться. Ранка была на правой руке в районе бицепса с наружной стороны, подлезть так, чтобы рассмотреть, точно не смогу, да и не чую я там ничего лишнего. Хрен с ним, надо думать, как выбираться. Собрал все, что выкладывал перед «операцией», включая потухший фонарик, поменял магазин в пистолете.

«Так, двигаем помалу, и да поможет нам... Партия и Ленин. Тьфу ты черт, а это что за хрень. Понимаю, что на улице темно, но почему я щель не вижу, через которую сюда залез?»

Обалдев от картины, что увидел, а главное, представив, что меня из-за фонаря могли увидеть, кинуло в дрожь. В подвале, прямо возле лестницы, что ведет в подъезд, были сложены трупы немецких солдат. Да много-то как! Я еле пролез мимо них, вылезая из щели. Немцы, сами того не зная, замаскировали ту дыру, в которую я залез. Выбравшись, прислушался, вроде тихо. Нож в левой руке, пистолет в правой, черт, интересно, кто в доме, фрицы или наши???

Оказалось – немцы. В подъезде стоял часовой, и пройти мимо него я точно не смогу, никак. Немец стоял спиной, повесив руки на автомат, что висел на груди. Даже если смогу подойти тихо, хватит ли сил в раненой руке, чтобы убить? А если с ним рядом еще кто-то есть, кого я не вижу? Блин, вопросов, как на экзамене! Осторожно, на цыпочках начинаю подниматься и... фриц оборачивается. Невысокого роста, ни фи́га не ариец, простой белобрысый парнишка, глаза чуть навывкате, нос длинный. Наши глаза встречаются. У меня пистолет направлен на него, автомат фашиста просто висит на груди. Мотаю головой, показывая тому – не шуми. Фриц открывает рот, но я уже в метре от него. Прикладываю лезвие ножа, что в левой руке, к своим губам, молчи, фриц, дольше проживешь... Немец начинает пятиться и, оперевшись на стену, освобождает мне проход. Показываю ему ножом на автомат и перевожу нож на себя. Руки у парня лежали на автомате, он медленно берется за ремень и снимает автомат с шеи. Протягивает мне и постоянно мотает головой, понимаю, не хочет, чтобы я стрелял. Соображает парень, пусть меня и убьют его товарищи потом, но он-то будет уже мертвым, легче ему от этого не станет. Немец вешает ремень автомата мне на вытянутую левую руку и застывает. Я, протискиваясь между ним и стеной, держу его на прицеле, но стрелять не собираюсь. Может, еще выберусь. До угла дома метров десять, как я помню, даже если он сразу заорет, успею завернуть. Из подъезда я выходил боком и видел, что

вроде никого, опасность может исходить только из дома напротив, если оттуда заметят, жопа. Надеюсь, что темнота все же мне поможет. Оказавшись на улице, в несколько быстрых прыжков оказываюсь за углом.

«А ведь фриц-то не заорал! Он, наверное, охренел, когда увидел русского, выходящего из подвала, что они оборудовали как морг», – мелькнула мысль. Добежав до того дома, где вечером оставил Петю, остановился и прислушался – тихо. Обойдя дом, пошел вдоль стены, едва не вжимаясь в нее. На улицу, где был бой, я не выходил, двинул с обратной стороны дома. Пройдя так метров двести, дом уже кончился, и я вышел на открытую местность, решил присесть. Здесь уже наши должны быть, могут выстрелить просто на звук. К счастью, я увидел их первыми. Группа из трех бойцов сидела возле окна на первом этаже дома через дорогу от меня. Не прячась, иду прямо на них, меня замечают и начинают волноваться.

– Мужики, не стреляйте, свои. Сорок второй гвардейский.

В меня не стреляли, но, выскочив на улицу, под прицелом сопровождали внутрь. Это оказались наши однополчане, из роты, что стояла у нас на фланге. Меня сопровождали, не разоружая, к командиру.

– Документы, товарищ сержант, – протянул руку в мою сторону молодой лейтенант с повязкой на голове.

– Пожалуйста, товарищ лейтенант, – я достал и протянул свои бумаги.

– Тут книжка на рядового, – нахмурился лейтенант.

– Так не успели заменить, здесь только вчера присвоили звание, там приказ лежит, в красноармейской книжке, сказали, потом документы сменяют.

Лейтеха, изучив документы, вроде успокоился.

– Так откуда ты, сержант?

Я убрал документы в карман и ответил:

– Ранили, когда самоходку поджигал, обратно до «нашего» дома не успевал, срезали бы сразу. Нырнул в подвал ближайшего дома, а там фрицы. Дождался темноты и ушел, вон, фриц даже автомат мне подарил и тревогу не поднял, хотя и мог, правда, умер бы первым.

– Как это? – не понял меня лейтеха. – Ты чего, мог убить фашиста, но не убил?

– А зачем? – удивился я. – Мне к своим надо было, а убей я его, там бы и остался. Кому бы я пользу принес?

– Ты соображаешь, что говоришь? – лейтеха аж захлебывался от гнева, черт, уставник попался.

– Товарищ лейтенант, ну убил бы я этого малахольного, что на посту стоял, а меня бы его дружки...

– Струсил, а еще сержантское звание ему дали!

– Товарищ лейтенант, вы не правы, – пытаюсь объяснить очевидное я, – вот я выжил и завтра убью десяток, а то и больше, я со снайперской винтовкой воюю. Так что лучше, один часовой или десяток атакующих солдат и офицеров?

– Я доложу кому надо, они пусть и решают! – фыркнул

командир.

– Товарищ командир, а где наш второй батальон, мы у вас на правом фланге были?

– Там же. Ни на метр не продвинулись, даже один дом пришлось оставить, – не стал говняться лейтеха и рассказал, как было дело.

– Ну ладно, раз они в соседнем доме, я пойду, пожалуй, надо и своему командиру отчитаться.

– А я тебя не отпускал. Завтра сдам в особый отдел, пусть они разбираются, – усмехнулся лейтеха. Черт, дурной он какой-то.

– Тебе это надо? – перешел я на «ты». – Войну выиграешь, если меня сдашь, да еще и по надуманному обвинению?

– Да как ты смеешь... – начал было лейтенант.

– Смею, лейтенант, смею. Я за пять дней фрицев здесь положил больше, чем ты вообще их видел, одних офицеров шесть штук, не считая всяких унтеров, фельдфебелей и рядовых, а ты мне тут угрожать будешь? Я к своим иду, хочешь, если совести нет, докладывай куда надо, но к своим я уйду.

Все-таки лейтеха не стал дурить, хотя я и ждал чего угодно от такого командира, вплоть до выстрела в спину. Ничего, выйдя из подъезда, направился к тем домам, что вчера занимала наша рота. Метров за десять меня окликнули, но, не успев ответить, заметил, как ко мне уже несутся Нечаев с Курочкиным. Петруха облапал меня всего, увидев, что я весь в кровище, старлей заволновался и приказал срочно позвать

санитара. Все та же девчушка, Маша, что уже раз обрабатывала мне голову, занялась моей рукой. Вычистив ранку, наложила повязку, как я и думал, осколок просто слегка зацепил мышцу. С ногой было серьезней. В той тьме я ни фигу не разглядел, а вот санинструктор сразу сказала, что, похоже, у меня воспаление начинается и меня срочно нужно в санбат. Нечаев отрядил Курочкина и еще одного бойца, чтобы меня довели до берега. На ту сторону я не поеду, здесь тоже есть врачи, вычистят и тут. Я почему-то уверен, что ничего серьезного не случится.

Дохромали за полчаса. Все-таки я пока хожу осторожно, нога-то побаливает. В санбате была очередь, парней я отправил назад, сказав, чтобы не ждали, а возвращались в роту, а сам сел у входа в землянку и, наконец, закурил, ожидая очереди. Только через час усталый седой военврач третьего ранга позвал меня на стол. Не успели даже раздеть, началась бомбежка. Было очень трогательно, когда помощница хирурга, тетка лет пятидесяти, укрыла меня сверху своими немалыми телесами. На вопрос, что она делает, ответила:

– Вы защитники, вас беречь нужно! – А то, что это мы вообще-то их должны защищать, умолчала. Повезло, «штуки» долбили переправу и пристань, нас не зацепили. Минут двадцать спустя начали наконец резать. На хрена доктор мне распахал ногу так сильно, он мне так и не ответил. Рана была небольшой, а теперь он распахал мне ее, увеличив раза в три. Чистил долго, я два раза сознание терял, по живому

ведь копаются. Блин, у меня уже нога почти не болела, а теперь разнылась одуреть как. Пока доктор увлекался издевательством над ногой, сестра заново обработала царапину на руке и сменила повязку. Провозившись со мной около полутора часа, доктор, наконец, меня отпустил, приказав идти на берег и ждать катер для вывоза раненых. Я когда услышал, покрутил пальцем у виска.

– Док, какой в жопу катер, ты чего, спирта обнюхался? Зашил и ладно, потопал я, – выругался я, ну а что, чего мне теперь, в госпитале с царапинами отлеживаться?

– У тебя риск развития гангрены, хочешь, чтобы тебе ногу отпилили по яйца! – вскипел военврач.

– Док, ну что за чушь? Ты же все вычистил...

– Да, вычистил, но риск есть!

– Так, доктор, твою в бога душу мать, я воевать могу?

– Ты чего разошелся тут, сержант? – доктор насупился и сдвинул брови.

– Вот именно, я гвардии сержант, я сейчас встану и пойду обратно в роту. Мы тамдохнем, как мухи, какая гангрена? Не доживу я до нее.

– Ладно, не ори. На вот, – доктор всучил пару бумажных пакетиков, – один днем, второй вечером выпей. Но постарайся хотя бы не бегать пока.

– Да там все больше ползком, – успокоился и я.

– Иди уже, воин. Хорошо, видно, воюешь...

– Да, как и все, – просто буркнул я.

– Ты свою форму видел, я, кстати, ее выкинул...

– Док, ну ты что, совсем офонарел? Я чего к фрицам, с голой жопой пойду?

– Дадим одежду, петлицы сестра уже перешила, все из карманов на столе у выхода заберешь. А одежда твоя вся красного цвета была, как будто ее из флага сшили. Места ведь на ней уже не осталось родного цвета. Мы вначале вообще подумали, что ты тут весь как решето, даже и не поняли.

– Да не моя это кровушка, моей на штанах немного.

– Вот так немного, полсапога натекло. Вот и говорю, что воюешь, видать, хорошо, раз в чужой крови весь перемазался. Что, часто у вас до рукопашной доходит?

– Бывает, всяко бывает, – кивнул я и слез со стола.

Одевшись и собрав все имущество, поблагодарил военврача и сестру и хромя вышел. Думаете, Курочкин ушел? Сидит засранец на камне, покуривает.

– Боец Курочкин, вы, почему нарушили приказ? – рявкнул я.

– О, командир с того света вернулся! – воскликнул Петя, увидев меня.

– Ты чего тут сидишь? Вон, бомбят постоянно, не хватало еще возле санбата сдохнуть.

– Ты к нам или в госпиталь? – не отвечая на мой вопрос, спрашивает в свою очередь друг.

– Да куда я от тебя денусь-то? Лежу вот у фрицев в подвале, осколок вытаскиваю и думаю, как же там братушка-то

не водоплавающий... .

– Хватит надо мной смеяться, – опустил голову, понуро произнес напарник.

– Кто смеется? – серьезно спросил я. – Я тебя плавать научить обещал? Вот и не сдохну, пока не выполню. Айда в роту, а то там, может, нас и не хватает как раз.

– Это точно, тебя командир каждую минуту поминал.

– Незлобивым тихим словом?

– Ага, говорит, вернется этот разгильдяй, сам под трибунал отдам.

– О как, ну пойдем тогда скорее, а то еще во враги народа запишут! – смеемся вместе и отправляемся в путь. Не дойдя сотню метров до ротного КП, вынуждены искать укрытие, фрицы опять начали минометный обстрел. Петя дергает меня за рукав.

– Командир, давай в этот дом справа, подвалом пройдем, а там перебежим.

Так и сделали, правда, когда перебежали уже к дому, где квартирует рота, чуть-чуть не попали под мину, жажнула на крыше. После пробежки ногу снова начало тянуть. Да, храбрился, конечно, перед военврачом, на самом деле совсем не хочется ногу потерять, так как я, вопреки желанию фрицев, собираюсь задержаться на этом свете, хотя бы до разгрома шестой армии Паулюса.

Нечаев был рад, улыбался и светился весь, как новенький пятак. Полчаса рассказывал ему, Петрухе и лейтенанту со

второго взвода о своих приключениях.

– А хорошо у тебя с дымовой шашкой получилось, – весело заметил Нечаев.

– Да уж, жалко, что я всего одну такую нашел, мало их почему-то у гитлеровцев.

– Ну, у кого мало, а у кого и...

– Чего, неужели нашел? – удивился я. Мне и вправду за все эти дни только один раз попалась такая граната. Она с виду как обычная немецкая, только без деревянной рукоятки. Сверху колпачок и запал, как на «яйце». Горит дольше минуты и так густо, хорошая штука.

– А то! Цельный ящичек, двадцать штук, такие же, без рукояток.

– Ну, это же просто праздник какой-то! – воскликнул уже я. – А то к этим говнюкам на танках и не подойти, а так можно и повоевать.

– Да, нам вместо гранат одной КС принесли, нет, говорят, пока гранат.

– Слушай, Лех, да ну на хрен эти гранаты! Ты ее кидать пробовал? Она же два килограмма весит. Мне ее, наверное, даже на пять метров не бросить, одуреть, надо же придумать такое! Кинул такую хреновину, и сам на небеса.

– Зато они броню раскалывают хорошо, – заметил Нечаев.

– Ладно, так будем жечь. А бутылки какие, опять со спичками?

– Нет, с запалом, зажигать не нужно! – гордо так ответил

командир.

– Много хоть дали? – интересуюсь, а то, может, он тут хвастается, а ее всего по бутылке на брата.

– Сто штук, ребята несколько раз ходили, сказали, что еще дадут, позже. Ее, кстати, ведь здесь, в Сталинграде разливали.

– Что, до сих пор разливают? – удивился я.

– Тут еще и танки делать умудряются, хотя заводам почти звездац пришел, – мое словечко вставил командир.

– Да, слышал, – кивнул я, не уточняя, где я слышал такое. Но не думал, что это правда, ведь от заводов почти ничего не осталось, а, нет, ковыряются еще. Только вот ненадолго все это, скоро-скоро уже у фрицев свеженькое пополнение придет и нас к Волге начнут давить всерьез. Буквально на днях.

Прохлаждались мы около двух часов. После минометного обстрела немцы вдруг затихарились. Взяв винтовку и бинокль, забрался на чердак. Впереди, ближе к центру и вокзалу, густые дымы, суки, танками давить будут, надо готовиться их встречать. Спустился к командиру.

– Лех, у нас людей сколько сейчас?

– Тридцать восемь, в последней атаке потеряли много, а чего?

– Танки пойдут, дымят у себя, думаю, готовятся. Надо людей по дому раскидать, так, чтобы не все в одном месте сидели, но в то же время могли и собраться.

– А как?

– Надо стены проломить, здесь и в доме напротив, там, кстати, кто?

– Да второй взвод сидит.

– Во, пусть готовятся. Им поставь задачу отсечь пехоту сразу, как встанет первая машина. Подпустим танки сюда, я уйду глубже в наш тыл, там остановлю первых, вы здесь глушите последнего и забрасываем их потом всех. Если и пройдут, то единицы, а без поддержки пехотой они все равно не полезут, а мы их здесь закупорим и сожжем, только времени, боюсь, у нас уже нет.

– Чего, думаешь, получится?

– А ты как думаешь, или у нас другие возможности есть? Их больше, у них техника, вывод? Ну, хочешь, так просто отводи людей и к особистам, под трибунал. Так хоть если и сдохнем, то по крайней мере попытаемся сопротивляться. Главное, повторяю, чтобы второй взвод пехоту отсек, без пехоты танкам амбец, и они это знают. О, блин, – треснул я себя по лбу, кое-что вспомнив. – Да должно, блин, получиться, должно!

– Чего еще-то придумал, «Суворов»?

– Говоришь, у нас дым есть? – жадно потираю руки.

– Точно, – теперь дошло и до командира, – а ведь может и сработать! Я на связь с комполка, попрошу, может, танк дадут?

– Не болтай только, а то еще запретят инициативу прояв-

лять!

Через два часа немцы показались в конце улицы. К сожалению, просто так они не хотели ехать. Наши дома подверглись минометному обстрелу, да так густо, что мы боялись нос показать. Но это даже и к лучшему. За весь обстрел, а длился он минут пятнадцать, пока танки не подъехали вплотную, у нас даже не ранило никого. Мы с Петрухой находились по разные стороны улицы, готовя бутылки. Забрались на самый верх зданий, чтобы максимально усложнить задачу танкам. Не задрать им стволы так высоко. Передо мной лежали четыре бутылки с КС и две дымовые гранаты, ох и пошалим мы сейчас!

Петя начал первым, не удержался чуток. Бутылка, описав нехитрую дугу, ударилась о башню идущей впереди «четверки» и, лопнув, взорвалась. Тут же специально для этого поставленный боец кидает дымовую гранату. Идущий первым горящий танк встает как вкопанный, второй едва не втыкается в него, забирая правее, и тут же получает свою порцию зажигательной смеси. Дым начинает укрывать немецкие машины, не давая их экипажам видеть хоть что-то вокруг. Во всю идет стрельба, слышны и пулеметы, и автоматы. Все бойцы в роте, точнее те, что еще остались, вооружены автоматическим оружием, для города оно сподручнее, даже те, у кого ранее были винтовки, за счет убитых ранее и трофеев, перевооружились. Вижу, как в конце колонны пытаются развернуться замыкающие машины, в них также летят бутыл-

ки, а что, тут вам не здесь, хрен вы пройдете, уж сегодня точно. Дым очень плотно повисает на обоих концах колонны танков, бутылки летят густо. Всего немцы выделили для нас одиннадцать машин, шесть уже горят, а сделать танкисты ни фиги не могут. Вижу, как из одного танка, что ехал третьим спереди, вылезает фашистик. Сбежать хочется? В другой раз, паря, винтовка звонко хлопает, и фриц на дороге летит кубарем по земле, хватаясь за ногу. Конечно, в ногу и стрелял, я что, не вижу, что танк-то – командирский? Поговорим потом, если доживет. Я был с винтовкой, с ней я точнее перестреляю фрицев, пусть и медленнее. Как же удачно все получилось-то. Пехтура в дым не лезет, но видит, как горят танки, подмогу вызвать, а что она сделать сможет? Минометы же не будут долбить по своим танкам и пехоте? Да и причесывают наши густо ту пехоту. Насколько видел, пока дым не повесили, там рота была, а может, и полторы, но лупят наши, хоть их и всего-то полтора бойца, условно.

Через двадцать минут все было кончено. Все коробочки стояли и горели, эх, их бы как-нибудь целыми захватить, вот была бы польза так польза. Но все равно нам здорово повезло, и, кстати, почему раньше-то не догадались так воевать. Ведь с танками в городе справиться гораздо легче, чем в поле. Вон они стоят, верх инженерной мысли гордых арийцев. Улицы узкие, до середины и двадцати метров не будет, а некоторые и вовсе чуть шире танка, уж бутылку-то, да еще и сверху, докинуть может любой боец. Самая сложная задача

была даже не у нас, а у второго взвода, все-таки отсечь роту немецкой пехоты, имея в наличии всего четырнадцать бойцов, это сложно, но можно. У ребят станкач «Максим», три МГ, плотность огня очень высокая. А еще и ППШ, и немецкие автоматы, да и, как уже сказал, в дым враги не лезут. Я думаю, что нас даже не станут сегодня минами обрабатывать, куда стрелять-то? Мы все в зданиях, попробуй выкури! Выкурить в прямом смысле можно огнеметами, но для этого еще нужно подойти. Остается что? Ага, авиацию сейчас пришлют, попытаются «лаптежниками» наши дома развалить, и ведь у них получится. Летчики у фюрера знатные мастера, а у нас зениток нет, от слова совсем!

Продолжаю контролировать танки и подступы. Движения нет, никакого. А этот-то, командир или кто он у них, живой ведь, зараза. Спускаюсь вниз, оглядываюсь, вокруг суетятся наши бойцы. Та немногочисленная пехота, что шла вместе с танками и была уничтожена, кого-то сожгли заодно, кого-то постреляли, была неплохо оснащена, и наши бойцы пополняют свои запасы, что ж, трофеи дело святое. Еще выходя из дома, видел, как раненный мной фриц хотел вытащить пистолет, но получил сапогом в лицо и затих.

– Эй, ребятки, полегче, я же его специально «притормозил», – осаживаю бойцов, а то запинают бедолагу. Охлопав фрица и забрав все документы и оружие, поднимаем уже вместе с Петей.

– Петь, давай его к политруку, уж больно тот по-немецки

шпрехает хорошо, – толкаю фрица вперед, а сам двигаю к дому Нечаева. Зайдя в подвал, слышу, как тот докладывает по телефону:

– Да, товарищ полковник, остановили. Уничтожена группа противника, в составе танковой роты и до двух взводов пехоты. Именно так, товарищ полковник, одиннадцать машин. Есть пленный офицер. Слушаюсь, ждем!

– Кого ждем? – интересуюсь я, дождавшись, когда Нечаев отдаст трубку телефонисту.

– Ты, ты, ты...

– Но-но, давай вот без этого, – чуть отстранился я от объятий старлея.

– Комполка не поверил, сказал, что лично придет посмотреть. Ну, Иванов, с тобой не соскучишься.

– Ой, да ладно, нашел Петросяна, – ляпнул я и замолчал.

– Кого-о? – протянул старлей.

– Да, юморист один, армянин, не заморачивайся. Зря ты полковнику сказал, что ждем, надо валить в соседние дома и забиваться в подвалы.

– Ты что, не пойдут они второй раз здесь, чего они, совсем малахольные? – небрежно машет рукой командир.

– А на фига им идти? Что, у немцев самолеты кончились? – подняв бровь, интересуюсь я, язвлю, конечно.

– Это да, так чего, отходить будем? Так нам же влетит, мы ведь для того и сидим здесь, чтобы держаться.

– Больше они тут не пойдут. Отработают авиацией и по-

пытаются обойти по другим улицам, а в колечке мы точно недолго протянем, а главное, уже незачем будет. Если они сомкнутся у нас за спиной, то это будет уже на берегу, так что мы смело сможем пустить себе пулю в лоб, чтобы не мучиться. Собирай людей, старлей, собирай.

Отходить нам недалеко, решили с Нечаевым занять дома по соседству, решив, что там безопаснее будет, хотя, зная немцев, они тут весь квартал попытаются с землей сровнять. Полковник прибыл через час, да не один. С ним были командиры из двух других полков нашей дивизии. Командиры с горящими глазами выпрашивали, что и как было сделано у Нечаева. Тот хотел было скинуть все на меня, но я благо-разумно утопал. Подальше от начальства, поближе к кухне. Кухни у нас своей не было, но жратва пока еще была, плюс немчура не совсем пустая была, но что опять удивило, патронов у них почему-то все меньше становится. У каждого к автомату четыре магазина и... все, россыпью, как бывало раньше, не носили. У тех, что были вооружены винтовками, тоже патронов по пятьдесят. Гранат мало, все истратили, что ли? Они же вообще боятся каждого темного угла. По всем правилам уличного боя воюют, сначала гранату в помеще-ние, а уж потом заходят. А знаете, сколько помещений толь-ко в одном доме? То-то же, не напасешься гранат на все.

Нечаеву удалось довольно легко убедить командиров разрешить нам отойти, на время, конечно. Прибывшие с нашим полковником командиры умчались делиться со своими бой-

цами и командирами полученными знаниями. А что, ведь и правда, с дымом-то оно удачнее выходит воевать. Мне еще и рассказали, что у нас, оказывается, и свои, советские дымовые гранаты есть, в этом году новые выпустили, то-то же я обрадовался. Полковник обещал выбить в дивизии такие гранаты и заодно еще бутылок с КС. Выручает она, что ни говори.

А еще спустя несколько часов мы уже приходили в себя после бомбежки, появились саперы. Прикатив на старой «эмке», они привезли кучу мин, разной направленности, и принялись споро минировать улицу. Стало ясно, что нас, вероятнее всего, перебросят на другую. Эта теперь закупорена сожжёнными танками, да еще и заминируют ее, немцы сюда не полезут. Авианалет был очень тяжелым. Нацики всерьез обиделись на нашу выходку и долбили больше часа. Причем работали именно авиацией, как я и говорил Нечаеву. Потеряли немцы здесь очень много, а вот мы... Нечаев просто светился от того, что за весь бой у нас один убитый и пятеро раненых бойцов, все из второго взвода. Ну да, они же там с пехотой воевали. Хоть и закрылись дымом, да все равно и им перепало. У нашей группы, что жгла танки, был только один легкораненый боец. Один из танков влупил снаряд в дом, высоко ему пушку было не поднять, так он просто выстрелил в ту сторону, с которой прилетали бутылки. Один из бойцов в это время стоял на стене, и от разрыва танкового снаряда его ударной волной отбросило вглубь комнаты, на

кучу битого кирпича. Поцарапался немного и ушибов на все тело, но живой, а это и есть главное.

Бах, бах, бах! Взрывы от выстрелов танковых орудий грохочут совсем рядом. От близко лопнувшего снаряда меня всего осыпало кирпичной крошкой, сижу, глаза протираю. Нас, как мы и думали, перекинули на соседнюю улицу, объединив с остатками роты того лейтенанта, что меня в трусости обвинял, когда я вышел на их позиции, пробираясь ночью от фрицев. Как этот лейтеха возмущался, когда узнал, что он будет подчиняться нашему ротному Нечаеву, хотя и формально. Он продолжит так же рулить остатками своей роты, просто в подчинении у Нечаева.

– Сань, тут нас, наверное, и похоронят, – кричит Нечаев. Ему уже тоже прилетело, кусок кирпича попал прямо в голову, хорошо хоть в каске, но говорит, что звенит теперь в голове серьезно.

– Да уж, больше они так уже не полезут, придется им помогать...

– В смысле? – не понял меня командир.

– Самим придется на вылазки ходить, да сжигать по одному. Ну, или сидеть тихими мышками и ждать, им же все равно нас опрокидывать нужно, по-любому пойдут к Волге. Если командование сдуру торопить нас не станет, то тогда сможем пободаться, если же погонят на убой, а по-другому не получится, то всем тут могилка и вырастет.

– Сань, давай, чтобы я больше этого не слышал, лады? Я

тебя уже давно знаю, если бы не ты, мы бы уже все погибли, скорее всего. Знаю, что хренового ты не предложишь, но другие... – командир задумчиво покрутил головой, – тебя не поймут.

– Да все я понимаю, даже командиров понимаю. Надо постоянно кусать фрицев, чтобы они не накапливали сил, раздериговать атаками и контратаками. То, что при таких боях большие потери, даже естественно, но, блин, как же не хочется угодить в статистику. Возьми наше подразделение, у нас уже тут костяк сложился, все знают, куда и кому идти и что при этом делать. Опытные люди – на вес золота. Ты заметил, наши уже не дрожат от вида танков, а думают, как его легче сжечь, а это дорого стоит. А раскатают нас, пришлют новеньких, может, вообще новобранцев, так их тут сотнями будут класть, пока они хоть чему-нибудь научатся. Я бы вообще, знаешь, что предложил бы командованию, но как минимум дивизионного уровня, в полку такое не решат...

– Ну, чего придумал? – В этот момент вновь начался обстрел, то ли артиллерия, то ли танки.

– Товарищ командир, товарищ командир! – раздалось в подвале.

– Кто там, что случилось? – Старлей так возмужал за эти дни. Где тот паренек, что жался в первый день к моей спине, трясясь от страха?

– Они двинулись, вы приказали сообщить, когда полезут.
– Хорошо, идем, посмотрим, – это уже мне.

Поднимаемся на первый этаж. Танков еще не видать, объезжают ближайшие дома, не хотят лезть по прямой, кстати, зря. Я бы именно прямо и ехал, и долбил из всего, что стреляет, ну и ладушки, нам так даже и лучше будет.

– Нечаев, ну, ты понял, где они?

– Слева пойдут, там улица шире, сто процентов. Боятся к домам прижиматься, а там что-то вроде скверика есть, вдоль него и пойдут. Оттуда удобно на нас заходить будет, смогут все этажи простреливать.

– Точно, а главное в том, что саперы вдоль этого скверика своих подарков наставили, причем немало. Сам им и подсказывал. Надо только помочь немчуре принять верное решение. – Я беру в руки винтовку, автомат, надеюсь, не понадобится. – Петя, за мной, четыре бутылки прихвати.

– Сам пойдешь? – грустно спрашивает старлей. – У тебя же нога болит, быстро ведь не сможешь идти.

– Да там же бегать-то и не нужно, покажу немцам дорогу, и затихаримся где-нибудь там же. Все, давай, старлей, готовьтесь, мало ли чего, людей береги, помнишь? – А командир был прав, нога действительно болела, причем сильно.

– С шашкой на танк не побежим, помню! – кивнул Алексей Нечаев, наш ротный командир и просто хороший человек.

С Петром пробираясь по ходам сообщения, ага, много уже отрыли таких, и продолжаем рыть каждую свободную минуту, добрались до улицы, по которой, как мы предполага-

ем, пойдут вражеские танки. Улочку не зря присмотрели, во-первых, там засекли немецкую разведку, а во-вторых, она и правда позволяла немцам меньше рисковать. Другое дело, что они не знают о наших минах. Наблюдатели, что сидели в одном из подвалов и видели, как работают наши саперы, отправились в мир иной. Я там в подвалах после того еще и растяжек навтыкал, пусть лазают, надолго запомнят.

Улица была широкой, а немцы, помня, как у них сожгли за двадцать минут одиннадцать машин, панически боятся лезть на узкие улочки. Вот даже эту широкую сначала авиацией обработали как следует, здания, разумеется, дорогу портить перед проходом танков они сами себе не станут, а дорога-то – заминирована. Нам с Петей нужно пробраться в один из домов и обозначить атаку на танки, чтобы те пошли вдоль сквера и увлеклись обстрелом домов на другой стороне улицы, где и будем мы. Таким образом мы хотим вытянуть их на мины. Получится или нет? Думаю, что должно получиться.

Колонна уже втягивалась на улицу, двигаясь примерно посередине, но все-таки забирая ближе к скверу. Метров пятьдесят-семьдесят до танков, бутылку не добросишь, а вот дымовую гранату вполне можно. Едва только появилось первое густое облако белого дыма, как танки словно ужаленные бросились прижиматься к скверу, нам того и нужно. Жаль только одного, на минах все мы их не сожжем. Вообще думаю, что подорвется один-два, остальные либо отползут назад, либо продолжат движение, обходя подбитых товарищей,

хорошо, если полезут левее, тогда появится возможность повторить успех с бутылками, но думаю, что фрицы поступят иначе. Конечно, танки противника не двигались в линеечку, невозможно это, объезжая воронки, кучи мусора и битого кирпича, они так или иначе будут попадать под удар.

Когда идущий первым Т-4 наехал на подарок саперов, а это было ближе к концу улицы, саперы действовали так, чтобы дать немцам втянуться, содрогнулась земля. Как-то уж больно удачно он наехал, аж башню сорвало, боекомплект рванул. Остальные танки, а было их еще семь штук, мгновенно остановились и начали крутить башнями, отыскивая противника. Двигавшийся вторым фашистский танк попытался было объехать левее и... тоже встал, размотав гусянку по дороге. Остальные пошли справа, это, конечно, плохо, нам их не достать там. Фашисты, видя, что взрывов больше нет, осмелели, добавив скорости, и тут же один из них подпрыгнул, попав на еще одну мину. Вот блин, что же я не догадался веревок найти, сейчас бы всех их здесь приземлили, выговор мне, с занесением в личное тело.

Если немцы продолжают движение прямо и на перекрестке пойдут вправо, там их будут встречать три танка, что выделило командование. Танки тут вообще-то отдельная тема. Их мало, их постоянно перебрасывают с улицы на улицу, где они больше всего нужны. А вот если фашисты повернут все же налево, то попадают как раз под бутылки, что им приготовил Нечаев.

Получилось даже чуть лучше. Немцы свернули влево, а когда втянулись на ту улицу, где их ждали, сзади по ним ударили наши танкисты. Впереди поднялся дым и полетели бутылки с зажигательной смесью, немчуря сделала единственное возможное в данном случае – рванула вперед. Из-под обстрела бутылок они выскочили, правда уже на трех машинах, но дождавшиеся, пока рассеется дым, танкисты РККА тоже не спали. Пехота врага бегала и суетилась среди развалин, наши двинули в контратаку. Бой завязался неслабый. Петя из автомата, я из винтовки с оптикой за двадцать минут расстреляли все патроны, что брали с собой. То тут, то там стали подниматься вражеские солдаты с руками над головой, такого тут я еще не видел, сдаются.

Как же я удивился, разглядывая куцую колонну пленных, когда увидел того немца, что выпустил меня недавно из подвала и не закричал. Подойдя к нему, тот округлил глаза и открыл рот, прямо как тогда, я спросил его, конечно, на русском:

– Жить хочешь, немец? – Тот непонимающе закачал головой, но начал что-то лопотать.

– Сань, чего тут у тебя? – раздался голос сзади. Командир подошёл.

– Да вот фриц, что меня тогда отпустил и тревогу не поднял, как с ним поговорить?

– Я немного понимаю, давай попробуем, – Нечаев что-то произнес на языке Гете.

– Я, я, – ответил немец.

– Чего ты спросил? – ткнул я в плечо командира.

– Я спросил, знает ли он тебя.

– Спроси, хочет жить?

– А ты как думаешь? – усмехнулся Алексей.

– Мало ли чего я думаю, спроси. – Нечаев перевел, а неплохо он, кстати, говорит. Немец вновь закивал головой, только теперь утвердительно.

– Скажи, поможет нам, будет жить, – попросил я. Фриц внимательно выслушал и только начал было говорить, как стоявший слева через одного солдата от него, высокий, но очень худой фашист вдруг бросился на «моего» немчика. Мы как-то зависли, а худой уже повалил товарища и начал душить. Остальные, надо отдать должное, не рыпались, а то бы вышло хреново. Я мгновенно вытащил нож и, подскочив, левой схватил тощего за лоб, а ножом в правой руке чиркнул по горлу. «Моего» немчика залило кровью из разрезанного горла, и он, едва успев повернуть голову в сторону, блеванул. Точно, не зря он меня тогда не сдал, не вояка и не живодер он. Дождавшись, когда немчик вытрет рот, я подал ему тряпку, а Нечаев сказал ему, чтобы он поднялся.

– Почему этот тощий набросился на него? – спросил я, прося перевести.

– Предателем назвал, – ответил немец, а командир перевел, а немец продолжал говорить. – Спрашивает, чем он может помочь?

– Вот это разговор! – хмыкнул я, а тощий дурак, вот и сдох, как баран.

– Чего ты от него хочешь? – повернулся ко мне Нечаев.

– Сейчас отведу его в сторону, там и поговорим, пойдем, – взял под руку Нечаева, показывая направление.

С фрицем поговорили весьма продуктивно. Я спросил, где у них штабы, те, что он знает, конечно. Оказывается, штаб полка совсем рядом, в паре кварталов отсюда, в дивизионном он никогда не был, но тот находится недалеко от Мамаева кургана, по карте показал. Дальше меня интересовала их долбаная артиллерия. Гаубицы стояли довольно далеко, но фриц уверенно нанес на карту позиции, что были ему известны. Нарисовал прямо на кроках Нечаева позиции танкового батальона, указал занятые немецкими войсками дома, особенно те, в которых большие гарнизоны. Через час, когда Макс Хильбург, так звали немца, развел руками и сказал, что больше ничего не знает, Нечаев помчался в штаб дивизии, правда, я сначала перерисовал его кроки себе, а я повел Макса к берегу. Мне было очень жалко его. Особисты могут и забить его, могут расстрелять. А мне почему-то даже в лагерь его отправлять не хотелось. Не знаю, вроде все тут озверели уже, но вот глянулся мне этот немчик. На вопрос Нечаева убивал ли он наших солдат, ответил достаточно честно, стрелял, как и все, лично не резал, в упор тоже не стрелял, поэтому точно сказать не может. Какой-то он... неправильный фриц, тьфу, он же Макс. Я прямо спросил,

через Нечаева, конечно, хочет ли он назад, к своим товарищам? Немец ответил, что лучше плен, так как он не хочет воевать. Я еще спрашивал его о пополнении и снабжении. Нам готовят серьезное испытание, немцы концентрируют против центральной части города около сотни танков и два полка пехоты, это без артиллерии и авиации. Завтра или послезавтра начнется серьезное наступление, фашисты готовятся сбросить наши малочисленные войска в Волгу, любой ценой. Макс заявил, что авиация будет работать одновременно с артиллерией, а уже после них пойдут пехота и танки.

Просто отпустить его я, конечно, не мог, но мучился, не зная, как поступить. В итоге я привел его к переправе и, найдя пару бойцов с малиновыми петлицами, отдал немца им.

– Ребят, там у нас еще около двадцати пленных, будет с кем поработать, этого сильно не бейте, ладно?

– Ты чего, сержант, очумел, что ли? – уставились на меня оба бойца.

– Да видите ли, в чем дело... – я рассказал парням, что фриц сделал для меня, они тоже удивились, почему он не закричал или не стрелял, вроде прониклись.

– Ладно, передадим в особый отдел, ты зря, кстати, волнуешься. Никто их там не бьет, они, как правило, или на конвой прыгают, или говорят спокойно все, что их спрашивают.

– Да не то чтобы волнуюсь, враг он и есть враг, но вот как-то не хотелось бы, чтобы он сдох. Пусть в лагере посидит, поработает. Думаю, пользы больше будет, чем если просто

шлепнуть.

– Иди уже, жалостливый ты больно, – сказал один из бойцов, а стрельнув глазами по сторонам, добавил: – Да не болтай об этом, многие тебя не поймут, или сам в лагерь поедешь, или шлепнут.

– Да шлепнут меня в бою быстрее, но за совет – спасибо. Я хлопнул Макса по плечу и, кивнув, ушел. Надеюсь, доживет до нашей победы. Черт, вот же меня «прибило», слюни распустил, как... Так, надо срочно кого-нибудь убить, а не то и я в пацифизм ударюсь.

Вернувшись на позиции, что мы заняли после закончившейся атаки немецких танков, и узнав, что командир еще не вернулся, лег спать. Петруха нашел где-то шинельку и заботливо укрыл меня. Снилось какая-то хрень. Полностью «провалиться», как мечтал, не получилось, ворочался в какой-то полудреме. Проснулся с приходом Нечаева.

– Спишь, сурок? – легонько толкнув меня в плечо, улыбнулся командир.

– Ага, только сон какой-то хреновый. Как дела у нас? – протерев глаза, спросил я.

– В штабе думают об ударе по укрепленным пунктам, но после артналета.

– Ого. Чего, поверили фрицу, ну то есть Максу?

– Да, это и с их разведданными совпало, просто немец гораздо подробнее все указал, ты молодец.

– Это Макс молодец, надоело ему воевать, видимо, да и

недейный он, как мне показалось.

– Да, я ведь спросил его, он и служит-то всего два месяца, не врет, в документах так сказано. А ты чего же его особистам отдал на берегу?

– А что?

– Так его в штаб затребовали, отправили людей, а им наши сказали, что фрица уже «списали».

– Ой блин, мне теперь влетит...

– Да уже влетело. Мне за тебя перепало.

– Виноват, товарищ старший лейтенант, исправлюсь! – искренне брякнул я.

– Ладно, комдив не забыл, кто тут четыре дня фрицев давит чуть не в одиночку.

– Ой, да ладно уж, прямо «фрицедавителя» нашли, – скромно заметил я.

– А, забудь. Нормально все будет. Там куда хлеще дела обстоят. Меня комполка обматерил, что я все через его голову в штадив докладываю.

– Не, а чего он хотел-то? Такие сведения и нужно комдиву нести, чего сделает комполка, у которого от полка батальона уже не наберется?

– Так-то да, но устав никто не отменял, говорит, что выслуживаюсь.

– Дурак он. Кто если не он все сливки от наших удачных действий снимет? Ладно, в разведку кто пойдет? Дивизионные?

– Да решают еще, а ты опять сам хочешь?

– Ага, чего тут сидеть, слазаем, посмотрим немного, тут ведь рядом все, не в глубокий тыл идти.

– Не знаю, как бы не сорвать нашим операцию. Голову оторвут.

– Да мы аккуратненько, я тут вообще подумал...

– Ой, вот теперь точно не пушу, знаю я, что ты можешь придумать! – голос Нечаева вдруг стал строгим.

– Ты послушай сначала, чего панику поднимаешь.

Вышли с Петрухой, дождавшись темноты. Идея была в том, чтобы, переодевшись во вражескую форму, пройти ближе к немецким позициям. Пробрались к нейтральной полосе, условной, конечно, а дальше пошли во весь рост. Я был с немецкой винтовкой, Петя с МП-40. Проходим одни пустые развалины, другие, и тут вылезают они...

Немцев было четверо, все в камуфляже, с автоматами. Нас взяли на прицел, мы тоже отреагировали. Что-то крикнув на своем собачьем языке, стоявший ближе всех фриц опустил автомат. Я пробормотал известное мне «шайзе» и опустил винтовку. Что дальше произошло, вообще не понял. Петя шел сзади и, когда я лихорадочно соображал, что же, черт возьми, делать, напарник открыл огонь из автомата. Очнулся я, стоя на коленях и прижимая руки к животу. Немцы лежали в пяти метрах впереди, а сзади кто-то стонал. Повернув голову, увидел лежавшего на спине и что-то причитающего друга.

– Петь, – тихо протянул я, – ты живой?

– Отбегался я, командир. – Вижу, как тяжело даются ему слова.

– Братушка, выйдем как-нибудь, – я попытался встать, резкая боль пронзила живот с левой стороны. Меня скрутило, рухнув в грязь, сжался в комок.

– Петь, не молчи, я сейчас! – проговорил я и попытался ползти. Винтовку я бросил, на одних руках, ногами было почему-то больно двигать, я кое-как дополз до друга.

– Прости, братка, не знаю, как это вышло, испугался я, – простонал напарник.

– Куда тебе попали? – пытаюсь разглядеть в темноте хоть что-то, спрашиваю я.

– В грудь, покойник я. И тебе из-за меня прилетело.

– Тихо, лежи спокойно, я тебя дотащу. Нам бы отсюда только уползти. До развалин вон метров шесть всего. – Разрушенный дом и правда стоял близко, мы шли в его тени.

– Ты же сам встать не можешь, – шепчет Петя, и у него изо рта течет кровь.

– Блин, Петь, не умирай, мать твою, я тебя еще плавать не научил! – восклицаю я уже в голос, стало на все плевать.

Я попытался перевернуть друга на живот, чтобы подлезть под его руку, поднатужившись, удалось это проделать. Петя стонал, но не кричал, хотя я понимал, что ему очень больно, самому хреново, аж перед глазами круги. Сдвинувшись на метр, остановился, переводя дух. Петя дышит очень часто,

прерывисто. Делаю еще усилие и еще, вот уже дыра в стене, в подвал, наверное, на расстоянии вытянутой руки, и... Погасла даже та темнота, что была перед глазами.

«Что за серый потолок? – хлопаю глазами. – То есть как это? Я что, живой?» – одни вопросы. Но если есть вопросы, значит, и правда живой. А где Петя? Где я вообще? Поворачиваю голову, оба-на!

«Вот ни хрена себе сходил за хлебушком!» – На стене, что была в паре метров от меня, висел медицинский халат и два комплекта немецкой формы. Дернувшись от неожиданности, брюхо прострелило сильной болью. Скривился, но подтянуть ноги к груди, как хотелось, не удавалось, слишком больно было шевелиться.

«Твою мать, где я???» – заорал я про себя.

Откуда-то со стороны моих ног послышалось движение. Машинально открыл глаза, но оказалось, поздно. Прозвучало что-то на таком корявом немецком языке, что даже я сообразил, что он какой-то неправильный. Вошедший молодой мужчина, примерно лет тридцати, чисто выбритый, с зачесанными назад волосами, произнес повторно ту же фразу.

– Как же ты в школе учился, с таким языком? – шепотом произнес я.

– Не понял!!! – тут же выпалил мужчина.

– Чего, по-нашему понимаешь, гад? – проскрипел я.

– А где немец? – мужчина совсем потерялся и начал пя-

титься к выходу.

– Куда побежал, вражина, за хозяевами? – вдогонку бросил я. А плевать, все, что случилось, уже случилось. Если и будет хуже, то пулю-то я себе выпросить сумею.

Еще через пару минут в палату, а это была определенно не палатка, а настоящая палата, в госпитале похоже, вбежали уже трое. Один все тот же белохалатник, а вот двое других... Теперь я завис, причем наглухо. Вижу, что меня о чем-то спрашивают, а не слышу, в ушах стучит набатом и вдруг наваливается темнота. Конец первой серии.

Новое пробуждение принесло новые вопросы. Я нашел себя пристегнутым наручниками к каркасу железной кровати. Ладно хоть ноги не приковали. Я чего, убил, что ли, тут в беспамятстве кого-то? Осмотрелся, немецкая форма на месте, а вот халат пропал. Черт, что же тут происходит-то? Я во сне видел двух мужиков в форме НКВДэшников или наяву? Ответ появился спустя несколько минут.

– Ты меня понимаешь?! – раздался спокойный голос. Уверенно так, как будто не спрашивал, а утверждал, этот обладатель формы служащего особого отдела.

– Да, – коротко ответил я и чуть заметно кивнул.

– Хорошо, – заключил вошедший и задал новый вопрос: – Кто ты? – Хороший вопрос, как бы тебе ответить...

– Гвардии сержант Иванов, тринадцатая гвардейская дивизия, – ответил я, не став уточнять что-либо еще, и так много сказал.

– Кто-о-о-о??? – Кажалось, особист, или кто это такой, сейчас лопнет от возмущения. – И где же ты сейчас, по-твоему?

– Мне бы кто сказал, – ляпнул я и добавил: – Почему я знаю.

– Парень, ты хоть что-то помнишь, что с тобой произошло? Где ты был? Что последнее помнишь? – затараторил особист, но, надо отдать должное, тон его голоса изменился.

– Да фиг его знает, шли с Петрухой... Черт, товарищ...

– Батальонный комиссар Первушин, – быстро представился особист, фу, значит, все-таки у своих!

– Товарищ батальонный комиссар, со мной боец был, гвардии красноармеец Курочкин, его ранили серьезно...

– Очень тяжелое ранение. Без сознания, шансы – минимальны. Ты давай-ка о себе продолжай!

– Виноват. Вышли дозором, осмотреть подступы к укрепленным пунктам противника...

– А почему вы оба в немецкой форме были?

– Так надели специально, чтобы пройти проще было. И ведь далеко прошли.

– Что было дальше? – особист сел на стул и, достав папиросу, закурил. Увидев, как я глотаю слюну, комиссар вдруг встал и подошел ко мне.

– Курить хочешь? – спросил он и отстегнул мне руки.

– Товарищ батальонный комиссар, а зачем меня пристегнули, я что, на кого-то напал?

– Да за немца тебя приняли мои помощники. Пристегну-

ли и докладывать побежали, а мне вот интересно стало, что это у нас за фриц в госпитале лежит, что по-немецки не понимает.

– Это вы про доктора говорите? Так он на немецком говорит чуть лучше, чем я на китайском!

– А ты на китайском говоришь? – удивился, но тут же все понял особист, улыбнувшись, он протянул мне папиросу и, поднеся спичку, продолжил: – Так что же произошло, сержант?

– На немцев выперлись, лоб в лоб. Они нас спросили о чем-то, а дальше стрельба началась. Я пулю вроде словил, отключился ненадолго. Очухался, смотрю, фрицы «готовые» лежат, ну и мы...

– Больше ничего не помнишь?

– Пытался в развалины отползти, но вроде чуток не дотянул.

– Вас разведчики нашли, лежали в обнимку со вторым таким же, в немецкой форме. Думали, вы немцы раненые, притащили вас к нам. Обоих прооперировали.

– Как же это, товарищ комиссар? У нас что, немцев полудохлых лечат?

– Этим мы и отличаемся от фашистов. Врач осмотрел, сказал, что шансы есть, так чего бы не прооперировать. У тебя две пули в брюхе были, у напарника твоего одна, но в груди.

– Товарищ комиссар, – мне прямо не верилось в такое от-

ношение, а главное в то, что мне, выходит, верят, – и вы мне верите?

– Ну, сейчас, конечно, нет, но ты сказал свою фамилию и звание, отправим людей за кем-нибудь из вашего полка, если опознают... Что такое? – комиссар, видя, как я нахмурился, уточнил: – Что, могут не признать?

– Товарищ комиссар, нас пятнадцатого был полноценный полк, а к двадцатому мы в роте даже знакомиться перестали, несколько раз за сутки состав менялся. То нам подкрепление дадут, то наоборот нами кого-нибудь усилят. С твердостью могу сказать одно, если жив старший лейтенант Нечаев, командир роты, он точно подтвердит, – ну, уж Родимцева приплетать не буду, тот мог уже и забыть, хотя вряд ли, он и после войны будет в Сталинград приезжать, поминать своих бойцов.

– Ладно. Пойду, попробуем связаться с тем берегом, но связь тут...

– Понятно, – кивнул я.

– Двадцатого, говоришь, вышли в дозор?

– Вроде бы, точно уже не помню, товарищ батальонный комиссар, там как-то не до календаря было...

– Есть хочешь? – А у меня уже давно в животе урчит так, что на сирену похоже.

– Да, только можно ли мне?

– У доктора узнаю, пристегивать тебя не буду, не бежишь?

– До того берега мне не добраться, а больше мне идти некуда.

– Ну-ну, – удовлетворенно хмыкнул комиссар и вышел. Вот же блин, угораздило меня так попасть! И, конечно, я обалдел от комиссара. Думал все, сейчас меня немного побьют, да и лоб зеленкой смажут, а тут даже поесть предложил. Минут через двадцать появился врач в сопровождении бойца, наверное, надзирателя моего, и тетки, которая несла поднос с тарелкой, а не котелком. Поставив мне на ноги поднос, охранник с врачом предварительно меня подтянули, подложив подушку к спине, тетка начала было меня кормить.

– Сударыня, руки у меня вроде целы, мне стыдно, право слово, так вас утруждать, – завернул я, охранник только крикнул, врач ухмыльнулся, а тетка санитарка, залившись легким румянцем, проговорила:

– Да кушай уж, сударь, мне не сложно, – и запихнула мне в рот ложку с какой-то противнейшей бурдой. Видя, что я скривился, заметила: – Извиняй, сударь, но тебе пока разносолы нельзя, да и не будет до утра ничего.

– Спасибо, не обращайтесь внимания, привыкну, – я проговорил с набитым ртом и, прожевав, вновь открыл свою пасть.

Вскоре я, наконец, доел все принесённое, попил водички, еще и порошок какой-то дали. Посетители меня покинули, а я провалился в сон. Опять снились кошмары. Куда-то бегу, стреляю, тут же вижу, что за мной бегут какие-то дебилы в

тренировочных костюмах и ботинках на ногах.

– А, твою мать! – проснулся и выругался я. Напротив меня сидел давешний врач.

– Что, сон плохой? – как-то хитро спросил мужчина.

– Ага, снится всякая хрень, вообще не знаю про что и почему?

– А что значат слова, – врач на секунду задумался, но продолжил: – «В очередь, урки драные, в очередь!»

– Это что, я говорил? – Вижу, как кивает врач, я впал в ступор. Блин, наяву-то еле сдерживаюсь, а во сне-то как себя проконтролировать? Я ведь там эпизод из той жизни видел. Мне тогда лет семнадцать было, братишку у меня ушлепки какие-то побили, а я увидел случайно, ну и понеслось. Мне тогда тоже хорошо прилетело, но из пятерых троих я приложил на совесть.

– Говорю же, не знаю я. Доктор, у меня в личном деле есть выписка от военврача второго ранга Михайловского, амнезия у меня, вследствие контузии, это он так написал, а не я придумал.

– А где вы видели Петра Алексеевича? – удивился врач.

– В санбате под Камышином, мы тогда из окружения только вышли, я вообще как овощ был.

– Ясно, а я только хотел спросить, не было ли у вас контузии, а вы и рассказали. Остальные ранения я и так видел. Кстати, в ноге у вас что было, осколок?

– Ага, – кивнул я.

– Больно уж края неровные.

– Так я ножом его вытаскивал, а позже доктор на берегу рану расширял, чтобы вычистить...

– Как это ножом вытаскивал, сам? – уставился на меня врач.

– Да так, лежишь под обстрелом, какие уж тут врачи, нож полил спиртом, да и вытащил его, он не глубоко был.

– А обрабатывали чем? Тоже спиртом?

– Мочой, док, это ж самый лучший «обеззараживатель»!

– Народная медицина, ох уж мне ваши деревенские коновалы!

– Зря вы так, док, как же наши предки лечились, без городских врачей? – усмехнулся я.

– Вот и помирали в тридцать лет от такого лечения! – док свернул разговор, потому как появилась вчерашняя санитарка и принесла поесть.

В этот раз ел все-таки сам и с большим аппетитом. Съел все, до крошки, даже миску вылизал. Пить сегодня дали чай, даже с куском сахара, люблю сладкий чай, даже с медом пил всегда с сахарным песком.

После завтрака захотел слезть с кровати и сделать наоборот, да вот хрен там, только ногу свесил, как тут же скрутило.

– Экий ты прыткий! Куды собрался-то? – тетка сердито взглянула на меня и помогла закинуть ногу назад. – Что, до ветру захотелось?

– Ага, только вот не знаю как?

– В утку, как еще! Ну-ка, – тетка достала из-под кровати железную приблуду и ловко сунула ее под меня. Даже мысли не было терпеть, организм взял свое, и я быстренько опорожился.

После туалетных процедур меня оставили одного. Блин, забыл даже спросить, как Петро там? Жив ли хоть или уже... Только подумал, как появился вчерашний комиссар с дико не выспавшимся лицом.

– Здравия желаю, товарищ батальонный комиссар. Тяжелая ночь? – поинтересовался я.

– Здравствуй, сержант, и не говори. Фрицы в городе такое устроили...

– Совсем плохо?

– Держимся пока, насколько хватит, неизвестно. Ночью чуть КП армии не захватили, десант какой-то немцы запустили.

– Через овраг прошли? – спрашиваю я.

– Точно! А как...

– Да так и думал, что там могут ударить. Там стык у нас был, самое слабое место, нащупали, значит, суки?

– Что-то ты какой-то уж больно умный для сержанта, – задумчиво, настороженно так глядя на меня, произнес комиссар.

– А что, сержант должен быть тупым? – я усмехнулся. – Я вообще-то еще два дня назад, девятнадцатого сентября, вообще простым красноармейцем был, это комдив Родимцев

меня наградил, за ночную атаку.

– Вон чего, то-то я думаю, что это за сержант такой, о котором в штадиве говорят. Пропал, говорят, без вести, а так воевал хорошо...

– Это вы сейчас про меня? – не поверил я своим ушам.

– А вот не знаю, – развел руками комиссар, – я в штаб дивизии ночью переправился, хотел твоего ротного найти, как его?

– Нечаев, старший лейтенант Нечаев, – машинально ответил я.

– Во-во, Нечаева. Так и не смогли связаться, немец долбит как очумевший. Что мне оставалось делать, генерала Родимцева сюда везти, чтобы он тебя опознал?

– Нет, конечно. А у вас сроки горят? Я ведь никуда не сбегу, слезть-то и то не могу.

– Да не горит, конечно, но ясность бы хотелось внести. Напарник твой все так же, но врачи говорят, что если до сих пор не отошел, возможно, выкарабкается. Но не скоро, – порадовал меня комиссар.

– Жалко парня, такой боец хороший... Видели бы вы, как он танки немецкие бутылками жег, один за другим, ух!

– Что, много сжег? – заинтересовался комиссар.

– За три атаки, что особенно сильные были, пять запалил, там и другие ребята здорово отличились. Мы ведь вообще, как взводом попали, под началом Нечаева, так у нас взвод почти без потерь. В остальных народ косит, а наш держится.

За пять дней боев у нас столько людей поменялось, жуть... А в нашем взводе всего четверо погибло, и троих тяжелораненых в госпиталь отправили, остальные в строю. Правда, ранены-то были практически все.

– А сам ты, значит, ни танки не подбивал, ни офицеров вражеских не убивал и в плен не брал? – хитро так смотрит на меня комиссар, видимо, что-то накопал в штадиве.

– Да я чего... – замешкался я с ответом, но комиссар меня прервал.

– Если ты и правда тот сержант, которого командир дивизии вспоминает каждые пять минут, то ты и сам немало навоевал. – Я скромно опустил глаза, хотя чего уж врать-то, приятно, черт возьми, что аж комдив какого-то бойца помнит, да еще и вспоминает часто.

– Ладно, я пойду, надо прилечь, ноги уже ватные. К ночи попробую опять что-то разузнать, хотя я и просил в штадиве сразу связаться со мной, если установят связь с твоим ротным. Два дня назад, говоришь, рядовым был?

– Да, товарищ батальонный комиссар, именно так.

– Так уж четыре выходит, сегодня-то двадцать третье уже! – Черт, я не успел предупредить о самой сильной атаке фрицев, все думал подвести эти сведения так, чтобы решились, что я их у немцев добыл, для этого, в сущности, и на разведку-то пошел тогда.

– Это что же, я тут столько времени уже лежу?

– А ты что хотел? Вот разберемся с тобой, если все нор-

мально, хотя я уже и не думаю, что будет что-то не так, отправим тебя и напарника твоего дальше, в Саратов или Куйбышев.

– Товарищ комиссар, не надо меня никуда отправлять, пожалуйста, мне в город надо, там еще фрицев много, как же так-то?

– Да вот так! Станислав Игоревич говорит, два месяца минимум на поправку уйдет, это если осложнений не будет.

– Я раньше встану, – упрямо заявил я.

– Да можешь и раньше, да только пока заключение врачи тебе не вынесут, хрен ты куда денешься! Убежишь самовольно, объявят дезертиром, пока разбираться будут, тебя кто-нибудь шлепнет, как врага народа, усек?

– Усек, – кивнул я грустно. – Товарищ комиссар, вы же можете повлиять на доктора, скажите ему, чтобы отпустил сразу, как я смогу нормально ходить, я не подведу, клянусь! – чуть не прыгнул с кровати я, но, уже приподняв спину, все-таки не выдержал и упал на подушку.

– Выздоровливай давай, воин! Уговорил ведь, что-нибудь придумаем, – особист улыбнулся и... подмигнул мне. Я аж рот открыл от удивления, но сказать уже ничего не успел, комиссар вышел.

Лежать было ужасно скучно, хоть бы кроссворд какой-нибудь дали, не дождешься. На следующий день комиссар заявился еще до завтрака, с прекрасными новостями. Держится Нечаев, хорошо держится. Только вот оказалось, что это

не связь с ним, наконец, наладили, а просто чуть не весь наш крохотный состав дивизии воюет практически на берегу. Фрицы, как и в той истории, давят очень сильно. Комиссар сказал, чуть не полтысячи танков на нас идет в городе. Мне, кстати, и там в такое верилось, если честно, с трудом. Я просто думал, как, а точнее даже, где распихать в разрушенном городе сразу пятьсот танков, притом, что они еще и одновременно атакуют? Может, все же и правда, а может, просто я ничего не понимаю.

Комиссар нашел и лично встретился со старлеем, тот ему и рассказал обо мне, причем, вот ведь засранец, наговорил такого, что у меня от стыда уши краснели, когда мне комиссар пересказывал. Такое ощущение возникло, что я там, в городе, чуть ли не всей дивизией рулил, вот как Нечаев меня расхвалил. Сюда его комиссар не потащил, так поверил, говорит, вряд ли могут быть два таких схожих по описанию сержанта. Да и следы ранений сошлись, приметы то есть. Комиссар был доволен, видимо, не очень ему хотелось впросак попасть. Он ведь мне почти сразу поверил, хоть и вида особо не подавал, но то, что за врага или дезертира не считал, уж это точно. Комиссар обрадовал еще и тем, что начались подвижки с Петром. Вроде как в себя пришел, но обнадеживать зря не стал, отделался общими фразами.

Уговорил я все-таки и врача, и комиссара, чтобы похлопотал, меня не стали никуда увозить отсюда. Госпиталь ведь и так далеко от передовой, мы сейчас в Красной Слободе,

километров в двадцати от берега. Сюда даже вражеские самолеты не летают особо, наших самолетов хоть и мало, но есть, зениток опять же много, тут ведь войска стоят, артиллерия двух армий здесь. Часто доносится звук «Сталинских оргáнов», непередаваемое ощущение. От нашей гвардейской дивизии потихоньку остаются рожки да ножки. Хотя вон парнишку тут привезли, обгорел немного, он во взводе истребителей танков воевал. Пришлась моя тактика ко двору. Ее еще и расширили, дополнили артналетами, да и авиация немного помогает. Кто-то реально умный применяет мою задумку, адаптируя ее под каждый новый случай. Паренек рассказал, что танки сейчас немчура боится посылать числом менее двадцати штук. Такие колонны в мешок уже не возьмешь. Как запереть колонну танков, если последние две-три машины еще с места стоянки не двинулись, а голова колонны уже в бою давно.

Я вроде на поправку иду потихоньку. Пятое октября на дворе, почти две недели лечат уже. Вставать начал первого числа, сейчас все лучше, даже на улицу вылезая покурить, хотя и с трудом. А я ведь и правда – счастливчик! Две пули из брюха вытащили и удивились, что внутри ничего не порвано. Как говорят, не задето жизненно важных органов.

Петю увезли в Куйбышев, вместе с тысячей других бойцов, поправится, говорят, если повезет, может, и сюда приедет. Здесь ведь аж до февраля бойня будет.

Я в основном лежу, много читаю, врач подогнал несколько книг стареньких, вот и стараюсь отвлечься. В городе – АД, филиал преисподней. Войска каждый день переправляются, и каждый день обратно идут баржи с убитыми и ранеными. Потери – колоссальные, в голове не укладывается. В один из дней привезли и моего командира. Старший лейтенант Нечаев получил серьезное ранение ноги. Ладно хоть спасли, пилить не стали, это мне врач рассказал. Лешка орал благим матом, не давался врачам, все думал, что ему ногу отрежут. Но ничего, врачи справились. Осколок танкового снаряда попал старлею в бедро. Переломив малую кость, застрял в большой. Я пришел к нему через пару дней после операции, хотя ему их еще не одна предстоит. Лешка лежал в гипсе до самого паха и ругался. Когда, наконец, увидел меня, слезы брызнули у него из глаз, и старлей зарыдал как ребенок.

– Вот где встретились, значит, а я все думал, о тебе спрашивает особист или не о тебе. Видишь, вывели меня суки немецкие из строя! – Лешка продолжал ругаться, а я, подойдя к нему, просто сгреб его в охапку.

– Ну, здравствуй, лейтенант! – Оба заплакали и молчали. Тишина продолжалась минут пять, нам никто не мешал, а говорить было не о чем, все и так понятно.

– Наверное, тебя тоже в Куйбышев отправят, ранение серьезное, – предположил я.

– Да ну, здесь, может, отлежусь? – с сомнением произнес Нечаев. – Ты-то вон никуда не уехал!

– Да у меня так, пустяки... Петю туда отправили, может, найдешь его там, тогда хоть держи его рядом...

– Как же вы напоролись-то, у меня ведь до сих пор в голове не укладывается?

– Да как... Вышли на немцев, те спрашивают что-то, а я же ни бум-бум в немецком. Стою как дурень столбом, а чего делать – не знаю. Петя за спиной был, прямо от бедра дал очередь, но у тех-то же автоматы на нас смотрели, ну и...

– Как я не хотел тебя тогда отпустить, поддался...

– Не надо, командир, ты же знаешь, я не люблю, сами виноваты, точнее, я сам и виноват.

– Это ведь какие-то серьезные немцы были. Наши, которые вас нашли, рассказывали, что среди четырех трупов не было ни одного рядового, а старший вообще капитан.

– О как, спецгруппа какая-то, что ли?

– Видимо.

– Жарко там после нас было?

– Такое впечатление, что они весь свой вермахт на нас кинули. Жопа полная. Авиация долбит по домам, а танки с пехотой тем временем подходят чуть ли не вплотную. Только услышим, что самолеты улетели, поднимаемся, а нам в окна уже гранаты летят и из огнеметов стреляют. Бойцов столько зажарили, ужас просто. Мамлея помнишь, Василькова, ну, ему еще вместе с нами звание добавили?

– Конечно, помню, хороший парнишка, – кивая я.

– Прямо под струю попал, сгорел как спичка.

– Бля... – только и вырвалось у меня. Парнишка мне запомнился, скромный такой был, но воевал...

– Я сам его пристрелил, чтобы не мучился, он мне каждую ночь снится, ладно хоть не ругает, а спасибо говорит, но мне от этого не легче.

– Верю. Тоже всякая хрень снится, особенно как ребята кричат, когда их огнем жгут...

Помолчали. Нечаев вдруг попросил под подушкой посмотреть. Выудив оттуда фляжку, не пустую, кстати, подал старлею.

– Давай первым, я после тебя, – вернул мне фляжку Леха. Сделав пару глотков, коньяк, кстати, передал командиру. Нечаев глотнув, закашлялся и попросил убрать остатки обратно.

– Лех, ты тут только не спейся, лады? – усмехнулся я, убирая фляжку.

– Чем тут спиваться? – удивился он. – Это же еще тот коньяк, что ты мне сам и принес, у офицера забрал, забыл?

– Думал, тот ты уже оприходовал, – смеюсь я.

– Задолбал ты со своими словечками непонятными, – ругается, но тоже улыбается командир.

Навещал я его целых три дня, пока не появилась колонна машин и всех тяжелых увезли, включая и Нечаева. Я снова остался один. Выздоровление как-то застопорилось, постоянно болел живот, я уже и не ем ничего, как только что-то в желудок попадает, сразу болеть начинает. Грешу на коньяк,

мне ведь вроде нельзя было, а я аж два глотка сделал. Доктор ругался, когда запах почуял.

Только к двадцатому октября врач, наконец, сказал, что я здоров, сам я был ужасно зол от того, что как минимум уже неделю занимаюсь в полную силу. Отжимаюсь от пола, подтягиваюсь, бегаю. Исследовал уже все расположение, дошло до того, что местные особисты заинтересовались, кто это такой тут бегаёт, почему не на передовой. Отбоярился довольно легко, врач помог, но один из комиссаров особого отдела вдруг придумал, что я могу тренировать бойцов, которые находятся в резерве, пришлось заниматься. Мужики попались какие-то бестолковые, зачем нам это, чего мы, дураки, что ли, бегать тут, грязь месить и так далее. Пришлось с парой даже схлестнуться, хорошо, что рядовыми были, иначе за рукоприкладство можно было и под трибунал попасть. Так что выписки я ждал как никто. Капитана, что занимался распределением выздоравливающих, уговорил отправить меня в свою же часть, тот дал добро, и пока особый отдел не подсуетился, я быстренько отбыл на берег. Добирался пешком, никто не останавливался по пути, но я даже не устал, отдохнуть хорошо успел.

Выйдя на уже знакомый берег, я не узнал его. Техника, люди, такая суета здесь не стояла даже месяц назад, хотя и тогда казалось, тут был шалман. Показав выписку у ближайшей посуды, что производила погрузку людей для отправки на правый берег, я взошел на борт и расположился возле

левого борта, ближе к корме. Оружия у меня не было вообще никакого. Выходили на разведку в последний раз с немецким оружием, когда нас подобрали чуть живых, то все оружие разведчики себе прибрали. Жалко ножик складной, трофейный, он, блин, на все случаи жизни. Пока катер двигался, все думал, куда идти, когда высадимся, где и кого искать, блин, как-то настроение совсем не то.

На удивление, ни бомбежки, ни артобстрела во время переправы не было. Благополучно достигнув пристани, выгрузился и побрел к штольням, там где-то командование сидит, спрошу у каких-нибудь штабных, как мне быть.

Поднявшись по довольно пологой насыпи, уткнулся в развалины, блин, даже и не знаю чего. Невысокое здание с проваленным внутрь потолком смотрело на меня пустыми глазницами окон. Но привлекло другое. Слева от этой будки виднелось что-то похожее на блиндаж. Возле входа стояли два бойца, явно на карауле. Рядом еще кто-то кучковался.

– Здорово, бойцы! – окликнул я служивых, на меня уставились две пары глаз, явно не понимая, чего я их окликнул. – Мужики, я из госпиталя только. Предписание получил в свою часть, а где ее искать, понятия не имею.

– Какой полк? – спросил один.

– Сорок второй, гвардейский...

– Так вы из нашей дивизии, что ли? – удивился второй боец.

– Смотря какая ваша? Я в тринадцатой гвардейской вое-

вал.

– Точно из нашей, тут штаб дивизии, но вам, товарищ сержант, явно не сюда, ваш полк был где-то возле площади Девятого января. По крайней мере, я что-то такое слышал...

В этот момент открылась дверь, ведущая в блиндаж, и на воздух вышел какой-то военный. Лицо вроде знакомое, а как звать, не знаю.

– Здравия желаю, – я замешкался.

– Что, сержант, забыл, как обращаться к старшему комсоставу? – беззлобно так спросил вышедший, блин, да это же начальник штаба дивизии. Он тогда вместе с Родимцевым был, когда нам звания генерал дал.

– Виноват, товарищ полковник, сержант Иванов. Прибыл после лечения для прохождения дальнейшей службы.

– А-а. Гроза немецких танков? Теперь вспомнил, как здоровье?

– Да хорошо, товарищ полковник. Вот прибыл, а куда идти – не знаю? Не подскажите, где сорок второй полк сейчас?

– Эх, сержант... – горько произнес начштаба. – Знал бы ты, сколько от тех полков осталось...

– Как же быть-то? – растерялся я.

– Я сейчас в штаб армии, ты жди здесь, никуда не убегай. Скоро разведчики должны вернуться, дам тебе человека, проводят, а то в одиночку, не зная местности, тут уже не пройти. Либо на фрицев наткнешься, либо на мину, жди, понял?

– Да, – ответил я. Полковник убежал по делам, а я присел к ребятам возле штаба на пустой снарядный ящик.

– Слышь, сержант, а ты чего голый-то прибыл? Ни оружия, ни одежды толком нет? – здесь возле штаба крутились сплошь командиры, самый младший по званию был старшина, он со мной и говорил.

– Оружия нету, а ватник я в сидор зачихал. Решил, что если плыть придется, до без него легче, надо надеть, кстати, чего-то я замерз уже. – На улице и правда было прохладно, а я в одной гимнастерке и нательном.

– А это не тебя разведчики подобрали во фрицевской форме, возле универмага?

– Меня, – кивнул я, – а что?

– Да рассказывали просто, а вот и они, кстати, – старшина указал мне на группу бойцов, что живенько так спускались по насыпи, толкая впереди себя связанного немчика, офицера, кстати.

Разведчики уже было протопали мимо, а их старший подтолкнул пленного к блиндажу, как меня окликнули.

– Эй, парень, ты кто? – Я поднял голову и встретился взглядом с одним из бойцов.

– Сержант Иванов, а что?

– Лицо твое знакомо, мы не встречались?

– Не припоминаю, извини, – пожал я плечами.

– Сева, так это тот фриц, которого тогда ночью возле универмага подобрали и особистам доставили, с ним еще один

был, почти мертвый. – Все присутствующие переглянулись.

– Какой нафиг фриц, вы чего? – начал заводиться я, разведчики, все, за исключением командира, тот увел пленного, встали передо мной полукругом.

– Что здесь происходит? – внезапно послышался еще один голос. Разведчики отреагировали первыми.

– Товарищ полковник, да тут откуда-то фриц появился, которого мы в прошлом месяце возле универмага взяли и особистам передали...

– Взяли, чуть теплого нашли. Не сильно напрягались-то, наверное? – съязвил я. Ну не удержался, что теперь.

– Чего? – тут же встали на дыбы разведчики.

– Спокойно, Мальцев! Этого, как ты говоришь, фрица, комдив лично к сержантскому званию представил.

– Как это, он чего, перебежчик, что ли? – Разведчик, а тупой как валенок, подумал я.

– Он такой же фриц, как и любой из вас, – продолжил начштаба, это именно он вовремя подошел. – Сержант Иванов, второй батальон сорок пятого полка, Нашей дивизии вообще-то. Это именно он придумал, как немецкими трофейными гранатами танки в ловушки запирать.

– Да быть не может, как же так, товарищ полковник, – все-рьез расстроился разведчик Мальцев.

– Да вот так, ты отряди двух парней, пусть его к своим отведут, они где-то на площади сейчас, там возле дома еще одного сержанта, Павлова вроде.

– Понял, – опустил голову Мальцев, – я сам отведу. Пойдем, – это уже мне.

– Разрешите идти, товарищ полковник? – козырнул я и, после кивка начштаба, двинул за Мальцевым. С нами пошли еще двое, как сопровождающие.

Поднявшись на насыпь в районе Госбанка, точнее того, что от него осталось, я поравнялся с идущим впереди Мальцевым и тихо так, но всерьез сказал:

– Так это вы те доблестные разведчики, что нас с другом обобрали? – Мальцев кинулся на меня с места, даже без раскочки, видимо, только ждал случая.

– Что ты сказал, гад, я тебя сейчас здесь закопаю и скажу, что так и было, – он схватил меня за грудки.

– А чего ты разошелся-то? Думаешь, свои вещи требовать стану? Винтовку с пистолетом вы, скорее всего, сдали, хотя винтовка на роте числится, а вот мой складешок кто-то из вас себе взял, ну да ладно, чего уж там. Только обидно, уж разобрались же, чего ты на меня бычишь-то? В одной армии служим, а ты как не русский? – Удар под дых прилетел как-то быстро и не сильно. Но пришелся он аккурат в швы на брюхе, как-то нехорошо мне стало, чуть не «поплыл».

– Заткнись, гад, не доводи до греха? – А меня вдруг тоже зло взяло.

– Эй, мужики, кто вам такого неуравновешенного командира дал? У вас, наверное, и языки-то не доживают до допроса? – Снова удар, на этот раз в лицо. Сплюнул, крови не

увидел и глянул в глаза Мальцеву.

– Ты кто по званию? – Тот держал руку на замахе, готовый ударить вновь.

– Чего? – удивился Мальцев. Стоявшие сзади и оглядывавшие округу бойцы не мешали.

– Ты чего, глухой? – грубо бросил я.

– Я гвардии лейтенант, как ты вообще смеешь мне «тыкать»?

– Ну ладно, лейтенант, трибунал так трибунал... – вздохнул я и без замаха, хлестко, открытой кистью пробил разведчику в пузо. Лейтенант сжался, согнулся, захрипел. Витиевато выругавшись и посмотрев на меня, открыл рот.

– Ты чего сделал-то, гад? – хриплым, севшим голосом проговорил разведчик.

– А что, не нравится сдачи огребать, так я могу и добавить! – усмехнулся я, снимая с плеч сидор.

– Я тебя порву сейчас! – вскипел Мальцев и бросил свой автомат.

– Э, командир, ну-ка хватит уже! – это внезапно ожили два сопровождавших нас бойца. – Ты сам сейчас на трибунал заработаешь, чего ты к нему привязался?

– Молчите! Вы чего, не видите, что ли, что он издевается надо мной? – обратился к парням их командир.

– Ну, хоть и взяли мы все себе, все равно отдавать не будем, трофей и есть трофей! – «вылез» один из бойцов.

– Какие же это трофеи? Вы и со своих снимаете, что ли? –

усмехнулся я.

Дальше все пошло как-то быстро. Сначала я отбил удар Мальцева и ударом кулака в грудь отправил его на землю, затем меня схватили сзади на удушающий, и пришлось повертеться, чтобы вылезти. Пробить локтем в корпус так, чтобы отпустили, явно не получилось бы, ватник на разведчике штука толстая, ударил головой. Повезло в том, что державший меня парень был чуть выше меня, затылок прилетел ему аккурат в нос. Издав вопль, боец меня отпустил, а я, уходя от удара третьего разведчика, ушел в кувырок. Не успел выпрямиться, когда метрах в тридцати разорвался снаряд, или мина, черт ее знает. Все попадали на землю и стали отползать. Услышал только вслед:

– Лучше сдохни побыстрее, а то поможем!

– Сами будьте здоровы! – крикнул я, отползая в сторону развалин, в надежде укрыться от обстрела. Все-таки это были мины. С воем они шлепались где-то на улице и лопались, разлетаясь осколками по округе. Черт, чего я привязался к этим разведчикам? Сам не понимаю. Возможно, сыграла именно наглость, с какой те разговаривали со мной. Еще с той жизни ненавижу наглецов. Да понимал я, конечно, что ничего они мне не вернут, но зачем было борзеть? Сказали бы просто, парень, да, мы себе взяли, ты был почти трупом, а то начали выделываться, да ты фриц, да это трофеи, да мы тебя захватили... Ну, чего они так себя повели, а? А и фиг с ними, доложат, отвечу. Но, конечно, ситуация мне не понра-

вилась, ругаемся со своими, когда враг рядом, неправильно это.

Перебежками от кучи мусора к куче пробирался в сторону площади Января, примерно помню, где она. Прошел уже метров триста, когда окликнули:

– Стой, стрелять буду!

– Стою. Дальше чего?

– Кто таков?

– Сержант Иванов, в сорок второй полк иду, дорогу подскажите?

– Пришел считай, здорово, Саня! – услышал я второй голос. Приглядевшись, из подвала показались три человека. Двое страховали, не вылезая на улицу, один пошел ко мне.

– О, здорово, Вань, вы тут, что ли, стоите? – я узнал паренька. Когда-то мы с ним и еще двумя бойцами лазали к немцам со взрывчаткой.

– Да тут. Ты из госпиталя? Ротного видел?

– Да, оклемался, вот удалось вернуться, несмотря на некоторое противодействие со стороны дивизионной разведки.

– Чего случилось? – удивился Иван.

– Да, поспорили немного о том, что считать трофеями. Они говорят, что даже если с нашего бойца снимают что-то, притом, что тот живой, то это все равно трофей. Я не согласился, немного пободались.

– Ясно, слышали уже про такое, кто-то с ними сталкивался уже. После атаки наши боеприпасы собирали, появились

какие-то непонятные ребята и давай трупы шмонать, причем и наших, и немцев. Тоже тогда подрались.

– Ясно. А старлея нашего в Куйбышев отправили. Нога у него плохая, весь в гипсе, нескоро восстановится. Просил все, чтобы здесь оставили, но врачи настояли, пришлось ехать.

– Ясно, тебе, наверное, к командиру надо, у нас теперь новый и в роте, и в батальоне.

– И как?

– Да вроде ничего мужик, капитан, после госпиталя к нам попал, сам просился в Сталинград, это уже кто-то рассказывал, говорят, что слышали, как он у комдива просился его взять. А батальонный жестковат, опять же, «радио» сообщило, что разжалованный из полковников. До майора понизили и пихнули на наш батальон, вроде как под Харьковом начудил чего-то.

– Ладно, разберемся.

Меня проводили до наблюдательного поста, где находился командир роты, увидев мужика, я аж крякнул. И где такого «откопали-то»?

– Здравия желаю, товарищ капитан, разрешите доложить?

– Слушаю, – капитан сидел за столом над картой, подняв голову, он кивнул.

– Сержант Иванов, явился после излечения, прошу зачислить в роту. До ранения командир первого взвода вашей роты.

– Вот блин-блинский! – крикнул капитан, поднимаясь и протягивая мне руку. – То не одного взводного, а то девать некуда. Черт, мне только вчера лейтенанта молоденького дали, место занято, сержант...

– Да я не претендую, готов служить, кем поставите, ну, кроме повара, конечно. А то боюсь, после моей стряпни, меня тут же пристрелят, – смеюсь я, а ротный подхватывает. Когда он вылез из-за стола, я подивился пуще прежнего. Роста в командире метр восемьдесят, может, восемьдесят пять, привычный вполне, но вот блин в ширину... Этакый Шварценеггер в юности. Хотя мужик был постарше меня, лет тридцать пять, наверное.

– Отлично, что не стал настаивать, думал, уже придется объяснять, что командиром взвода должен быть военный, в звании от младшего лейтенанта и выше. Молодец. Какая-то специальность есть? – В этот момент за моей спиной раздались шаги и в комнату подвала, откинув ширмочку, кто-то протиснулся. Капитан кивнул, а я, полуобернувшись, увидел нашего политрука, живой, стало быть.

– Вот это номер, Иванов, откуда ты взялся? – распахнув объятия, двинулся ко мне наш политический руководитель.

– Да все оттуда же, с того берега вестимо! – козырнул я, но политрук уже обхватывал меня своими руками. Ответил на приветствие, надо же, как человек проникся, а раньше я за ним не замечал такого к себе уважения.

– Поправился? Когда пришел? Нечаева видел? – вопросы

сыпались как из пулемета.

– Поправился, только пришел, Алексея на днях в Куйбышев увезли.

– Что, товарищ политрук, хороший боец к нам вернулся? Я у него спрашивал, есть ли специальность...

– Специальность... есть у него специальность... Специалист по созданию проблем, лучше него и не найти. – Я аж подавился слюной. Вот это поворот.

– Вот как, и кому он проблемы приносит? – с подозрением спросил ротный.

– Немцам, конечно, кому же еще? – рассмеялся политрук, а я, наконец, начал дышать. – А вообще, лучшего бойца в роте и не было никогда, да и в батальоне, наверное! – вот как мне польстил политрук. Не зря он мне всегда нормальным мужиком казался.

– Так это же очень хорошо! – воскликнул капитан. – А то все один молодняк. Ты вот что, сержант, взвода для тебя пока нет, хотя, наверное, понимаешь, что это ненадолго.

– Понимаю, – заполнил я паузу, что взял капитан.

– Так вот, займешься молодыми. У тебя и опыт, и звание, хоть немного, но надо бойцов подтянуть. Ведь ничего не умеют. Оружие вроде чистят, а бой начнется, то у одного осечка, то у второго. Постоянно патрон перекашивает в автомате, гранату тут один кинул, немецкую, а взрыва нет. Спрашиваем, как кидал, оказалось, шнурок не дернул. Все деревенские, крепкие, но вот знаний катастрофически не хватает.

– Ясно, с каким взводом сложнее всего?

– Сержант, у тебя имя-то есть? – перебил меня капитан.

– Александр я.

– Тезка значит, хорошо. Ты думаешь, что у нас тут взводов, как в мирное время?

– У нас два было, когда меня «хлопнули». Около сорока человек на всю роту.

– Так мы еще и богачи! – капитан глянул на политрука, а тот кивнул. – У нас пятьдесят два бойца.

– Ты гля, как у вас тут богато, – смеюсь я и, вскинув руку к шапке, продолжил: – Разрешите выполнять?

– Давай, Саня, почти весь состав в этом доме, точнее развалинах, конечно.

– Он у нас еще и снайпером был, хорошо стрелял, – вставляет свое веское слово политрук.

– Да мне до снайпера, как до Пекина раком, – и увидев застывшие лица командиров, рявкнул: – Виноват. Опыта в снайперской стрельбе имею очень мало.

– Тридцать восемь подтверждённых солдат и офицеров противника. Это мало? – удивляется политрук, вот гад, Петькин блокнот нашел. – Это сколько же снайперу убить надо, чтобы опыт появился, по твоему мнению?

– Тут просто практика нужна, постоянная. Ну, и обучение, конечно. Я ведь ни в маскировке, ни в передвижении ни в зуб ногой. Только и могу, что более или менее удачное место найти да выстрелить пару раз.

– Так, скромность всю на потом оставим. Винтовки пока все равно у нас нет, сделаю запрос, может, и пришлют.

– Вы, товарищ капитан, запрос будете делать, скажите, что в дивизионной разведке есть винтовка, лишняя она у них, да и числится, кстати, на нашей роте.

Мы еще минут пятнадцать дискутировали, я рассказал командиру и политруку свою историю, ругались, конечно, на разведку, я, по их представлениям, поступил вполне верно. Только надо было начштабу дивизии это доложить, вот были бы тогда разборки.

Пошел знакомиться с бойцами. Хоть и молодые, и деревенские, как капитан сказал, но ребята мне понравились. Моим преимуществом был возраст, а также то, что политрук был со мной и объяснил ребятам, чем я буду с ними заниматься. Недовольных нашлось всего двое. Разглядев их получше, понял, бывалые, опытные. Только не в боях бывалые, а в тюремных законах. Как они тут оказались, удивился, но политрук позже мне объяснил, что всякие люди попадаются. Эти конкретно сидельцами были, но еще до войны, в армию попали добровольцами, так что я даже проникся к ним уважением. Небольшим. Если не «кончатся» в первом бою, то потянутся к занятиям, ненужному я учить не стану.

Ночь прошла тревожно, немцы долбили часов до трех, под утро удалось даже поспать. Проснувшись, меня разбудил боец и сообщил, что ждут у ротного, я быстренько собрался и прибежал в подвал к командиру. Каково же было мое удив-

ление, когда мне вручили «мою» винтовку, вон на ней звездочки нацарапанные вижу.

– С утра политрук вышел на улицу, а винтовка возле входа стоит, к стене прислоненная.

– А часовой не видел ничего, – продолжил я.

– Мы на улице не выставляем, внутри сидит и вход под прицелом держит, вот и не видел.

– Это, кстати, зря, – открывая затвор и проверяя винтовку, сказал я, – гранату закинут, и всем амба!

– Это если подойдут так близко, – ответил недовольно ротный. – Винтовка твоя?

– Да, сейчас почищу и проверю, в порядке ли. – Я вышел и занялся винтовкой. Эти ухари тихушные в магазин грязи натолкали, не поленились ведь.

– Как же они винтовку-то решились вернуть, почему только ее? – вышедший следом за мной капитан задумчиво разглядывал, как я чищу оружие.

– Так я им сказал вообще-то, что винтовка записана на роту, вот и подбросили. А ведь получается, не сдали они ее, раз смогли забрать.

Позже только выяснилось, что на самом деле это начштаба дивизии распорядился вернуть. Политрук случайно потом узнал. Винтовка была в порядке, как и говорил, только грязи набили в нее, ну и прицел сдвинули. Патроны нашел у соседей. В доме поблизости квартировали моряки с Балтфлота, у них, блин, наверное, есть все на свете. Нашел себе патронов

и побрел на пристрелку. Позади наших домов-руин нашел местечко, где под пулю никто не попадет, сделал десяток выстрелов, поправив прицел. Убедившись, что с винтовкой все в порядке, вернулся к ротному.

– Товарищ командир, разрешите обратиться? – козырнул я.

– Говори, – кэп отвлекся от бумаг.

– Разрешите на охоту прогуляться.

– Чего? Какую охоту? Ты что, головой ударился? – засыпал меня вопросами капитан.

– Нет, хочу немного фрицев пощипать за волосатый сосок.

– Твою... – ротный чуть не упал со стула, ржал как конь. Чего я такого смешного сказал?

– Так что? – поторопил я.

– Политрук мне рассказывал, что у вас с Нечаевым особые отношения были. Я, конечно, этого не поддерживаю, субординацию надо соблюдать, но индивидуальные действия по нейтрализации противника в принципе одобряю. – Вот, блин, завернул. Нет бы просто сказал, сходи, Саня, завали пару гансов, так нет, умничать вздумал.

Одному было стремновато, но здесь хорошо знакомых почти не было, двинул в одиночку. Зашел по пути к моремамам, поинтересоваться решил, они ребята наблюдательные.

– Здоровы будьте, товарищи водоплавающие! – поприветствовал я «Черную смерть».

– И тебе не хворать, «степной орел», – подхватили юмор с ходу балтийцы. – С чем пожаловал?

– Да хотел поинтересоваться, может, сами наблюдали или слышали от кого-нибудь о снайперах немецких?

– Да есть тут такое местечко, в соседнем дворе и шагу ступить нельзя. Там двор на площадь выходит, стреляют с противоположной стороны, откуда точно, никто не видел. В нужник как выскочишь, того и гляди, как бы не пристрелили.

– О как, а в штаб докладывали?

– Конечно, присылали тут двух шустриков, винтовки, как у тебя, с оптикой, да только одного из них застрелил немец, второй еле ушел, раненый.

– Ну, так пойдёмте, покажите мне местечко, посмотрим, что это там за уникам такой завелся, прям какой-то неуловимый демон.

– Смотри, паря, уж больно стреляет он лихо...

Мне показали нужный двор. Местность была, конечно, еще та. Чтобы отстреливать противника, лучше бы сидеть где-нибудь внизу, но вот выследить снайпера... Вернулся к мореманам и выпросил лишнюю каску и веревку. Подобрал по пути обломок какой-то доски и закрепил каску на ней, с помощью веревки смогу поднимать ее так, чтобы самому не отвлекаться. Хотя это так, вряд ли клюнет, но я и рассчитываю немного на другое. Черт, как же без Пети плохо, он бы мне сейчас так помог...

Я медленно пробирался по второму этажу дома, крыша

и третий этаж у которого полностью отсутствовали. Показывая врагу каску, приподнимая ее над проломами и в оконные проемы, я как бы показывал направление своего пути. Выстрелов не было, как я и думал. Если он меня видел, то ждет, когда я появлюсь в большом проломе дальше по этажу. Там зияла огромная дыра, и незаметно мне там не пройти. Без бинокля мне совсем было туго, и как же я обрадовался, когда услышал сзади тихий свист.

– Паря, «глаза» нужны? – спросил меня матросик, что решил сюда забраться.

– Иди и сам сюда, сможешь, – махнул я ему рукой.

– А меня этот не пристрелит? Я это, не боюсь, конечно, да только уж больно смерть какая-то глупая, что ли.

– Не бойсь, меня же не убил еще, он не видит, что происходит внутри. Здесь ведь никого не убивали?

– Внизу и вон там, – матрос подполз ко мне и указал на угол дома, что был дальним от нас.

– Ясно, смотри сюда...

Я пояснил морячку, что хочу сделать. Тот подобрался к краю большого пролома и начал вытягивать руку с доской. Я наблюдал за противоположной стороной площади, поэтому не видел, насколько высунул каску моряк. Выстрел прозвучал резко и неожиданно. Матрос выматерился, а я в бинокль, кажется, заметил вспышку. Угол противник выбрал такой острый, что хрен ожидаешь атаки с такого ракурса. Он находился под углом в сорок пять градусов к нашему дому,

и меня не удивило то, что моряк, подобравшись ко мне, показал доску, в которой была дыра в нескольких сантиметрах от его пальцев. Этот чертов снайпер стрелял не в каску, а правее, надеясь попасть в тело. Вот же умная сука попалась, ладно, значит, мне нужно к Павлову, из его дома я смогу его выпasti, как пить дать.

Попрощавшись с моряками и поблагодарив смелого матроса, я вернулся к пехотинцам третьего батальона, что держали Дом Павлова и один из соседних. Попросил дать сопровождающего. Те немного поартачились, все спрашивали, на фига я туда лезу, пришлось объяснять, но все-таки человека дали. До дома-то я и сам бы добрался, хоть и простреливается здесь все кругом, но вот чтобы свои в доме не пристрелили, мне и нужен был человек, которого знают в доме.

Что творилось в знаменитом Доме Павлова, в двух словах не объяснить. Туда-сюда снуют бойцы, местные жители тут же чай пьют в подвале, а наверху стрельба идет. Хорошо они устроились, но вот местных жалко, как они не боятся, уму непостижимо. Поговорил с Яковом, ничего парнишка, смелый, умный, но горячий немного. Тот посоветовал мне идти к его снайперу, тот наверху, на чердаке себе гнездо свил. Крыши у дома уже не было, но чердак был завален обломками, и среди них можно было затеряться. Осмотрев все это великолепие, я спустился с чердака и расположился на верхнем этаже. Приглядел окно, обзор меня устраивал, и начал вести наблюдение. Достал приготовленный блокнотик и ме-

тодично начал заносить в него все, что я наблюдал у немцев. А картина была интересная. Немцы снуют серыми мышками по ту сторону площади, занимаясь своими делами. Не прошло и получаса, как далекий свисток обозначил начало новой атаки. Немцы подбирались под прикрытием двух танков, что-то мало как-то, где у них вся техника-то? Из дома, где я находился, открывали стрельбу. Танки огрызались, от стен летели куски выбитого кирпича и штукатурки. Кто-то что-то орал в доме. Хлопали противотанковые ружья и раздавались пулеметные очереди, прям веселье у них здесь. Но почему-то у меня сложилось мнение, что фрицы словно и не хотят дом захватить. Или это я сравниваю с нашими атаками? Как-то неохотно они идут, без огонька. Одному танку распустили гусеницу, машину развернуло под углом в сорок пять, и он принялся лихорадочно стрелять, наверное, сейчас механик вылезет, лапти обувать будет. Ну-ка, ну-ка, посмотрим. Пока танк стоит бортом к дому, пэтээрщики пытаются его зажечь. Стреляют часто, но такое впечатление, что слишком торопятся и плохо целятся. Блямс, раскатилась вторая гуся, а вот теперь фрицы уже точно не будут ее одевать, драпанут скорее. Точно, отстрелив из мортирки на башне сразу четыре дымовых гранаты, танкисты затянули машину плотным дымом. Ребята еще стреляют просто в ту сторону, где был танк, в надежде в кого-нибудь попасть. А ведь немчура не сваливает, второй танк спрятался в этом же облаке, добавив от себя пару гранат. На буксир берут, гады, уверен. Вдруг вижу,

как из нашего дома побежали, но потом залегли и, энергично двигаясь, сверху ящерицу напоминая, поползли к дыму бойцы. Им оставалось метров двадцать, когда один из них привстал, поднял руку с бутылкой в руке и... Упал, опрокинутый пулей. Бля, какого хрена я на него-то смотрел, а-а-а, дурень чертов. Взглянул в прицел, осматривая позиции напротив. Где ты, сука? О, а это что такое? Метров в десяти от разрушенного позади здания двинулась куча мусора. Сдвинулась всего на несколько сантиметров, но я заметил. Там только что прошли из пулемета, фонтанчики поднимались очень близко к тому, что укрывалось в этой кучке. Я стал вглядываться, как неожиданно для меня в мусоре сверкнула короткая вспышка, точно, эта гадина еще кого-то зацепила. Ствол у меня уже точно смотрит на стрелка, уж теперь-то я уверен на все сто, что там стрелок, не зря я разглядывал эту кучу мусора. Танки тем временем поползли назад, атака захлебнулась. Немцы, как я и думал, взяли разутую машину на буксир и поволокли ее к себе. Куча мусора оставалась на месте. Я никуда не спешу, я обязательно тебя подловлю. Правда, червячок совести грыз потихоньку, я-то наблюдаю тут, а парней внизу могут, как зайцев, перестрелять. Но снайпер больше не стрелял, наоборот, я вдруг отметил про себя, что ствол винтовки уже смотрит ближе ко мне, то есть перед кучей мусора.

«А, так ты домой собрался? Что, писать захотелось, а мог бы и как я, вывалил прямо лежа, да и сделал дело!» – Это

я не сейчас, было как-то, но в принципе я прав. А иногда можно и вовсе под себя, если нет возможности сдвинуться. Каждое движение может стать последним. Поймав в прицел кучу, прикинул, откуда видел вспышку. Взяв чуть-чуть ниже и правее, нажал на спуск. Выстрел звонко хлопнул в пустом помещении, а я, выбрасывая гильзу, уже менял позицию. Этот черт опытный, может не дать мне выстрелить второй раз. Заняв новую позицию, уже в обломках на чердаке, нашел кучу и удивился. Та явно приближалась к немецким позициям. Стрелку оставалось едва ли метра три, и он будет в траншее. Блин, я же видел, что попал? Хотя видел-то я, что попал в кучу, а не в человека. Сопровождаю прицелом, палец в любой момент готов нажать спуск.

«Ага, ну и хитрый же ты, сукин сын, да только тут раньше не было меня!» – подумал я и усмехнулся. У фрица явно был «колпак». Это такая заслонка, иногда и правда бывает как колпак. Из металла или из бетона, хотя последний тяжелый, его используют стационарно. Замаскировав колпак под кучу мусора и выставив наружу только ствол и прицел, стрелок может получить пулю, только если ему попадут в прицел, а это очень-очень сложно. Если бы дом был еще на пару этажей повыше, можно было бы стрельнуть в спину или в ноги на худой конец, но с такой высоты его от меня хорошо укрывает его заслонка. Но так как расстояние здесь левое, я все-таки попробую, когда он вернется. Уверен, новое укрытие он изобретать не будет. Снайпер тем временем, видимо, сполз в

немецкую траншею, а чуть позже исчезла с бруствера и куча мусора. Впереди был вечер, интересно, вылезет ли сегодня этот упырь?

Не вылез. Я пролежал до самой темноты. Фрицы еще раз предпринимали атаку. Два раза обрабатывали дом артиллерией, черт, страшно было. Долбят суки из чего-то большого. Дом не просто ходит ходуном, он, казалось, качается, как на канате висит. Амплитуда колебаний вверху выше, трясет изрядно. Я опять на верхнем этаже, убрался с чердака еще в прошлый обстрел, да так и не поднимался. Часов в двенадцать ночи ко мне пришли бойцы от сержанта Павлова.

– Товарищ сержант, отдохнули бы, сколько вы так уже лежите? – бойцы сочувственно смотрели на меня. – У нас каша с тушенкой горячая и чай!

– Вы еще скажите, с сахаром! – усмехаюсь я и обрываю смех от вида парней. Те лыбятся и щурят глаза.

– Обижаете, товарищ сержант, конечно, с сахаром. Пойдете?

– А, уговорили, черти полосатые, кормите меня, а то с голоду сейчас умру. Как в госпитале утром чаю попил, больше еще ничего во рту не было.

– Так пойдемте скорее, бабоньки у нас кашу сварили, все уже поели, один вы да часовые остались.

– Да хватит мне выкаты-то, нашел генерала! – серьезно замечаю я и, встав, ухожу с парнями.

Как же охренительно пахнет свежесваренная гречневая

каша с тушенкой. Я, казалось, вообще забыл, где я нахожусь и что делаю. Плотно поужинав, я даже не заметил, как вырубился.

Разбудил меня грохот взрывов. Оказалось, что уже светает, и я, наглец такой, продрых всю ночь. Поднявшись из подвала на первый этаж, застал картину «Приплыли». Возле дыры в стене, через которую есть выход в траншею, ведущую на наши позиции, лежали два человека, один явно «готовый», да и второй не жилец уже. Картиной было то, кем были эти люди. Это были давешние разведчики, с которыми я сцепился по прибытию в город. Мертвым был тот, которого я ударил головой, разбив ему нос, вон он у него какой огромный. Чуть теплым был сам лейтеха, их командир. С ним разговаривал Яков, разведчик еле дышал, но что-то еще пытался сказать. Я присел перед ним и заглянул в глаза. Парень подавился на полуслове и выпучил глаза.

– Где их накрыли? – спросил я у Павлова, не надеясь узнать что-то у разведчика.

– Да в пятидесяти метрах отсюда, опять этот говнюк вылез! Сука, никак не поймаем... – разочарованно махнул рукой сержант.

– Сержант, ты ведь снайпер? От выхода на десять часов, там где-то. Когда Володька упал, я вспышку видел... – Я кивнул, показывая, что понял. – Прости, сержант, как-то неправильно получилось тогда, я был неправ, – рука лейтенанта опустилась в карман и поднялась снова, уже не пустой. – Это

твое, возьми и...

Лейтенант умер. Я не испытывал к нему вражды, поцапались и поцапались, бывает, если честно, так и забыл я уже то, что у нас произошло. Но то, что он меня узнал и вернул мне нож, заставляло подумать, что совесть у него была, и он отдал бы мне этот сраный складешок, если бы встретил меня, будучи живым.

– Пойду, надо уже «заземлить» это говно, что там болтается! – бросил я и пошел. Пошел я не наверх, а к выходу из дома. Возле пролома в стене остановился.

– Слышь, сержант, у тебя гранаты есть дымовые?

– А то как же! Как начали нас учить немцам капканы устраивать, так и выдают теперь регулярно. Есть и наши, и немецкие. Много надо?

– Скажите пожалуйста, «капканы»! – усмехнулся я.

– А ты думал. Один сержант из нашего полка придумал, он танков столько сжег таким макарон, ни один бронбойщик столько не сжигал. Чего тут смешного? – увидев, как я смеюсь, Яков чуть набычился.

– Без меня меня женили, называется! И сколько там танков я сжег, наверное, штук сто? Или сразу двести? – видя растерявшегося сержанта, я поспешил его успокоить: – Да расслабься ты, половину того, что ты слышал, вранье, пропаганда. – Я подошел ближе.

– Чего, правда, ты придумал? – не веря смотрел на меня во все глаза Павлов.

– Да не бери в голову, просто попробовали с парнями, получилось удачно, а командиры раздули из этой мухи слона. Они такого в штабах наговорят, только слушай. У немцев тут танков, говорили, больше пятисот штук было, и все одновременно наступают, вот ты как, видел тут хотя бы сотню, чтобы лезла на тебя одновременно?

– Нет, самое большее, пятнадцать штук шло, кое-как отбились.

– Вот! А тут ведь у тебя даже не улочка, где не развернуться, вон у тебя какая площадка перед домом. Пустили бы сотню, если им так твой домик нужен, да раскатали бы в блин.

– Слышь, паря, ты хоть еще кому не скажи такого, а то... всякие люди есть вокруг, – взяв короткую паузу, после добавил сержант.

– Ладно, так что, поможешь?

– Что требуется?

– Надо гранаты запустить, думаю, трех штук хватит, видел, какой у них дым получается.

– Куда кидать-то?

– Метров на десять от дома, в направлении на девять, десять и одиннадцать. Понятно?

– Еще бы, ты выйти хочешь и позицию занять, чтобы этот фашист не увидел.

– Ага, да только боюсь вот, как бы не спугнуть мне его, дымом-то...

– А мы тебе поможем, – видя теперь мое удивление, про-

должает сержант, – мы прорыв изобразим...

– Э, нет, плавали – знаем. Пока я там этого говнюка отловлю, вы тут перед домом все и ляжете!

– Да не будет никакого прорыва, не бойся! К нам, когда боеприпасы несут, мы так и делаем, немцы уже привыкли. Могут из пушки разок шлепнуть, или миномет почавкает. Кстати, тебя бы на улице не зацепило. Они ведь могут в дымято и пострелять.

– Теперь ты не бери в голову. Меня там не будет.

Сидя в траншее, в которую я попал через лаз в подвале, я ждал. Сержанту нужно было время, чтобы подготовить отвлекающий маневр. Погода сегодня просто диво как хороша. Холодное октябрьское солнышко поднялось над развалинами и освещало уже всю площадь. То, что нужно. По словам лейтенанта разведчика, он видел вспышку слева, то есть на западе, надеюсь, что у этого упыря-снайпера бликанет оптика, и я это увижу. Я собирался проползти метров тридцать вправо, там стоял остов сгоревшей машины, место вполне подходящее. Когда полетели гранаты и началась стрельба, я рванул в сторону машины просто как змея. Виляя задом, я сокращал и сокращал дистанцию. Уйдя из спасительного дыма, я оказался в траншее, что шла по нашей стороне площади. Пробежав по ней метров десять, начал выбираться наружу. Тут немчура начала стрельбу. Вялый обстрел велся из двух пулеметов, главным оружием у немцев сегодня стали минометы. Один из разрывов был впечатляюще близко. Да-

же показалось, что видел разлетающиеся осколки. Вот, наконец, остов машины, блин, тут еще и трупик зажаренный внутри, бр...

Я превосходно видел всю площадь и даже был ближе к немцам, чем к своим. Вчера они лазали где-то рядом с этим местом. Сейчас, впрочем, я не наблюдаю движения справа от себя. Зато впереди... Снайпер был опять в колпаке, или не знаю, что там у него, но я разглядел бесформенную кучу мусора, не стал он сегодня изобретать ничего нового. Дым от гранат уже развеялся, солнце вновь заливало площадь своим уже не греющим теплом.

Выстрелить я мог уже давно, но все еще размышлял, как сделать это наверняка. Стрелок уже один раз сдвигался за прошедший час и дважды выстрелил. Я надеюсь, что мне не придется сегодня краснеть за то, что кто-то умер из-за моей нерешительности. Я реально искал возможность поразить противника единственным выстрелом, но как ни старался, одного не получилось. Все произошло спонтанно. Метрах в пятидесяти от меня раздалась долбаная трель долбаного немецкого свистка. Солдаты вермахта, под прикрытием в этот раз только артиллерии, двинули на штурм. Бежали они сегодня намного увереннее, чем вчера, что это, накачка сверху? Или шнапса приняли чуть больше и осмелели? Так или иначе, но стрелок отметился в третий раз, а я, наконец, понял, что тот чуть сдвинулся, подставляя мне левый бок. Мой выстрел совпал с сотней других и утонул в эхе разрывов пу-

шечных выстрелов. Снайпер противника, получив пулю, а я в этом был уверен, поняв, откуда к нему прилетела смерть, развернулся лицом ко мне. Мне в прицел были превосходно видны блики его оптики, и я, наконец, решился. Решился потому, что уже привык к этой винтовке. Привык к ее немецкой точности и безотказности. Выстрел. Пока винтовка возвращалась на место, я потерял наблюдаемый мной ранее блик прицела. Вглядевшись в кучу мусора, я понял, что вижу чуть вздернутый ствол винтовки врага. По самолетам мы не стреляем, да и не летали они сегодня еще, значит... Я решил подождать, почему-то подумалось, что если фриц не вернется к своим, то за ним придут. Каково же было мое удивление, что за стрелком прибежали сразу трое уже через полчаса. Тремя быстрыми выстрелами я положил всех троих, но опять не хотел покидать позицию. Патронов у меня еще штук двадцать есть, жаль терять позицию и прикормленное «рыбное» место.

Примерно за час я расстрелял все патроны, промахнувшись всего три раза, интересно, зачтут ли мне сегодняшней, уничтоженный почти взвод противника? Да нет, конечно, кто это видел-то? Да и по фигу так-то? Просто узнав, что у меня есть счет, за которым, оказывается, следят, подумал, что увеличил его сегодня изрядно. Не хватает еще того, что меня как в кино решат сделать лицом пропагандистской газеты, вот уж хрен вам по всей голове.

Когда вернулся в дом, оказалось, время уже два часа дня.

Вот это да, мне казалось, что я провел на площади пару часов, а оказалось полдня. В Доме Павлова бойцы не были полными ротозеями и прекрасно видели, как у фрицев «кончатся» солдаты. Возможно, именно благодаря Павлову, или кому-то из его бойцов, мне позже официально засчитают одиннадцать трупов врага плюс одного матерого снайпера. Ребята даже ходили на его позицию ночью, но винтовку так и не нашли, зато приперли тот самый колпак. Это было что-то напоминающее колесный диск и полусферу одновременно. Сталь толщиной миллиметров десять, наверное, хорошо защищала стрелка. Принесли также кусочки разбитого стекла, что явно свидетельствовало о разбитом прицеле. Вот так, словно в кино, я грохнул к бениной маме какого-то специалиста.

К вечеру я вернулся на КП нашей роты, где меня уже искали с собаками. Ротный поворчал немного, но успокоившись, заставил все расписать в отчете. Писал два часа. Отоспавшись, принялся за подготовку бойцов. Бегать, к сожалению, здесь было негде, да и вражеские пули со снарядами и минами как-то не располагали к пробежкам и занятиям физкультурой. Показывал и наставлял людей, как нужно обихаживать вверенное оружие. Оказалось, что им тут до сих пор никто не подсказал, что в диск ППШ нельзя пихать патроны битком. Половина осечек и перекосов патрона были именно из-за этого. Еще были регулярные утыкания патрона, оказалось, банально забит грязью весь механизм подачи. Пара ре-

бят вообще никогда не чистили винтовки, на вопрос «почему?» ответили просто:

– Так, когда стреляешь, грязь-то и вылетит.

Вот с такой железной логикой и пришлось бодаться. Урки, ну или просто «бывалые» люди, оказались вполне неплохими вояками, знающими толк в оружие. Почему вначале возмущались? Так это у них просто привычка из мирной жизни, бывалые люди всегда возмущаются на попытку кого-то ими управлять, ничего, лечится и такое. Один из них, кстати, оказался хорошим стрелком. Сидел до войны именно за браконьерство, просто, когда охотился незаконно, застрелил кого-то в лесу, вот и сел. Дал ему свою винтовку попробовать, у мужика получилось очень даже хорошо. Поговорили с ним, решил натаскать его в этом деле немного, сколько сам знаю. Хотя чего я там знаю-то. В теории что-то есть, а в практике... Все на удачу как-то, ну не совсем без расчета, но все же знаний у меня в этом деле мало.

Чуток попрактиковался в рукопашном. Оказывается, здесь, кроме как боксом, ничем больше не увлекаются. Странно, да дурак еще и ляпнул бойцам, что, дескать, бокс не лучшее, что есть из боевых искусств. После наезда, невсерьёз, конечно, пришлось показывать, что делать против боксера. Парень, что отстаивал бокс, занимался им, может, и серьезно, но видимо недолго. Двух ударов провести не смог, рухнул от банальной подсечки, причем я даже не напрягался. А вот когда вызвался паренек, занимавшийся до войны

борьбой, пришлось вспомнить самбо. В обоих поединках не было побежденных и победителей. Я всего лишь обозначал движения. Когда уронил одного из «сидельцев» и обозначил удар в грудь, тот вдруг спросил:

– Сержант, а разве такой удар поможет вырубить врага? – нормально так спросил, без подначки.

– А ты думаешь, нет?

– Ну, мало ли, здоровый попадется, ему в грудь бить все равно, что в стену.

– А вот так? – я обозначил тот же удар, но уже со штыком в руке.

– Так это же с ножом! – удивился парень.

– А кто говорил, что нужно всегда с голыми руками идти? Я же объясняю, нужно думать. Если я имею возможность выдернуть нож быстрее, чем ты меня сможешь ударить, на фига мне затягивать поединок, могут ведь и друзья врага подойти, с автоматами. Тут нужна скорость и быстрая реакция. А когда просто дерешься, то в грудь бить не надо, но тоже все зависит от конечной цели.

– Как это? – чуть не хором спросили бойцы.

– Перед тем как влезть в поединок, ВСЕГДА нужно знать, КАК ты хочешь его завершить. Если я показываю вам какой-то прием, я ведь не собираюсь никого из вас убивать, правильно? – Ребята кивнули. – Вот. Если я оказываюсь втянутым в драку, то бью или беру человека на болевой, мне важно показать противнику, что я смогу его осилить.

– Ну, есть такие люди, что и после десяти ударов в нос продолжают лезть в драку, – заметил кто-то.

– Да, есть упрямые. У таких людей сильное самолюбие, он не может проиграть, поэтому, даже получая по голове, упорно лезет вперед и падает, только чуть живым. С такими нужно бороться немного по-другому. Если человек этот ваш товарищ, или просто вы не в бою, соответственно, об его убийстве не может быть и речи. Тут нужна нейтрализация. К сожалению, некоторые даже после проведения болевого приема вскакивают и продолжают переть буром, таких немного, все-таки в основном люди понимают цену собственной жизни, но все-таки... Подойди, боец, как тебя?

– Красноармеец Приходько, – представился боец.

– Нападай, – предложил я, он был как раз таким, видно по лицу, упрямый как танк.

Парень вскинул руку, обозначив удар в лицо, именно обозначил, ибо ударом это не назовешь. Блокирую его правую руку своей левой и наношу, обозначаю, конечно, удар ребром ладони в правую подмышечную впадину.

– Вот так, если удар будет достаточно хлестким, пусть даже и не очень сильным, можно хорошо «отсушить» руку, повиснет плетью. Можно сделать по-другому, бей, да нормально бей, чего ты мямлишь!

Новый взмах, и, отбивая удар, одновременно подныриваю и разворачиваюсь, беря в захват руку и одежду в районе поясницы. Парень летит через бедро, а дальше следует боле-

вой.

– А теперь, поясню, чем отличается болевой прием от нейтрализации противника, – я обозначаю нажим на руку бойца, – одно короткое движение, и его рука сломана. То есть, если вам надо образумить упрямя, и вы точно уверены, что удар его не остановит, перелом конечности здорово отрезвляет любого настырного противника. Это может быть палец, рука, нога, голова, ну, последнее, перебор, конечно, но все же.

– Товарищ сержант, а как взять на болевой проще всего, ведь он же не будет ждать, пока я проведу все эти приемы? – опять один из «сидельцев».

– Для остановки упорного можно поступить вот так, – встаю в стойку. – Нападай! – Приходько бросается на меня, но видимо даже не решил, как будет бить. Сначала взмахнул левой, затем правой, а потом вдруг оказался пойманным за пальцы правой руки. Я едва смог удержать себя от того, чтобы не сломать парню пальцы.

– Я могу сломать его пальцы одним движением, ползет он дальше на меня? – Одобряющий шум голосов.

Тренировку прервали немцы. Опять пошла атака на Дом Павлова, и пришлось занимать позиции. Мы тут как бы во второй линии, но все же. Вновь полетели пули, густо, громко. Разорвались несколько снарядов, бумкают гранаты. Вдруг среди всего этого шума войны доносится знакомый звук.

– Ура-а-а! – Вижу в дыру в стене, как из соседнего дома в

сторону площади устремляется горстка людей.

– Вот debil! – в сердцах вспыхиваю я. – Ну куда вы бежите взводом на атаковую роту, поддерживаемую танками???

Слышу, как рядом кто-то матерится, повернув голову, с удивлением обнаруживаю рядом политрука. А он ведь с нами уже воевал, знает, что я на дурака не лезу, вот и молчит, не оговаривает. Но рядом оказался не только он, но и капитан, а вот тот принял решение противоположное моему мнению.

– Вперед, за Родину, за Сталина! – Твою мать, ну откуда вы такие повывлезали-то? Хотя он, конечно, прав. Дело в том, что если уж полез один дурак вперед нахрапом, нужно его поддержать, иначе все потери впустую. А если рванем мы, да еще взвод или два, глядишь и опрокинем фрицев. Выбежав из дома, замираю у стены, а я-то идиот, куда побежал, дали винтовку с оптикой, так и работай! Упав на грудь кирпича, осматриваю поле боя. Черт, скоро смешаются все, и будет не до стрельбы. Ловлю на мушку первого немца, о, не прогадал, блеснул серебром погон, выстрел. Магазин опустошил быстро, буквально секунд за пятнадцать, убрал вроде бы троих. Началась рукопашная. Хорошо, что на поддержку безумного взвода побежали не только мы. Рубилово пошло жесткое, танки противника не стреляют, как тут определишь, в кого стрелять. Откладываю винтовку в сторону, в надежде, что сюда не прилетит шальная мина или снаряд, беру в левую руку лопатку, во вторую нож и бегу впе-

ред. Черт, даже не заметил, как и меня охватила эта страсть. Бегу и не знаю, куды именно бечь-то. Вокруг просто свалка, пока размышлял кому помочь в первую очередь, очутился в полукольце и отнюдь не товарищей по оружию. Прямо передо мной, припав на одно колено, огромный, просто неприличных размеров фашист вгонял длинный штык-нож в кого-то из наших бойцов. Штык даже звенел, пробивая живот бойца и, видимо, утыкаясь во что-то на земле. По обе стороны от этого Конана-Варвара находились два оруженосца, невысокие, щупленькие, но их двое плюс громила, а я как-то один оказался. Все вокруг машутся каждый со своим противником. Немцы сообразили быстрее и кинулись на меня. Дистанция была около двух метров, практически дотянуться можно. Ухожу чуть в сторону, чтобы фрицы помешали друг другу, и встречаю первого. Приняв на лопатку, отбиваю удар ножом и тут же бью сам, один готов, но я не успел вытащить штык. Приседаю, практически прижимаюсь к земле и наотмашь бью лопаткой перед собой, пытаюсь, ну даже не знаю, рассечь что ли врага. Лопатка, не находя цель, пролетает впустую, и я оказываюсь в очень неудобном положении. Оставшийся щуплый фашист размахивает перед собой штыком, за ним уже поднялся громила, бляха, какой же он огромный-то! Делаю нырок и, кувырнувшись через плечо, встаю в нижнюю стойку. Лопатка уже в правой руке, мелкий фриц прыгает ко мне и утыкается в лопатку, я рубанул наискось сверху вниз. Не рассчитал немного, у меня в руке ни фи́га

не катана. Лопатка застревает в голове фашиста, а я остаюсь совсем пустым против самого здорового противника. Меня выручает случай. Кто-то из парней, оказавшись в этот момент рядом, бьет громилу прикладом автомата, дурень, раз держал его в руках, надо было просто стрелять! Немец, получив в левое плечо увесистый удар, вскидывается, повернувшись ко мне правым боком. Прыгаю вперед и приземляюсь обеими ногами фрицу на чуть отставленную правую ногу. Кажется, даже слышу хруст коленного сустава, но фриц в это время разворачивается, и его правая рука делает широкий жест, а в ней, блин, целая сабля. Просто падаю назад, но чувствую, как ватник на груди расходится под лезвием штык-ножа. Упав на спину, ухожу в сторону, кувырнувшись. Не успеваю подняться, получаю плюху в голову от кого-то слева и, рухнув на землю, уже не успеваю сгруппироваться. На меня кто-то прыгает, вышибая остатки воздуха из груди. Пытаюсь перевернуться, но на спину опять кто-то падает, только теперь уже явно случайно. Через секунду понимаю, на мне труп, опять кручусь, работая руками и ногами, и наконец, вылезаю. Увернувшись, просто вовремя увидел удар от ноги фашиста, бью этому футболисту, пытавшемуся пробить пенальти моей головой, по ноге. Тот падает, и рядом оказывается его рука с зажатым в ней ножом. Вскокиваю и, топнув по запястью, обезоруживаю очередного противника, но нож не поднимаю, разглядев на пузе лежавшего кобуру. Фриц, падая, удобно так раздвинул ноги, туда и пробиваю носком

сапога. Противника сгибает от боли, и своим криком он перекрикивает всех окружающих. Наклоняюсь к нему, благо никто не помешал, и, расстегнув кобуру, выхватываю парабеллум. Рывок затвора на себя, из экстрактора вылетает патрон, черт, патрон был в патроннике, я, наконец, оглядываюсь, пытаюсь оценить масштаб сражения. Вокруг меня продолжаются схватки, громилу со сломанной ногой кто-то все же добил, хотя рядом с ним лежат двое наших, неподвижно лежат. Всаживаю пулю тому, у кого и забрал этот пистолет, а затем просто добиваю магазин, стреляя в серые шинели. Когда пистолет опустел, увидел, что и другие бойцы, наконец, обрели здравый смысл и начали стрелять, у кого было оружие, конечно. Через полминуты на площади остались только советские бойцы и по нам тут же ударили пулеметы и винтовки врага. Попадав кто сам, а кто и с помощью вражеской пули, мы начали отползать, теряя людей. Догадавшись, вытащил дымовую гранату и швырнул себе за спину, подождав чуток, пополз дальше. Когда уже были возле своих траншей, разорвались первые мины, но свою кровавую жатву они собрать уже не успели.

Подводя спустя час итоги печальной вылазки, недосчитались примерно половины бойцов. Сколько удалось отправить на тот свет врагов, представления не имел никто. Появившийся комбат, на удивление, похвалил всех за выручку и боевое братство, но тут же посетовал, что пополнения не будет. Вот так, того, кто первый позвал людей в атаку, уже

не найти, а я бы с ним поговорил. Раненых было много, кого не порезали, был просто избит, у меня целиком был испорчен ватник. Располосовали мне его знатно, занятно, что гимнастерка под ним была цела. Болело все тело, отдыхал, лежа в подвале на паре досок, и обдумывал драку. В нашем взводе не досчитались шестерых, канул в небытие подопытный по рукопашке Приходько, «сидельцы» живые, но изрядно потрепанные.

– Вот, командир, чуть бы пораньше нам учиться начать, может, так же, как ты, смогли бы вертеться, – заявил кто-то из ребят.

– Если бы у меня раньше был пистолет, я бы вообще не дрался, а сразу бы стрелял. Блин, ну кто же у нас такой бестолковый-то? Надо же лезть в драку под прицелом немецких пулеметов!

– Известно кто, – опять тот же голос, – командир второго взвода. С ним уже не первый раз так, и опять потери большие.

– Он живой, видел его кто?

– Вроде бы видел, как его ротный песочил, – вставил свое слово один из «сидельцев».

– Пойду и я добавлю, тем более нашего не видно, взводного, то есть надо у ротного посмотреть.

– А наш того, при отходе пулю получил, прям в башку. Теперь только по одежке опознать можно.

– Твою мать, ладно, отдыхайте, хлопцы, я скоро.

У капитана и правда, были разборки. В комнате стоял дым коромыслом, ротный и политрук песочили молодого лейтенанта, как оказалось – заводилу. Этот доблестный засра... драчун, в общем, уже не в первый раз устраивает вылазки с рукопашной. Пользуется тем, что комбат вроде как его хвалит, дескать, бьет фашистов в хвост и в гриву, а то, что и от наших бойцов ничего не остается, скромно умалчивают.

– Товарищ капитан, разрешите присутствовать? – вошел я и, доложившись, попросил разрешения остаться.

– Заходи, сержант, ты вовремя. С дымом ты настолько вовремя подсуетился, что просто слов нет.

– Ладно хоть вспомнил, – буркнул я.

– Чего делать будем, рота полностью потеряла боеготовность, а если через час приказ о наступлении? – капитан смотрел на ухаля из второго взвода.

– Да вот пошлем в атаку лейтенанта, пускай он фрицев кулаками в землю вбивает, вдруг батальон пехоты положит? – всерьез говорю я.

– Ты чего? – подал голос комвзвода два.

– Да помолчи уж, а то мы выйдем сейчас, тебе сержант объяснит, как людей беречь! – Ого, ай да политрук, вот это сказал так сказал. – С кем в бой пойдешь, лейтенант? У тебя от взвода пять человек, у сержанта...

– Семнадцать, взводный погиб, – вставляю я.

– Я и говорю, у сержанта, принимай взвод, Иванов, недолго ждал, благодаря таким вот храбрецам! – капитан смачно

выругался.

– Принял уже. Санитар перевязки заканчивает.

– Много раненых? – спросил политрук.

– Хватает. «Двухсотых» шестеро... – Твою мать... осекаюсь я.

– Каких? – хором разинув рты, спрашивают капитан с политруком.

– «Двухсотых».

– Как это? – опять хором.

– Ну, мёртвых, значит. Безвозвратные потери...

– Первый раз слышу, чтобы так называли! – выдохнул капитан.

– Я тоже не понимал, когда услышал как-то, потом сам сообразил. Раненые – «трехсотые». – И как выкручиваться?

– Ладно, как жить-то будем? – капитан закончил допытываться и в свою очередь ждал предложений.

– Да, как и раньше, только думать головой надо и... – я посмотрел на взводного-два, – ...убрать от командования всяких недисциплинированных.

– Пьяниц! – поддержал меня политрук. Ха, а ты это еще о чем?

– Товарищ капитан, товарищ политрук, да я для храбрости, чуток всего! – завопил лейтеха.

– Твоя храбрость дорого обходится роте. Вообще-то это трибунал, но у нас... – политрук выделил голосом и указал на лейтеху, – ведь командир батальона в родственниках.

Оказалось, протекцию лейтехе составлял командир батальона. Даже более того. Комвзвода-два был зятем командира батальона. А чего, хорошо устроился. В армии начальство ценит таких, кто может снять часть забот с командиров и организовать всех и вся. Но приближенные к старшим командирам бойцы сами особо не любят ручки пачкать.

– Может, нам все-таки выйти? – вновь предложил капитан. – А ты, – кэп показал на меня, – объяснишь лейтенанту, как нужно служить на войне. – Вот это у нас отношения, как с равным по званию разговаривают со мной.

– Да не надо никуда выходить, – повернул голову к лейтехе я, – слышь, военный, еще одна такая вылазка, я тебя на месяц в госпиталь отправлю, – вполне всерьез проговорил я.

Надо отдать должное, лейтенант не стал кочевряжиться, просто промолчал тогда, ответит он мне чуть позже, но это будет потом.

Выйдя от командиров, не успел отойти, как меня окрикнули.

– Сержант, Саша? – я повернулся, капитан и политрук стояли возле входа на КП и смотрели на меня.

– Слушаю, – чуть подтянувшись, ответил я.

– Ты где так драться научился, заглядение просто? – спросил капитан.

– Так немцы научили...

– Чего? Как это немцы? – охренели от услышанного оба командира.

– Да вот так, жить захочешь – научишься! – ответил я.

Ночью на нашем участке обороны фрицы взяли таймаут. Видимо, мы тоже им неплохо вломили, раз успокоились немного. Только «люстры» подвешивают, а стрельбы нет совсем. В такой тишине аж в ушах звенело, я почему-то не мог уснуть. Ворочался с боку на бок, размышляя. Ну, вот, сколько таких кумов, сватов и прочих... родственничков служит сейчас в армии. Неужели все они так хотят выслужиться? Хотя, помня, сколько в двухтысячных годах будет всевозможных полковников и генералов, участников войны, становится понятным, как они столько прожили. У меня вон четыре деда на войне. Один без вести пропал в сентябре сорок первого, один в декабре, то есть уже скоро, будет тяжело ранен, но будет на фронте до конца войны. Третий связистом дойдет до Австрии, победу там застанет и вернется домой без царапины, а последний и вовсе служит портным у одного из действующих генералов. Так вот, даже те из дедов, кто и войны-то как таковой не видел, и то покинут этот мир меньше чем через тридцать лет. Им всего-то будет чуть больше пятидесяти. Ран нет, болезней врожденных нет, а умрут рано. А эти, герои, блин, чуть не до ста будут жить. Вот, конечно, мое это мнение, и как любое личное мнение может быть ошибочным, но все-таки считаю, что реальных боевых офицеров в двухтысячных годах должно было быть намного меньше. Ведь сказывается все, и ранения, и сдавшие нервы. А те, что еще живы в двадцать первом веке, обычные

тыловики, за малым исключением, конечно.

Уснул только после трех утра. Забывшись от усталости. Немцы разбудили нас сегодня поздно, часов в девять. Тоже устали, видимо, а может, потери большие, им тоже достается в последние дни всерьез. Наши долбят их и авиацией, и артиллерией, раздвигая прибывающие части, не давая концентрироваться. Но скоро с этим начнется напряг. Скоро уже наступление, снарядов здесь будут выделять мало, а авиация будет прикована к земле плохой погодой. Уже сейчас такая облачность, что темно, как в 3... в одном известном месте, в общем. С утра такая была чудная погодка, а к вечеру не пойми чего.

Около десяти вызвал к себе капитан.

– Слушай, сержант, нам приказ из штаба полка, надо проверить пару домов. Разведка боем...

– Молочный, а еще какие? – интересуюсь я.

– Э-э... Так те, что рядом. Один слева, другой сзади, – удивился капитан, конечно, но не стал вдаваться в подробности.

– Я и так скажу. Там везде немцы. Численность каждого дома-гарнизона до двух взводов пехоты, хотя теперь, может, и поменьше быть. Минимум две самоходки типа Stug, упрятаны позади «Молочного», прилично так замаскированы. Дальше в конце квартала забор, отделяющий «железку» от города, сразу за ним танковый взвод, Т-4, если быть точным. Что вас конкретно интересует?

– Ты сейчас тут с кем разговаривал? – спросил ротный, когда я остановился. И чего они меня постоянно так спрашивают?

– Докладывал, товарищ капитан.

– Откуда сведения? – насупился наш политический.

– Из лесу вестимо... Виноват, товарищ политрук. Когда «охотился», приглядел.

– И что будем делать, товарищи командиры? – задумчиво спросил политрук.

– Доложим, а там куда кривая выведет! – улыбнувшись, ответил я.

– Может, артиллерию запросить?

– Тут мы, по крайней мере, знаем, что там у них есть, а если ударим, то они залягут преспокойно, а еще хуже – ответят. И останется нам просто сдохнуть, пропустив противника по своим трупам. Как-то это уж больно расточительно... – закончил я свою речь.

– Эка ты завернул! – восхитился политрук. – Вроде сначала думал, что трусишь, а у тебя дальний прицел...

– А то, товарищ политрук. Если нас тут в землю втопчут, кто врага-то остановит, командованию еще резервы дергать, так нет их уже, все выгребли.

– А это-то откуда знаешь? – хором спросили командиры.

– Так пока на том берегу был, много видел, а слышал еще больше.

– Ясно, я доложу, – начал капитан, – что в результате раз-

ведки установлено нахождение фрицев в указанном квадрате...

– Добавьте еще, мало ли, неизвестно кому придется штурмовать «Молочный», там подвала нет, и пушки у фрицев стоят на прямой наводке. Если занять дом, нас в нем и похоронят, немцам он не уперся, это и так видно. А накапливаться они могут и возле железки, да и просто за руинами домов.

– Вот, капитан, я не удивлюсь, что он с тобой скоро местами поменяется... – кивнув своим мыслям, произнес политрук.

– Какими местами, товарищ политрук? – я сделал самое невинное выражение лица, на какое только был способен.

– А думаешь, я не знаю, кто при Нечаеве все операции планировал? – хитро ухмыльнувшись, подмигнул мне политрук.

– Зря вы так, я же всегда только приказы выполнял, ну, обсуждали с командиром некоторые моменты, а вы – операции...

– Ладно, забыли. Я вот чего хотел сказать, командир, – перевел разговор на другую тему политрук, – если нас на «Молочный» пошлют, как выкручиваться будем? Не пойти – расстрел, пойдем – ляжем все!

– Не знаю пока, доложу, может, что-то подскажут в штадиве, вызывали-то сразу к комдиву. Вы тут тоже поразмышляйте, уверен, сержант у нас чего-нибудь обязательно придумает.

«Вот, бя, сели и поехали, только ножками болтают!» — мысли лихорадочно бегали, пытаюсь зацепиться хоть за что-нибудь.

Отпросился на НП. Час наблюдений принес мне немного. Немцев возле злополучного «Молочного» дома как грязи. А ее много. Хуже всего, что и в соседних домах тоже противник закрепился, скрытно подойти будет невероятно трудно. Площадь хоть и позволяет наступать довольно широким фронтом, но все же... Эх, хреново было из-за флангов, нужно требовать, чтобы атака шла и с флангов тоже, причем дом штурмовать нашей ротой, а еще две нужно заставить пробиться дальше, к железнодорожной насыпи и обломкам забора. Да вот кто же нам даст три дома штурмовать тремя ротами? У нас и в одной-то меньше двух взводов, так кто же будет все остатки тратить на в принципе не нужные дома?

При довольно слабой артиллерийской поддержке с левого берега Волги на штурм бросили наших соседей, из третьего батальона. Там численность была выше, мы пока сидим, подкрепление обещали. Выдвинули на штурм «Молочного» дома все две роты, на бумаге, конечно, там бойцов по факту всего сотня. Ребята пошли вроде грамотно, но едва достигли стен нужных домов, понесли огромные потери. Немцы долбили в упор из всего, что было под рукой, а было у них немало. Танки, самоходы, минометы и, конечно, множество пулеметов. Я отпросился и издали хоть немного пострелял, снимая одиночных немцев, что попадали в поле зрения. Хо-

рошо, что наступающим выдали приличное количество дымовых гранат, ребята хоть отойти смогли, потеряв половину товарищей в этом, не совсем нужном бою.

Вечером ротный сообщил, что ночью должно прибыть подкрепление, ждем, стало быть, мы явно будем следующими, кого кинут в эту мясорубку.

На следующий день, с обеда, точнее около трех часов дня, началась наша артиллерийская подготовка. С левого берега ударили щедро, долбили минут двадцать, «катюшами» и гаубицами. Еще не успел отгреметь последний снаряд и пыль плотно висела над площадью Девятого января, как позади нашего дома раздалось рычание моторов. Выглянув из окна второго этажа, увидел картину. Целых четыре КВ, три «тридцатьчетверки», два грузовика с пехотой и прицепленными орудиями сзади, да не «сорокапукалки», а грабинские, семидесятишестимиллиметровки. Орудий всего два, но и это хлеб. Откуда только, где столько урвали? Да и вообще, нам ли все это богатство?

Оказалось, нам. Что ротный наговорил в штадиве, что уж там насочинял, но нам прислали небольшое подкрепление и артиллерию с танками.

– Ну что, сержант, а так, – капитан оказался вдруг рядом и показал на новоприбывших, – прорвемся?

– Думать надо. – Блин, ну что я опять-то умничаю, «думарь» хренов, ротный с сержантом уже советуется, довыдывался. Хотя, если вспомнить слова Жукова о сержантах,

то вполне себе и нормальная ситуация. – Главное, в одиночку в лобовую не посылать.

– Да что же мы, совсем дурные? – капитан аж подавился от мысли потерять такое богатство.

– С соседями говорили? – продолжил я.

– Да. Танки к ним и пойдут, а мы отсюда, по прямой.

– Опять в лоб?! – поник я.

– Сержант, а чем ты все недоволен? Можешь предложить что-то дельное? Предлагай, изучим и примем решение.

– Немцы за нас не принялись бы, вот что главное! – вздохнул я и, козырнув, вышел в соседнее помещение.

Что же делать-то? Я прекрасно представляю свои, да и вообще шансы пройти через площадь. Еще с прибытия сюда, в город имени Сталина, постоянно ловил себя на мысли, что меня пугает отрешенность людей. Даже те, кто уже сталкивался с войной, бился с врагом, все равно вели себя слишком пассивно. Основной настрой у бойцов был такой, посадите меня, куда надо, и покажите, в какую сторону стрелять. Нет, это был не страх, не трусость или малодушие, так уж приучили этих людей, у нас ведь партия все знает, а простому работяге или колхознику не об этом думать надо было, а как семью свою содержать. Попав на войну, они не перестали мыслить так же, как и раньше, именно поэтому с инициативой было грустно.

Думай, голова, думай. А если... Нет, а что, может, и сработает...

Вернувшись к капитану, излагаю план действий. Тот, отдаю должное, мгновенно включился и придумал все остальное, моя была только идея.

– Тише, кто брякнет чем-нибудь, в задницу эту брякалку пусть сразу сует! – шепчет ротный.

Мы заняли исходные позиции в траншее с правой стороны. Впереди по эту сторону за спиной будут развалины большого дома, если что, есть, где спрятаться. Танки ждут от нас сигнала, зеленой ракеты, а начинать будет артиллерия с левого берега. Удалось командиру уломать комдива, а тому Чуйкова. Сосредоточившись всей ротой, ждем сигнала от группы отвлечения. Вместе с прибывшим небольшим пополнением нас восемьдесят человек, уже легче, все не взводом идти. Впереди слева хлопнули дымовые гранаты. В тишине, а сегодня ночью просто удивительно тихо, этот звук был хорошо различим. Немцы открыли огонь на подавление. Стреляло два или три пулемета, но вот куда? Мы-то знаем, что там никого нет, еще бы, в группе отвлекающих с дымом всего три бойца, и у них приказ не высовываться. Из Дома Павлова откроют огонь два ручника и два «станкача», обозначая обстрел, но они закончат, как только мы пустим ракету. Немчура сосредоточила огонь на дымовом облаке, из которого вылетали пули наших пулеметов, ну и немного постреливала по сторонам. Капитан ждет вторую волну дымовых гранат и отдает приказ. Из нашей траншеи тоже полетели дымовые гранаты. Рывком бойцы выбрасывают себя на

встречу летящим пулям. Немцы не понимают, откуда придет беда, стреляют кругом, хоть и довольно редко. Кто-то, получив шальную пулю, тут же летит назад, кто-то бежит вперед, открываем шквальный огонь, конечно, не прицельный. Бегу рядом с ротным в середине толпы. Над головой взлетает зеленая ракета, блин, как в кино, с эффектом присутствия. На правом плече торчит кусок ваты, видно, пулей рассекло новый ватник, черт, я только смог «намутить» себе новую одежду. Пригибаюсь, хотя понимаю, что не поможет. До развалин справа метров тридцать, уходим все вдруг в сторону разрушенного дома, там кроме немецких наблюдателей никого нет, специально вечером два часа наблюдал. Справа, из-за дома, в котором мы укрылись, звучат выстрелы танковых орудий. Где-то позади, со стороны Дома Павлова, начинают долбить «дивизионки», они долбят прямо в «Молочный». Я убедил капитана не занимать дом, а обложить тут все взрывчаткой, на случай, если немцы нас опрокинут, и впоследствии уничтожить серьезно укрепленную огневую точку противника, обезопасить себе фланг.

Под ударами танков, враг побежал просто мгновенно. Мы подходили к месту назначения вполне спокойно, так, пригибались немного. Скоро придут саперы, заминировуют «Молочный» дом и территорию рядом, сплошняком, нефиг оставлять немчуре «опорник».

Приданные нашему батальону танкисты ушли вперед к железной дороге, там стоят немецкие танки, поэтому ребя-

там дан приказ атаковать. Мы выбили остатки обороняющихся и поняли, почему сопротивление было слабым. Пулеметов у немцев было три штуки, но вот патронов... Трофеи были очень грустными, до неприличия. Похоже, проблемка нарисовалась в знаменитом орднунге. Через два часа три наших роты закончили зачистку прилегающих домов и получили жесткий приказ: стоять насмерть. Прошло буквально около часа, когда на площадь выползли два КВ и одна «тридцатьчетверка», все, что осталось после атаки. А вслед за ними появились больше десятка машин противника. Началось избиение младенцев. Наши танкисты, не успевая толком развернуться, получали снаряды в корму. КВ все-таки развернулись, броня у них все же посерьезнее, а вот «три-четыре» спалили мгновенно, из танка никто не вылез. Ротный поднял нас в атаку, едва немецкие пантеры вылезли на площадь. Атакуя гранатами и бутылками с КС, удалось сжечь пару машин. Немцы стали расползаться, не давая возможности к ним подойти, и непрерывно обстреливали наши КВшки. Кто-то начал кидать гранаты с дымом, пытаясь укрыть оставшиеся в живых наши танки. Немцы тормознули, дожидаясь пехоту, а ту мы вполне успешно отсекали. Полетели мины, ударили орудия. Мой взвод как всегда был самым «счастливым» и находился именно в «Молочном», блин, я словно чувствовал, что в нем окажусь. Стен уже почти не было, укрыться просто негде, простреливается каждый метр. Слева кто-то вскрикнул, как-то даже жалобно, поворачиваю го-

лову, парню осколком срезало полруки, смотрит на нее, лежащую на кирпичках, и стонет. Взрыв, грохот, огонь. Опять вскрик, уже не оборачиваюсь, понимаю, кому-то еще прилетело. Мат и проклятья сзади справа. Боец, лежа на спине, матерится и пытается зажать перебитую ногу. Тут же рядом с ним валится еще один, полголовы снесло. Сверху при каждом попадании мины или снаряда падают какие-то балки, куски стен и просто битый кирпич, получаю свой кирпичик в каску. В голове звон, но силы еще есть, пока не выдохся. А немцы-то лезут сюда, ой как им хочется занять домик... Кидаем гранаты с дымом, последние, кстати. Вывалившись на улицу со стороны площади, попадаем под огонь между домами. Обернуться не успеваю, как что-то долбит в спину, чуть ниже лопатки. Ноги подкашиваются... Мысли в голову лезут одна хуже другой. Через секунду осознаю, что вроде не умер, боль в спине есть, но не внутри, а как будто поленом дали вдоль хребта. Оглядываясь по сторонам, вижу и то «полено». Приличный кусок стены, размером с ведро, лежит рядом со мной. Эх, меня что же, этой дурой приложило? А если бы в голову... Пытаюсь перевернуться, получается, но с трудом. Приподнимаюсь на ногу и слышу:

– Куда, лежи, немцы! – Разворачиваюсь в направлении врага и целюсь. Автомат протарахтел короткой, патрона три-четыре очередью и заткнулся. Выбиваю диск, а запасной-то уже тю-тю, отстрелял я его еще в доме. Черт, спрятаться некуда вообще. Пока в меня не стреляют, замечаю, что на-

ши ребята еще отстреливаются, находясь где-то поблизости. Автомат на землю, магазин в левую, правая рука лезет в карман в поисках патронов. Набил едва ли половину диска, когда между домами показались солдаты противника. Втыкаю диск, дергаю затвор. Поймав в прицел бегущего первым невысокого фашиста, давлю на крючок. Треск очереди, противник падает, остальные залегают и открывают ответный огонь. Фонтанчики встают в метре впереди меня. До противника буквально десятков-полтора шагов. Кто-то рядом кричит:

– Ложись! – Что за дурацкое предложение, и так все лежат? – Взрыв, свист осколков. Среди врагов паника и крики раненых. Стреляю, стреляю, стреляю, всё, кончились патроны. А больше ведь не успею снарядить. Выхватываю гранату и пистолет из кармана штанов. «Фенька» приятно холодит руку, кольцо долой, размахиваюсь и зашвыриваю ребристый подарок куда-то в сторону немцев, бахает взрыв, осколки щелкают по зданиям вокруг, некоторые находят свою жертву, другие утыкаются в кучи битого кирпича. Выставив руку с пистолетом перед собой, ищу врага, а чего, кончились, что ли? Только сейчас замечаю, что вокруг земля трясется и грохот появился. Оборачиваюсь... Мама дорогая! На меня ползет КВ, блин, а ведь меня из него не видно... Механ там просто правит в просвет между домами.

«Он сейчас меня наматает на свои лапти, даже не почувствовав», – мелькает мысль.

Рывок, кто-то, схватив меня за ватник на спине, рывком оттаскивает в сторону. Успеваю заметить, как ППШ попадает аккуратно под гусянку. Ругаюсь, матерясь как сапожник. Вспомнив, что кому-то должен целую жизнь, оборачиваюсь. Рядом лежит и еле дышит щупленький паренек. Лицо в крови, но вроде живой.

– Эй, ты кто? – Молчание. – Спасибо, братка. Ты живой? – Вместо ответа у парня закрываются глаза. Нависаю над ним, заглядывая в лицо. Черт, ближе к виску рваная рана, размером с олимпийский рубль. Кажется, даже вижу, как что-то пульсирует там.

– Эй, брат, не умирай давай, ты мне жизнь спас. – Стрельбы над головой уже нет, КВ подавил остатки преследовавшей нас пехоты и ушел дальше. Встаю и, потянув за руку, поднимаю и взваливаю на себя бойца. Я огляделся, хотя и темно, парнишка маленький и весит соответственно. Начинаю движение, сил пока хватает, упрямо иду вперед. Метров за пятьдесят до траншеи навстречу поднимаются пара бойцов и бегут, пригибаясь ко мне. Приняв у меня раненого, устремляются обратно. Дальше уже легче, падаю в окоп и... подняться уже не могу. Сердце того и гляди выскочит из груди. Как я устал!!! В чувство прихожу от толчка в спину и задницу. Сверху летят комья земли, слава богу, не в меня. Эхо очень большого взрыва прокатывается по площади и тает где-то в районе реки.

«Так это наши дом рванули, вот что это было!» – приходит

МЫСЛЬ.

Как в книгах того времени писатели с легкостью описывают бой целого полка или хотя бы батальона? Да чушь собачья! Как можно описать такое? Я себя-то не помню, если подумать, а тут действия сразу нескольких солдат нарисовать!

Сколько просидел в траншее, не помню, но побрел в сторону своих, когда уже светало. Черт возьми, вот это замес! Как выжил? Не представляю. Воспоминания об атаке пролетают вихрем, кажется, что это вообще было во сне. Страшно, черт, как же страшно-то... Плюнуть в лицо тому, кто говорит на войне, что ему не страшно. Страх сковывает движения, лишает воздуха, из ног уходит твердость. Сейчас такой отходняк, что не могу фляжку открыть, руки трясутся.

– Давай помогу, – кто-то берет из моих рук фляжку, скорее, выхватывает, ибо трясущиеся пальцы судорожно пытались ее удержать. – Держи, спокойней, спокойней. – Горлышко прижимается к губам, и чувствую, как в рот течет живительная влага. Соленый привкус крови из разбитых губ, уходит, смываемый водой.

– Ну-ка, вот этого давай! – Мне снова подносят фляжку и, хоть и почуял запах, но не отстранился. Один глоток, второй, чуть не подавившись, отстраняюсь и пытаюсь поймать ртом воздух.

«Спиртяга, чистоган!» – В голове начинает тихонько шуметь и тут же накатывает волна расслабления. Просто сползаю по стене, у которой сидел, и валюсь на бок.

– Эй, сержант, ты чего? – слышу, словно в трубе. – Давайте его сюда, на кровать.

«Какая в дупу кровать, где, здесь?» – В голове нарастает шум, и веки падают словно железные.

Тишина. Волшебные ощущения. Просто лежу с закрытыми глазами, нет, не желаю их открывать, пошло все... Полу-мрак, свет от горящей коптилки, сделанной из гильзы сорокапятимиллиметрового снаряда, немного освещает подвальное помещение.

«О, да это же КП ротного, а сам он где?» – Поворачиваю голову, там, в углу за ширмой, сейчас откинутой, спит за столом политрук, положив голову на руки. Больше никого не вижу.

«Как же тихо-то! Что, война кончилась?» – слышу шаги и поворачиваю голову в другую сторону, там где-то вход в это помещение.

– Очухался? – слышу голос ротного, но пока не могу разглядеть.

– Ага, – хрипло отвечаю. Где это я так голос сорвать успел?

– Сейчас сестру позову, тебя обработать надо, не стали трогать, пока спал, только рвань сняли, – ротный просто сама вежливость.

– Остальных обработали? – спрашиваю, хотя и начинаю соображать, что наверняка уже все сделали. Просто чувствую, что прошло прилично времени.

– Да, у тебя вроде серьезного ничего, просто много, а с ранениями сразу на осмотр погнали.

– Сколько я тут отдыхаю уже? – поднимаюсь и сажусь на кровати. Блин, да какая кровать, просто сетка, без спинок, на кирпичках стоит.

– Почти сутки в отрубе, даже не шелохнулся, пока спал, – ротный вышел и попросил позвать сестру.

– То-то чую, что затекло все, даже язык не ворочается, – увидев в руках капитана флягу, тяну руки. Обращаю внимание на пальцы, черт, не приснилось все же, тремор появился, хоть и слабый.

– Глотни-ка вот этого сначала, потом воды напьешься, – ротный протянул свою фляжку и, подождав, пока я сделаю пару глотков, подал другую.

– Фу-х-х, – выдыхаю, – ты меня вчера этим же напичкал?

– Ага, тебя и срубил с устатку сразу. Просто сидел и... упал.

– Бывает, – многозначительно киваю я. – Чего на улице? А то как-то тихо. – Только сейчас замечаю, что у комроты голова под шапкой замотана.

– Так ночь почти, фрицы сегодня вообще здесь не лезли, хорошо получили. По словам комдива, мы вчера чуть не два батальона у них перемололи.

– А они у нас? – робко спрашиваю я.

– Нет батальона. Два взвода, чуть больше. Из командиров только я, политрук, ты и еще пара сержантов, хотя я бы вас

всех минимум в капитаны произвел.

– Перестань, Саша. Как закончилось-то? И что с головой?

– А-а, царапина. А закончилось... – задумался на секунду ротный, – да как рванули «твой» домик, сразу как отрезало. Танкисты на последнем КВ покружили чуток и вернулись к себе. Тринадцать танков и два самохода сожгли, не без нашей помощи. Немцы сейчас возле железки сидят, тоже раны зализывают.

– Ясно, какие приказания будут? – спросил я.

– Комдив приказал отдыхать. Как разгребут с прорывом у сто второй, так определятся, кого и куда нужно «вливать». Но там, я думаю, нескоро, пару дней нам отдышаться дадут. На сто второй высоте и на территориях заводов сейчас такая же жара, за месяц вторую дивизию укладывают, наверное.

– Там хлеще! У нас хоть развалины и подвалы есть, а высота как коленка. – Опускаю голову и смотрю в пол, черт, накрыло слегка. – И в цехах, наверное, черт ногу сломит, тоже не сахар.

Появилась санитарка. Странно, не Маша. Комроты проследил за моим взглядом, вдруг сказал:

– Убило ее. Шальная, прямо в грудь, не мучилась, – ротный тоже хлебнул из своей фляжки.

Молчу. Женщина лет сорока споро делает свое дело. Пока обрабатывала мои ссадины, порезы, ушибы и прочее, включая сорванный с указательного пальца на левой руке ноготь. Увидел, сразу заболело.

– Сынок, потерпишь? Надо палец промывать, а то нагноится, – по мне так проще отрубить.

– Дайте тряпку, – взяв из рук санитарки маленький кусочек серой, застиранной тряпицы, встал и, пошатываясь, вышел из подвала. На улице опять было темно. Встав к ближайшему углу, пописал на тряпочку и вернулся в подвал.

– Привязывайте прямо так, – я положил смоченную тряпочку на место, где раньше был ноготь, и выставил палец вперед.

Обработка моих «ранений» затянулась на добрых полчаса. Сестра смазала какой-то вонючей жижей даже шишку на голове. Хорошо меня «уделали». Было бы столько ранений, а не ушибов и ссадин, сидел бы сейчас, как мумия. Болит и правда практически все. В голове до сих пор слышится набат.

– Есть хочется, ничего не завалилось? – в надежде смотрю на командира.

– Да ты что? Еды у нас теперь хватает. Немчура снабдила как следует! – Ну хоть что-то хорошее на сегодня.

Поев, опять лег спать. Двигаться совершенно не хотелось, да и командир дал добро. С утра начались земляные работы. Так как подразделение было небоеспособно, нас послали на соседнюю улицу копать траншеи и окопы. Меня ротный не хотел отпускать, да сам напросился.

– Товарищ капитан, я хоть отвлекусь, а то голова гудит, поработаю со всеми лопатой. – Ротный кивнул и разрешил.

Какой тут командир взвода, от моего взвода почти никого не осталось, так что я считал себя обычным бойцом.

А копать мне даже понравилось. Люди ворчали вокруг, кто-то говорил, что, дескать, все равно убьют, на фига уставать, кто-то, сжав зубы, копал. Мне было как-то ровно, выкал лопату, поднимал землю, кидал. Редкие разрывы мин ухали хоть и близко, но из траншей никто не уходил. Ляжешь на дно и отдыхаешь.

Фрицы кинули сейчас основные силы на заводы, а у нас просто обороняются, вперед не лезут. Командир полка и от нас пока не требует активных действий, копаем, строим блиндажи, минируем подходы. Мин нынче у нас хоть весь город засеять можно. Немецкие, наши, даже итальянские есть, ставим везде, густо. Траншеи углубляем и углубляем, как немец постреляет из орудий или авиацией пройдет по нам, так почти все осыпается, приходится вновь рыть. Слава богу, сейчас нам мало достается, как уже говорил, больше на заводы кладут.

От разведки стало известно об укреплениях фашистов в некоторых больших домах. Там создавались сильно укрепленные огневые точки, ставились проволочные заграждения. В таких зданиях, как Госбанк, дом железнодорожников и еще нескольких местах, у немцев были довольно серьезные гарнизоны. В Госбанке опять укрепились больше роты вражеских солдат. Здание, подорванное с одной стороны, никак не мешало фрицам устроить там пункт обороны. С их

возможностями использования радиосвязи воевать было не в пример легче. У нас же кинут телефонку, через полчаса иди, ищи обрыв. Пока связисты ползают, их убивают. Посыльные это вообще отдельная тема. Приходит как-то такой парнишка от комполка, передает приказ ротному. Капитан еще осмыслить не успевает, бежит второй. Сведения устаревают в несколько минут, как мы воюем? Теперь мне стало понятным, почему в двадцать первом веке мы по связи и средствам радиоэлектронной борьбы одни из лучших в мире, усвоили урок.

– Иванов, к ротному! – прозвучал призыв в траншее. Я перекурил как раз, дав отдых спине. Поднявшись, потопал к КП нашего командира.

– Сержант Иванов по вашему приказанию...

– Да заходи ты, садись, – ротный перебил, не дав договорить.

– Прибыл я, – сев на гранатный ящик, снял каску.

– Тут такое дело... – начал капитан, – «язык» нужен, от «соседей». – Ага, вон чего требуют. «Соседями» мы звали фрицев, занимающих двухэтажное здание практически в квартале от нас. Там у фрицев то ли комендатура, то ли офицерский бордель, то ли еще чего-то такое, но офицеры там бывает много. Почему командир меня позвал? Разведка ведь лазает везде, сами бы и тащили «языка». Где мы и где захват пленных?

– Товарищ капитан, не уверен, что справлюсь...

– Ты не суетись, меня руки твои интересуют. Покажи, – вытягиваю вперед руки, вроде не дрожат уже, прошло три дня, успокоился вроде. Только указательный, где ногтя нет, когда тряпку отрывали, думал, руку рубят. – Пойдут ребята из соседнего полка, будут работать напрямую в здании. Нужен человек, способный прикрыть от возможного преследования. Уходить, скорее всего, будут с шумом, прикрытие нужно хорошее.

– Я готов, когда они выходят? Мне нужно место присмотреть.

– У тебя есть время до двух ночи. Группа выйдет в четыре. Самое позднее в три ты должен быть на позиции.

– Буду, разрешите идти? – козырнул я.

– Иди, сержант, иди, – кивнул капитан.

Взяв с собой бойца, одного из бывших «сидельцев», мы двинули по темным улицам в направлении нужного дома. Новый напарник, мужик немного за тридцать, телосложением он, как и я, среднее такое, сложение, в смысле хороший человек-то оказался. Я вначале, как познакомились после моего излечения, скептически относился к нему и еще одному такому же, только тот постарше. Отыскав подходящие развалины, осмотрел подступы. С собой у нас было десять гранат Ф-1 и хороший моток лески. За час возни, ползая по развалинам, мы установили шесть штук на самых очевидных подходах. Мужичок по имени Федор был толковым. Спокойно, не дергаясь, он делал все, как я показываю.

– Все, последняя стоит, командир, чего дальше? – Федя приполз ко мне. Я занял позицию в трех сотнях метров от здания комендатуры, или чего там в нем еще есть, не знаю толком. Немцы как всегда активно подсвечивают ракетами округу, пробраться внутрь для разведчиков задачей будет трудной.

– Примерно через час появятся наши. Спустишься вниз и перехватишь их, надо сказать им, что с северной стороны, куда они, скорее всего, полезут, для меня слепая зона, пусть думают.

– Понял. Жрать хочешь, у меня сухари с собой есть? – предложил Федор.

– Ладно хоть не колбасу немецкую прихватил, а то собачки прямо к нам и придут, – усмехнулся я одними губами. Про собачек не просто так заговорил. Вокруг дома раз в час проходит патруль, два солдата с собакой. – Парням еще про патруль скажи, пусть внимательнее будут. Давай сюда свой сухарь, чего-то и правда есть хочется.

Вообще-то есть здесь хочется всегда, когда ты не воюешь. Только во время боя отвлекаешься. Удивительное дело, вроде с едой особых проблем нет, но как-то все время хочется что-нибудь пожевать. Бойца вон одного в прошлом месяце, еще у Нечаева, в санбат увезли с болью в животе. Жрал так, как будто у него яма желудка. Вот и наелся, что брюхо скрутило. А так жуют все и всегда, я в прошлой жизни любителем арахиса был, соленого, сидишь вечерком дома, кидаешь

в рот, и так хорошо становится, что больше-то и не надо ничего.

Потихоньку шевелю челюстью, стараясь не хрустеть. В слюне бы размочить, так чего-то глотку сушит. Достав флягу, сделал пару глотков, полегчало. Ну их нафиг, эти сухари.

От постоянно взлетающих осветительных ракет в глазах уже рябит. Для стрельбы с оптикой это очень плохо, глаза устают будь здоров, словно пелена нависает.

– Федь, посмотришь, я глаза прикрою, – я сполз чуть ниже и, лежа на спине, закрыл глаза.

– Сколько еще ждать? – спросил напарник.

– С час примерно, – я, кажется, даже задремал.

– Командир, время! – шепнул мне в ухо Федя, и я очнулся.

– Давай вниз, осторожнее только, они развалинами пойдут, сядь так, чтобы ракеты не освещали тебя, – взглянув на часы, я дал указания помощнику.

– Понял, – Федя быстренько уполз. Не попался бы только, тут фрицев кругом ползает много, район-то под ними.

В развалинах через дорогу, левее нужного разведчикам здания, мелькнуло что-то темное и бесформенное. Судя по времени, наши уже должны были подойти. Спустя десять минут появился Федя.

– Ну блин, они и ползают! – восхитился напарник. – Пока нож у глотки не оказался, никого не видел и не слышал.

– Это они могут, я слышал, разведчики в дивизии те еще мастера. Как прошло?

– Все передал, просили быть внимательнее, – рассказал о встрече Федор.

– Ложись давай и бди, – я приник к прицелу. Сотню раз уже проверил патроны в винтовке, но все равно не удержался и открыл затвор вновь. В свете подвешенной немцами «люстры» тускло блеснул патрон в патроннике. Закрыв затвор, вновь приник к прицелу. Интересное здание, явно старинное. Окна узкие, стены толстые. Пустые оконные проемы смотрели на меня чернотой. Только в центре здания, на обоих этажах, окна были забиты досками. Признаков жизни не видно вообще, даже лучик света нигде не мелькнет, хорошо немцы спрятались. С этой стороны здания подъездов нет, соответственно и охраны нет. Ракеты запускают позади дома, видимо, немцы во дворе сидят, почему не прикрыт фасад, не понимаю. Хотя патруль-то ходит, периодически.

В одном из проемов вдруг засекаю слабый огонек, ну-ка, ну-ка... Точно, фриц в глубине комнаты, покуривает сидя за пулеметом. Это я в бинокль разглядел, в прицел было не видеть. Бегло осмотрев другие, убедился, что больше на этой стороне никого нет. Навелся на всякий случай на пулеметчика. Ждем, время тянется пипец как медленно.

– Пошли, – шепчет Федя. Значит, видит разведчиков. Спустя несколько секунд замечаю изменение ситуации в том окне, где видел пулеметчика. Тени мелькают, а бинокль я передал напарнику. – Грохнули кого-то. – Ага, Федя с биноклем видит лучше, чем я.

– Там пулеметчик был, его, наверное, – поддерживаю я и теперь уже осматриваю весь дом и округу.

Тихо, никого и ничего. Только бы патруль не изменил время прохода. Ага, пошло движение. Из окна с левой стороны появляется человек, спустившись, встал на колени и держит автомат у плеча. Вот и второй, вылез и обернулся к окну. Приняв то, что передали из окна, второй тоже осматривает округу. Появляется третий. Вся группа разом, подхватив того, кого захватили, а это явно был пленный, помчалась к развалинам, где их ожидает четвертый боец. Ну разведка, ну молодцы! Без единого шороха сработали. Спустя минуту в развалинах уже никого нет, группа ушла, а мы еще посидим чуток.

Спустя двадцать минут Федя теребит меня за рукав.

– Да, идем, – подтвердил я, и мы снялись с места. Вылезая из развалин, растяжки не снимаем, нехай остаются, немцам подарки будут. Лишь ставлю еще одну между двух домов, где сами пойдем, преследование отсечь, если будет. Хотя на удивление все тихо, даже ракеты взлетают с прежним интервалом. Думаю, хватятся немцы, когда найдут пулеметчика.

Уже будучи в конце улицы, услышали отдаленные свистки, а затем хлопнул взрыв.

«Растяжка», – мелькает в голове. Тут же приходит подтверждение, слышатся выстрелы из винтовок и совсем рядом пролетают несколько пуль.

– Федя, ноги! – Мы уже возле угла двухэтажного дома.

Сворачиваем, удивительно вовремя получилось. Из угла за спиной пули противника выбивают крошку.

– Федь, давай к НП, там сюрприз стоит, в дом не входим, ныряем в подвал.

Прошмыгнув под прицелом станкового пулемета, хорошо, что бойцы на НП предупреждены, лезем в подвал. Сзади стрельба продолжается, причем явно усилилась, в кого они там стреляют? Перекинувшись с постом парой фраз, узнаю, что разведчики давно прошли, предупреждаю ребят, чтобы были начеку. Сверху вдруг начинает долбить наш станкач, ого, фрицы прямо по темноте решились на атаку! Уходим, оставляя бойцов встречать атакующего врага. Тут гарнизон небольшой, отделение при двух пулеметах, но рядом в соседних руинах и блиндажах бойцы есть, хоть и немного.

Ротный встретил одним словом: «Молодцы», и, кивнув, разрешил отдыхать. Бойня в соседних домах тем временем закончилась, не решились фрицы дальше идти, ну это понятно, как и у них, у нас тоже хватает заграждений и опорники усилены, дай бог. Все-таки последние дни очень тщательно закапываемся.

Немцы сейчас перенесли пик своих атак на позиции наших войск, что расположены в цехах заводов, на севере города. Там звиздец чего творится, мясорубка, по-другому и не скажешь. На нашем же участке, в центре города, немцы перешли к глухой обороне, с редкими вылазками. У нас, наоборот, командование армии постоянно требует атаковать, не

давать немцам зарываться, но как тут атаковать? Постреляем немного, минометы подолбят, но немцы не ведутся, стараются тупо отстреливаться из пулеметов, иногда привлекая минометы. Понятно, что в контратаку они не пойдут, не глупые, понимают, что нам это и нужно. А мы лезем, теряем бойцов понемногу, хорошо, что больше раненых пока, убитых единицы.

– Сержант, – командир вернулся с КП дивизии, собирали сегодня всех, включая командиров рот. Принимая во внимание, что батальонов уже как таковых и нет, становилось понятным, почему задачи ставят сразу ротным, – завтра после артподготовки пойдём в атаку. Приказано захватить дом железнодорожников и очистить ближайшие к нему дома. Мы должны выйти на рубеж по Пензенской улице, откинув противника за площадь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.